

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю. В. Ветошкина

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Допущено методическим советом
Пермского государственного национального
исследовательского университета в качестве
учебного пособия для студентов всех специальностей
и направлений подготовки бакалавров,
изучающих дисциплину «Культурология»*

Пермь 2019

УДК 008(07)
ББК 71я7
К906

Составитель: Ветошкина Ю. В.

К906 **Культурология** [Электронное издание]: хрестоматия / сост. Ю. В. Ветошкина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2019. – 1,67 Мб; 149 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/vetoshkina-kulturologia.pdf>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3310-4

Учебное пособие нацеливает на изучение дисциплины «Культурология» посредством погружения в мир художественных текстов. Данный метод работы помогает студентам увидеть и проанализировать практические ситуации, соответствующие теоретическим схемам.

Предназначено для студентов, изучающих дисциплину «Культурология», которая является дисциплиной базовой части образовательной программы в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

УДК 008(07)
ББК 71я7

*Издается по решению ученого совета философско-социологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: кафедра культурологии и философии ПГИК (рецензент – доцент кафедры, канд. филос. наук **С. Г. Дюкин**);
канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ПГИК **А. С. Черноусова**

ISBN 978-5-7944-3310-4

© ПГНИУ, 2019

© Ветошкина Ю. В., составление, 2019

Пояснительная записка к учебному пособию

Культурология – это гуманитарная наука, которая исследует человека и его мир. Важнейшей целью изучения культурологии является формирование контекстуально обоснованного и уважительного взгляда на мир другого человека, представления о культурной множественности и возможности сосуществования в эклектичном мире, полном разнообразных ценностей и норм. Культурологическое знание многомерно. Обнаружить его можно не только в строгой и наукообразной теории, но и на материале литературного творчества.

Ключевым для понимания смысла этого учебного пособия стало понятие «репрезентации». Это многозначное понятие является базовым в культурологических исследованиях. Репрезентация – это процесс конструирования, представления одного в другом и посредством другого. В данном случае культурологическое знание в целом неявно или открыто инкорпорировано в художественный текст. Авторское произведение ценно для нас не только как художественное произведение, но и как носитель социокультурного контекста. Изучая культурологию, важно вчитываться в литературное произведение, не только понимать то, что сказано автором, но и видеть взаимосвязь художественного текста и культурной ситуации, которая исторически сложилась в обществе. Для филолога литературное произведение является художественным текстом, а для культуролога – текстом культуры, набором символов и знаков, а также правил, норм и обычаев, характерных для данного типа общества, репрезентацией множества идентичностей. Таким образом, через чтение художественного произведения студент, изучающий культурологию, сможет познакомиться с морфологией культуры, ее базовыми элементами.

Основным материалом хрестоматии стали фрагменты художественных произведений, в том числе отрывки из пьес, а также материалы автобиографических произведений. Эти материалы соответствуют целям и задачам курса, среди них есть фрагменты произведений как классиков, так и современные писателей, чей статус еще не определен.

Тексты в хрестоматии расположены по разделам, соответствующим изучаемым темам в курсе «Культурологии». Курс предполагает 28 часов лекционных и 14 часов семинарских занятий. К каждому фрагменту тек-

ста предложены вопросы, отвечать на которые можно как устно, так и письменно. Некоторые вопросы требуют знания фактографии, культурологической теории, но большая часть вопросов предусматривает самостоятельное применение полученных знаний при анализе художественных текстов.

По итогам освоения дисциплины с использованием материала хрестоматии бакалавр должен:

- знать основные понятия, термины культурологии, основные концепции культурологического знания;
- уметь применять эти знания на практике, в том числе при анализе состояния культуры общества в определенный период;
- владеть методами сравнительного анализа социокультурных явлений разных общественных подсистем.

Тема 1. Культурология в системе гуманитарного знания

Феофраст. Характеры*

I. Ирония

Ирония в широком смысле - это притворство, связанное с самоумалением в действиях и речах, а ироник - вот какой человек. Придя к своим недругам, он готов болтать с ними, показывая вид, будто вовсе не питает к ним неприязни. В глаза он расхваливает тех, на кого исподтишка нападает, и изъявляет соболезнование, если те проиграли тяжбу. Он даже оправдывает тех, кто дурно отзывается о нем и обвиняет его. С людьми обиженными и раздраженными разговаривает спокойно, а если кто настойчиво добивается встречи с ним, велит прийти позднее. О своих делах ничего не рассказывает: говорит, что только обдумывает и ничего еще не решил, делает вид, будто только что пришел, что уже поздно, что ему нездоровится. Если кто просит у него денег в долг или собирает складчину <...> и если он несет что-нибудь на рынок, то говорит, что не продает, а если не продает, то, наоборот, объявляет, что продает; что бы ни услышал, притворяется, что ничего не слышал, увидел - говорит, что ничего не видал; договорившись о чем-нибудь, заявляет, что не помнит; то говорит, что еще поразмыслит, то - что еще не знает; то - что удивлен услышанным, то - что и сам уже так рассудил. Обычно он выражается в таком роде: «Не могу поверить», «Этого я не постигаю», «Я поражен». Или же: «Ты говоришь словно о другом человеке: мне он рассказывал совсем не то», «Это мне странно», «Рассказывай кому-нибудь другому», «Теряюсь: тебе ли не верить или его обвинять?», «Подумай все же: не слишком ли ты легковерен?»

II. Лъстивость

Лесть можно определить как недостойное обхождение, выгодное льстецу. А льстец вот какой человек. Идя с кем-либо, он говорит спутнику: «Обрати внимание, как все глядят на тебя и дивятся. Ни на кого ведь в нашем городе не смотрят так, как на тебя! Вчера тебя расхваливали под

* Феофраст. Характеры. URL: <http://lib.ru/POEEAST/TEOFRAST/teofrast1.txt> (дата обращения: 23.03.2019).

Портиком. А там ведь сидело больше тридцати человек. И когда речь зашла о том, кто самый благородный, то все (и я прежде всего) сошлись на твоём имени». Продолжая в таком духе, льстец снимает пушинки с его плаща, и если тому в бороду от ветра попала соломинка, то вытаскивает ее и со смешком говорит: «Смотри-ка! Два дня мы с тобой не видались, а уже в бороде у тебя полно седых волос, хотя для твоих лет у тебя волос черен, как ни у кого другого». Стоит только спутнику открыть рот, как льстец велит всем остальным замолчать, и если тот поет, то расхваливает, а по окончании песни кричит: «Браво!» А если спутник отпустит плоскую шутку, льстец смеется, затыкая рот плащом, как будто и в самом деле не может удержаться от смеха. Встречным он велит остановиться и ждать, пока «сам» не пройдет. Накупив яблок и груш, он угощает детей на глазах отца и целует их со словами: «Славного отца птенцы». Покупая вместе с ним сапоги, льстец замечает: «Твоя нога гораздо изящнее этой обуви». Когда тот отправляется навестить кого-нибудь из друзей, он забегает вперед со словами: «К тебе идут!», а затем, возвратившись, объявляет: «Я уже известил о твоём приходе». Мало того, он способен даже, не переводя духа, таскать покупки с женского рынка. Первым из гостей он расхваливает хозяйское вино и приговаривает: «Да и в еде ты знаешь толк!» Затем, попробовав что-нибудь со стола, повторяет: «Что за славный кусочек!» Пристает к хозяину с вопросами: не холодно ли ему, не накинуть ли на него что-нибудь и - не дожидаясь ответа - закутывает его. С хозяином льстец шепчется, а во время разговора с другими оглядывается на него. В театре льстец сам подкладывает ему подушку, отняв ее у раба. И дом-то его, по словам льстеца, прекрасно построен, и земельный участок отлично обработан, и портрет похож.

III. Пустословие

Пустословие - это пристрастие к докучливо длинным и необдуман-ным речам. Вот какой человек пустослов. Усаживаясь рядом с незнаком-цем, он принимается расхваливать собственную жену. Потом рассказывает, какой сон приснился ему прошлой ночью, затем подробно перечисляет блюда, которые ел за обедом. Дальше - больше. Он заводит речь о том, что люди ныне пошли гораздо хуже прежних, а пшеница на рынке дешева, и как много понаехало иностранцев, и море уже с Дионисий снова судо-

ходно; а если Зевс пошлет побольше дождя, то и хлеба поправятся и через год он возделает поле; и как жизнь-то стала тяжела, и что Дамипп поставил самый большой факел на мистериях, и сколько колонн в Одеоне, и что «вчера меня стошнило», и «какой сегодня день», и что в боэдромионе бывают мистерии, в пианепсионе Апатурии, а в посидеоне - Сельские Дионисии. И если терпеть его пустословие, то он так и не оставит в покое.

IV. Неотесанность

Деревенскую неотесанность можно, пожалуй, определить как невоспитанность, связанную с непристойностью. А неотесанный вот какой человек. Напившись кикеона, он отправляется в народное собрание и заявляет, что мирра издает запах не лучше дикой мяты. Сапоги носит непомерно большие и говорит зычным голосом; друзьям и родственникам не доверяет, с рабами же, напротив, советуется по самым важным делам; поденщикам, работающим на его поле, пересказывает все, что происходило в народном собрании. Садится он, задрав плащ выше колен, так что видна его нагота. На улицах города ничто его не удивляет и не поражает, и только когда увидит быка, осла или козла, то останавливается и внимательно разглядывает. Доставая что-нибудь из кладовой, он тут же наестся и хлебнет неразбавленного вина. Пекарку он сначала украдкой притиснет, а затем наметет с ней муку для всех домашних и для себя. Завтракает на ходу, задавая корм скотине. На стук сам отворяет входную дверь, а затем, подзвав собаку, треплет ее по морде приговаривая: «Вот кто охраняет мою усадьбу и дом!» Получая от кого-нибудь монету, говорит, что она слишком истерта, требует взамен другую. Если ему пришлось одолжить кому-нибудь плуг, корзину, серп или мешок, то он встает ночью и требует вещи назад, так как воспоминание о них не дает ему заснуть. Когда же спускается в город, то спрашивает первого встречного, почем овчины и соленая рыба. Празднует новолуние и объявляет затем, что в городе хочет постричься и мимоходом забрать от Архия соленую рыбу. В бане он поет и сапоги подбивает гвоздями.

V. Угодливость

Угодливость, если определить ее точнее, - это неуклюжее стремление во что бы то ни стало вызвать чувство удовольствия. А угодливый вот какой человек. Он уже издали приветствует встречного, величает его «почтеннейшим» и рассыпается в любезностях; схватив крепко, держит обеими руками и не отпускает. Потом, немного проведив, спрашивает, когда снова его увидит, и, наконец, удаляется с новыми изливаниями чувств. Приглашенный в третейские судьи, он старается угодить обеим сторонам, чтобы казаться беспристрастным. И иностранцам он твердит, что они-де судят справедливее его сограждан. Придя в гости на обед, он просит пригласить к столу также и хозяйских детей и при их появлении заявляет, что они, как две фиги, похожи на отца. Затем привлекает детей к себе, целует и усаживает рядом. С одними он сам начинает играть, приговаривая: «Мешок, топор», другим позволяет валяться у себя на брюхе, как бы они при этом ни давили на него. Волосы свои то и дело подстригает, зубы у него всегда белые, еще непоношенную, верхнюю одежду меняет, натирается благовониями. На рынке он зачастую подходит к столам мячал, из гимнасиев бывает только в тех, где упражняются эфебы. В театре во время представления сидит рядом со стратегами. На рынке для себя ничего не покупает, но отправляет посылки своим гостеприимцам в Византий, лаконских псов - в Кизик и мед с Гиметта - на Родос; и об этом он трубит по всему городу. Щеголяет он и тем, что держит дома обезьяну, купит титира, сицилийских голубей, газельи бабки, пузатые фурийские лекифы, гнутые лаконские посохи, полог с вытканными на нем фигурами персов. Есть у него также маленький усыпанный песком дворик для гимнастических упражнений и площадка для игры в мяч. И он обходит город, предлагая свою площадку для выступлений софистам, мастерам фехтования и музыкантам. Сам же приходит последним, чтобы кто-нибудь из собравшихся сказал: «Вот хозяин палестры».

VI. Отчаянность

Отчаянность - это приверженность к постыдным деяниям и речам, отчаянный же вот какой человек: он легко приносит клятву, безразличен к дурной славе, за бранью не постоит. По своей натуре он, можно сказать, рыночный завсегдайт, распоясавшийся, на все способный. Он готов даже

в трезвом виде отплясывать кордак и без маски выступать в комосе. На представлениях фокусников он собирает за вход медяки, переходя от одного зрителя к другому, и бранится с тем, кто предъявляет использованные билеты, желая смотреть представление даром. Он не прочь сделаться кабатчиком, сводником или сборщиком пошлин и не гнушается никаким позорным ремеслом, может стать даже глашатаем, поваром или игроком в кости. Родную мать не кормит; его хватают и сажают в тюрьму за воровство, и в тюрьме он проводит больше времени, чем у себя дома. Он из тех людей, которые собирают вокруг себя толпу: охрипшим голосом и надрываясь от крика обращается он к встречным с руганью и разглагольствованиями, одни подходят, другие уходят, не дослушав его; одним он успевает рассказать только начало, другим конец, третьим какую-то часть истории. Лучшей обстановкой для того, чтобы выказать свою отчаянность, он считает всенародное празднество. Этот человек способен также вести по несколько тяжёб, то как ответчик, то как истец; то он под клятвой уклонится от явки, то явится с «ежом» за пазухой и со связкой документов в руках. Не прочь он также верховодить толпой рыночных бродяг-перекупщиков, ссужать им деньги под проценты (причем требует за драхму полтора оболла в день), да к тому же еще обходить харчевни, лавки со свежей и соленой рыбой и собирать за щеку проценты со своих делишек.

XXII. Скаредность

Скаредность - это низменная боязнь расходов, а скаред вот какой человек. Одержав победу с трагическим хором, он посвящает Дионису деревянную диадему и пишет на ней свое имя. Как только зайдет речь в народном собрании о добровольных взносах, он встает и втихомолку уходит. Отдавая замуж дочь, продает жертвенное мясо, кроме частей, назначенных жрецам, а прислуживать на свадебной пирушке нанимает слуг на своих харчах. Во время триерархии он велит стлать себе постель кормчего на корабельной палубе, а свою бережет. Он также не пускает сыновей в школу в праздник Муз под предлогом нездоровья, чтобы не вносить за них доли в складчину. Накупив съестного, он сам несет с рынка мясо и овощи за пазухой. Когда приходится отдавать в стирку плащ, он не выходит из дому. Завидев приближающегося приятеля, который собирает складчину, скряга, хотя уже договорился с ним о взносе, все-таки свора-

чивает с дороги и кружным путем возвращается домой. Жене своей, которая принесла ему большое приданое, не покупает рабыни-служанки, а нанимает провожать ее с женского рынка девочку. Обувь носит с много раз наставленными подметками и утверждает, что они не уступают в прочности рогу. Встав утром, он сам подметает пол в доме и уничтожает клопов в постели. Когда садится, то отворачивает свой плащ, который постоянно носит.

XXVI. Приверженность к олигархии

Приверженность к олигархии - это, думается, стремление к господству, тесно связанное с корыстью. А приверженец олигархии вот какой человек. Когда народ решает, кого взять в помощь архонту распорядителями праздничной процессии он берет слово и предлагает облечь выборных неограниченной властью. И даже если другие выставляют десять кандидатов, говорит: «Хватит и одного, но пусть это будет настоящий муж». Из всего Гомера он запомнил только один-единственный стих: «Нет в многовластии блага, да будет единый властитель» - и больше ни одного не знает. Вот какие нравоучительные изречения он постоянно твердит: «Нужно нам собраться и между собой обсудить, как избавиться от черни и от рынка; надо отказываться от государственных должностей и не допускать для себя ни брани, ни почестей от этих людей». Затем: «Или этим людям, или нам жить в этом городе». Около полудня он выходит из дому, одетый в гиматий, умеренно подстриженный, с тщательно подрезанными ногтями, и провозглашает с трагическим пафосом: «Житья нет в нашем городе от сикофантов», «В судах нам беда от подлых, которые нас судят», «Дивлюсь я тем, кто еще занимается общественными делами! Чего им только надо? Ведь чернь неблагодарна и всегда благоволит лишь тому, кто устраивает раздачи и казенные подарки». Говорит о том, как он стыдится, когда рядом с ним в народном собрании усаживается какой-то жалкий и грязный нищий. И твердит: «Когда же наконец нас перестанут доминать общественными повинностями и снаряжением кораблей? И как же ненавистна нам эта порода народных вожаков!» Виновник всех этих бед, по его словам, прежде всего Фесей: «Это он собрал народ из двенадцати городов в один город и уничтожил царскую власть. И по заслугам сам и получил: эти люди его первого и погубили». И многое другое в таком же

роде говорит он, обращаясь к иностранцам и согражданам одинакового с ним настроения и взглядов.

XXVII. Опсиматия

Опсиматию уместно определить как усердие не по возрасту, а опсимат это вот какой человек. Шестидесяти лет от роду он может заучивать наизусть стихотворные отрывки да к тому же еще, принимаясь декламировать их за вином, забывает. Собственный сын учит его военному строю: «Направо! Налево! Кругом!» На празднества в честь героев он вносит долю складчины, чтобы вместе с юношами участвовать в беге с факелами. Если его позовут для жертвоприношения в храм Геракла, то он, скинув плащ, поднимает голову быка, чтобы подставить горло жертвы под нож. Он упражняется также в борьбе, появляясь в палестрах. На площадных балаганах он просиживает по три, по четыре представления, заучивая куплеты песенок. При посвящении в мистерии Сабазия старается превзойти всех других посвящаемых, красуясь перед жрецом. Влюбленный в гетеру, выламывает двери дома прелестницы и затем, избитый счастливым соперником, подает в суд на обидчика. Отправляясь в поле верхом на чужом коне, начинает наезднические упражнения, падает и разбивает себе голову. В кружке декадистов устраивает угощение тем, кто вместе с ним участвует в деятельности этого кружка. С сопровождающим его рабом он играет в «большую статую» и с дядькой собственных детей состязается в метании дротика и стрельбе из лука, да еще и учит его, как будто тот сам ничего не умеет. В бане он выступает борцом и при этом поминутно виляет задом, желая этим показать, что он опытный борец. И когда пляшут хоры женщин, то и старик пускается в пляс, сам себе подпевая.

XXVIII. Злозязычие

Злозязычие - это недоброжелательное расположение, проявляющееся в речах, а злозязычный вот какой человек. Если его спросят: «Что за человек такой-то?», он ответит так, как будто ему заказано составление родословной: «Сперва я начну с его происхождения. Что до его отца, то сначала его звали Сосием, в солдатах он стал Сосистратом, а после зачисления в списки демотов - Сосидемом. А вот мать его - благородная фракиянка. Зовут эту милашку Кринокоракрой. Такие дамы, как говорят, у себя на родине считаются благородными. А сынок таких родителей - негодяй и висельник. Он способен сказать кому-нибудь <...>: «Уж я-то, конечно, знаю все о тех». И затем добавляет к этому: «Эти женщины прямо на улице хватают прохожих и уводят к себе. Да и дом-то у них сам, пожалуй, готов задрать ноги. Нет, это не шуточное дело: они как собаки совокупаются прямо на улицах. Одним словом, эти бабы прямо насилуют мужчин. Они сами выбегают открывать на стук дверь во дворе». Конечно, когда другие начинают злословить на чей-нибудь счет, он тут как тут и непременно вмешивается: «Я-то, говорит, этого человека терпеть не могу больше всех. Ведь и с лица-то он какой-то мерзкий, а подлость его неслыханна. Вот пример. Жене своей (которая принесла ему таланты в приданое) после рождения ребенка он выдает ежедневно три медяка на харчи, да еще заставляет на Посейдонов день мыться холодной водой». В компании он способен злословить о только что вышедшем человеке, а лишь только начнет, то уж никак не может удержаться, чтобы не обругать еще и его родных. И не счесть гадостей, которые он распространяет о приятелях и домашних, не щадя даже покойников! Злословие - это для него и свобода слова, и демократия, и независимость; и нет на свете ему большего удовольствия, чем это.

Вопросы:

1. Что из этого текста Вы узнаете о культуре и жизни в Афинах IV в. до н.э.? Дайте характеристику быта и нравов.
2. Опишите внешний вид афинянина.
3. Составьте список посещаемых греками мест и практик. Найдите соответствие им в современной жизни (например, древнегреческий рынок - современный супермаркет).

4. Составьте иерархию ценностей.
5. Какое человеческое качество из описываемых Феофрастом характерно для людей современного общества?
6. Определите сходство и различия культур современности и Древней Греции.

Иванов А. Псоглавцы*

<...> А кто вы по профессии? Сотрудник фонда - не профессия.

- Конечно, это просто должность. Специалист по информационным технологиям - образование. А вот профессия... Названия у неё нет. Мы пользуемся жаргонным словом дэнжеролог. От английского «danger» - «опасность». Это не в смысле героя боевика, а в смысле таблички-предупреждения: осторожно.

Осторожно! - сам себе сказал Кирилл.

- От чего вы предостерегаете?

Роман Артурович задумчиво улыбнулся:

- Интересно, а как Даниил Львович вам это объяснял?

- Он чего-то намутил. Типа как есть артефакты культуры, которые влияют на жизнь общества, и ваш Фонд изучает эти влияния.

Роман Артурович рассмеялся:

- Н-да, Лурия умеет сказать главное, не сказав ничего. В общем, Кирилл, есть артефакты культуры, которые несут людям опасность. Мы отыскиваем такие артефакты, определяем принцип опасности, выясняем механизм действия и решаем, как сохранить артефакт, сделав его безопасным.

- Например? - тотчас спросил Кирилл.

- Корректнее всего приводить примеры из литературы. Скажем, у Толкина - Кольцо Всевластья, которое на горе Ородруин выковал волшебник Саурон. Механизм действия Кольца - выполнять желания владельца. Опасность в том, что Кольцо подчиняет себе владельца и развоплощает его. Способ нейтрализации - не надевать кольцо.

- Ой, только не надо таких примеров, - сморщился Кирилл.

Они подошли к опушке роши, в которой пряталось кладбище.

- Ну, хорошо, - улыбнулся Роман Артурович. - Другой пример - голова Медузы горгоны. Голова - культурный артефакт. Механизм его действия - превращать в камень. Опасность - для тех, кто посмотрит на голову напрямую. Способ нейтрализации - смотреть на отражение.

* Иванов А. Псоглавцы. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/251753/read?Talznp5F> (дата обращения: 23.03.2019).

<...> Они шли через кладбищенский лесок, и странный дэнжеролог излагал Кириллу странные вещи. Культура, говорил Роман Артурович, это совокупность определённых стратегий изменения, постижения или отражения мира. Это особым образом организованная информация. А вот что такое информация, никто до сих пор не знает.

Дэнжерология зиждилась на утверждении, что информация имеет ещё и физическую природу. Как свет, который и электромагнитная волна, и поток фотонов, то есть сразу и нематериален, и материален.

В материальном измерении культуру, то есть информацию, можно заархивировать, как файл с текстом в программе Word. И флэшкой, то есть хранителем файла, обычно является некий артефакт той самой заархивированной культуры.

Вопросы

1. Приведите примеры известных Вам артефактов и соотнесите их с типом культуры, в которой они возникли.
2. Какую информацию эти артефакты несут. Чем они могут быть опасны и каков способ их «нейтрализации»?
3. Какое влияние на людей оказывают эти артефакты сейчас, изменился ли их смысл?

Мериме П. Маттео Фальконе*

<...> Это был бандит, который, отправившись ночью в город за порохом, попал в засаду корсиканских вольтижеров. Он яростно отстреливался и в конце концов сумел спастись от погони, прячась за уступы скал. Но он ненадолго опередил солдат: рана не позволила ему добежать до *маки*.

... Он подошел к Фортунато и спросил:

- Ты сын Маттео Фальконе?

- Да.

- Я Джаннетто Санпьеро. За мной гонятся желтые воротники. Спрячь меня, я не могу больше идти.

<...> - Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь, чтобы меня схватили возле твоего дома?

Это, видимо, подействовало на мальчика.

- А что ты мне дашь, если я спрячу тебя? - спросил он, приближаясь.

Бандит пошарил в кожаной сумке, висевшей у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, вероятно, припрятал, чтобы купить пороху. Фортунато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил ее и сказал Джаннетто:

- Не бойся ничего.

Тотчас же он сделал большое углубление в копне сена, стоявшей возле дома.

<...> Несколько минут спустя шестеро стрелков в коричневой форме с желтыми воротниками под командой сержанта уже стояли перед домом Маттео. Этот сержант приходился дальним родственником Фальконе. (Известно, что на Корсике более чем где-либо считаются родством.) Его звали Теодоро Гамба. Это был очень деятельный человек, гроза бандитов, которых он переловил немало.

- Здорово, племянничек! Проходил ли здесь кто-нибудь?

- Да, человек в остроконечной бархатной шапке и в куртке, расшитой красным и желтым...

* Мериме П. Маттео Фальконе. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/228826/read?mgZHCxZF> (дата обращения: 23. 03. 2019).

<...> - Мошенник! - сказал Гамба, хватая его за ухо. - Стоит мне только захотеть, и ты запоешь по-иному! Следует, пожалуй, дать тебе десятка два ударов саблей плашмя, чтобы ты наконец заговорил.

А Фортунато продолжал посмеиваться.

- Мой отец - Маттео Фальконе! - сказал он значительно.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, что глаза маленького Фортунато загорелись при виде их, сказал ему, держа часы на весу за конец стальной цепочки:

- Плутиска! Тебе бы, наверно, хотелось носить на груди такие часы, ты прогуливался бы по улицам Порто-Веккьо гордо, как павлин, и когда прохожие спрашивали бы у тебя: «Который час?» - ты отвечал бы: «Поглядите на мои часы».

Фортунато, искоса поглядывавший на часы, походил на кота, которому подносят целого цыпленка. Чувствуя, что его дразнят, он не решается запустить в него когти, время от времени отводит глаза, чтобы устоять против соблазна, поминутно облизывается и всем своим видом словно говорит хозяину: «Как жестока ваша шутка!»

- Ей-богу, не смеюсь. Скажи только, где Джаннетто, и часы твои.

Фортунато недоверчиво улыбнулся, его черные глаза впились в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно верить его словам.

<...> Наконец Фортунато нерешительно потянулся к часам, пальцы правой руки коснулись их, часы легли на его ладонь, хотя сержант все еще не выпускал из рук цепочку... Голубой циферблат... Ярko начищенная крышка... Она огнем горит на солнце... Искушение было слишком велико.

Фортунато поднял левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, к которой он прислонился. Сержант сразу понял его. Он отпустил конец цепочки, и Фортунато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он вскочил стремительнее лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижеры принялись тотчас же раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из копны; он попытался стать на ноги, но запекшаяся рана не позволила ему этого. Он упал. Сержант бросился на него и вырвал кинжал. Его сейчас же связали по рукам и ногам, несмотря на сопротивление.

Лежа на земле, скрученный, как вязанка хвороста, Джаннетто повернул голову к Фортунато, который подошел к нему.

- ...сын! - сказал он скорее презрительно, чем гневно.

Пока вольтижеры были заняты - кто приготовлением носилок из ветвей каштана, кто перевязкой раны Джаннетто, - на повороте тропинки, ведущей в *маки*, вдруг появились Маттео Фальконе и его жена. Женщина с трудом шла, согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шагал налегке с одним ружьем в руках, а другим - за спиной, ибо никакая ноша, кроме оружия, недостойна мужчины.

<...> Прошло около десяти минут, а Маттео все молчал. Мальчик тревожно поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружье, смотрел на сына с выражением сдержанного гнева.

- Хорошо начинаешь! - сказал наконец Маттео голосом спокойным, но страшным для тех, кто знал этого человека.

- Отец! - вскричал мальчик; глаза его наполнились слезами, он сделал шаг вперед, как бы собираясь упасть перед ним на колени.

Но Маттео закричал:

- Прочь!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Подошла Джузеппа. Ей бросилась в глаза цепочка от часов, конец которой торчал из-под рубашки Фортунато.

- Кто дал тебе эти часы? - спросила она строго.

- Дядя сержант.

Фальконе выхватил часы и, с силой швырнув о камень, разбил их вдребезги.

- Жена! - сказал он. - Мой ли это ребенок?

Смуглые щеки Джузеппы стали краснее кирпича.

- Опомнись, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

- Значит, этот ребенок первый в нашем роду стал предателем.

Рыдания и всхлипывания Фортунато усилились, а Фальконе по-прежнему не сводил с него своих рысьих глаз. Наконец он стукнул прикладом о землю и, вскинув ружье на плечо, пошел по дороге в *маки*, приказав Фортунато следовать за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа бросилась к Маттео и схватила его за руку.

- Ведь это твой сын! - вскрикнула она дрожащим голосом, впиваясь черными глазами в глаза мужа и словно пытаясь прочесть то, что творилось в его душе.

- Оставь меня, - сказал Маттео. - Я его отец!

Джузеппа поцеловала сына и, плача, вернулась в дом. Она бросилась на колени перед образом богоматери и стала горячо молиться. Между тем Фальконе, пройдя шагов двести по тропинке, спустился в небольшой овраг. Попробовав землю прикладом, он убедился, что земля рыхлая и что копать ее будет легко. Место показалось ему пригодным для исполнения его замысла.

- Фортунато! Стань у того большого камня.

Исполнив его приказание, Фортунато упал на колени.

- Молись!

- Отец! Отец! Не убивай меня!

- Молись! - повторил Маттео грозно.

Запинаясь и плача, мальчик прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец в конце каждой молитвы твердо произносил «аминь».

- Больше ты не знаешь молитв?

- Отец! Я знаю еще «Богородицу» и литанию, которой научила меня тетя.

- Она очень длинная... Ну все равно, читай.

Литанию мальчик договорил совсем беззвучно.

- Ты кончил?

- Отец, пощади! Прости меня! Я никогда больше не буду! Я попрошу дядю капрала, чтобы Джаннетто помиловали!

Он лепетал еще что-то; Маттео вскинул ружье и, прицелившись, сказал:

- Да простит тебя бог!

Фортунато сделал отчаянное усилие, чтобы встать и припасть к ногам отца, но не успел. Маттео выстрелил, и мальчик упал мертвый.

Даже не взглянув на труп, Маттео пошел по тропинке к дому за лопатой, чтобы закопать сына. Не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел Джузеппу: она бежала, встревоженная выстрелом.

- Что ты сделал? - воскликнула она...

Вопросы

1. По каким культурным правилам живет Матео Фальконе как представитель общества корсиканцев?
2. Какие нравственные законы, нормы культуры нарушил сын М. Фальконе – юный Фортунато?
3. Кто еще является участником конфликта кроме отца и сына?
4. Какие противоречия есть в данной культуре?
5. Чем описываемая культура корсиканцев отличается от современной нам культуры?

Гришковец Е. Прощание с бумагой*

<...> Когда человечество придумало паровую машину, оно радовалось этой встрече с паровой машиной, не думая о том, что эта встреча приведет к неизбежному расставанию. Потому что паровая машина в виде парохода очень быстро привела к расставанию вот с этими парусниками прекрасными, с бригами, бригантинами, барками, клиперами, со всеми этими благородными формами: парусами и мачтами. Со всей этой красотой. Вместо этого что появилось в море? Приземистый толстобрюхий пароход с большой трубой, вонючим дымом. Но согласитесь: скорость хода – возросла, надежность – повысилась, зависимость от погоды уменьшилась! Автомобиль очень быстро убрал лошадей из наших городов, а трактор почти убрал их из деревень. Жалко конечно, что мы сейчас живем не в самых красивых городах, не можем теперь видеть этих благородных красивых животных, этих божьих тварей! Но согласитесь, что автомобиль удобнее, особенно зимой. Притом ни на какую лошадь впятером не сядешь. Или это будет издевательство над животным. Машина ездит быстро, она предмет гордости, вождения. И еще гораздо меньше ответственности с машиной. Тут сами подумайте – кошечку, собачку заведи или хомячка заведи. Белую, красноглазую тварь, маленькую. Хомячок, собаки, кошки – это еще теплокровные млекопитающие. Рыбку в банке заведи, одну, маленькую гуппи и все – сразу проблема с отпуском. Сразу. А тут представьте себе – конь. Или еще того сложнее – кобыла, а тройка лошадей?! Где бы мы их держали. Сложно представить себе вместо АЗС привычных станции с сеном и овсом. И совсем уже ад – представьте себе: июнь месяц и пробка из конных экипажей. Кошмар!

Когда-то писатели писали при свечах. «Свеча горела на столе, свеча горела!» Отгорели свечи, отскрипели перья гусиные. Не пишем теперь ни гусиными перьями, ни при свечах, потому что неудобно. Красиво, но неудобно. И я попробовал, решил провести такой эксперимент: как писать гусиным пером? Это же не так просто: подошел к гусю, выдернул у него перо и давай писать. Нет! Это перо нужно где-то раздобыть, потом прочитал в справочнике, как его нужно правильно обрезать, под специальным

* Гришковец Е. Прощание с бумагой. URL: <https://flibusta.appspot.com/a/29200?0HBJHWSJ> (дата обращения: 23.03.2019).

углом, сделать посередине маленький надрез, и очень серьезные нужны навыки для письма гусиным пером, потому что нежное очень перо, нежное. После навыков письма шариковой ручкой, после привычки писать, надавливая на перо... На гусиное перо нельзя надавливать, чуть-чуть надавил – оно надломилось, и все можно выбрасывать или по новой надрезать. Я извел кучу бумаги и кучу перьев, весь перепачкался, пока смог написать хотя бы одну строчку без кляксы. Более-менее похожую на какую-то строчку. Трудно писать перьями, трудно, неудобно, шариковой ручкой писать удобнее, гелиевой еще удобнее, а на компьютере еще удобнее... Знаете, если почитать стихи за последние двести лет, то получается, что перьями при свече стихи писали лучше...

Как забавно, как занятно – каких-то двадцать лет назад, кажется, что совсем недавно, хотя за эти двадцать лет произошло многое и много воспоминаний. За эти двадцать лет родились дети, но все равно кажется – недавно. И даже, если это недавно ощущается так внутри своей жизни, то что это для истории страны или истории человечества? Чепуха! Двадцать лет назад и чуть больше двадцати лет в каждую школьную тетрадку была вложена промокашка, в каждую. Я решил детям показать, что такое промокашка. Они в каком-то советском фильме услышали и спросили меня, что это такое? Я попытался объяснить им, что это такое, но словами не смог. Понял – надо показывать. Решил показать, но не смог найти. Искали, просто разбились, расшиблись – так эту промокашку искали. Причем хотел найти розовую. Розовая была классической моделью, были еще зеленые и голубоватые, но они были неприятные, а вот розовая была приятной. Кинулись искать – не могли найти. Вдумайтесь только, двадцать лет назад огромная страна, десятки миллионов школьников разных возрастов, у каждого в портфеле десятков тетрадей и в каждой промокашка. Сотни миллионов промокашек... и нет больше, все!

Кто их хранит то? Промокашки? Никто же не хранит. Благо у старенькой учительницы у одной нашли. Лет двадцать пять назад завалилась тетрадка и в ней в идеальном состоянии промокашка...

Когда я поступал в школу, в 1974 году, для нас промокашка была уже чем-то архаичным и непонятным, потому что уроки чистописания у нас уже к этому моменту отменили, у нас не было уже ни чернил, ни перышек. Мы спросили у учительницы: зачем она нужна? Она сказала, что промокашка нужна была для того, чтобы промокивать свеженарисованные чернила, чтобы промокнуть другую страницу, чтобы не размазать написанное. Учительница нам объясняла, что о промокашку можно было почистить перышко. Нам же это было не нужно, и вещь была бесполезная, но вещь была приятная. Промокашка была чуть меньше формата тетради и ее было приятно подложить под ту страницу, на которой пишешь. И от этого писать становилось как будто мягче, ручка как-то мягче катилась, чуть-чуть изменялся почерк, буквы становились тиснено-рифленые такие, и даже у разгильдяев менялся почерк. Что еще было важным в промокашке? На ней было приятно рисовать. И учителя не возражали, потому что вещь то была бесполезная, собственно. На ней руке было приятно лежать – на этой бархатистой поверхности. Что еще важно! Это было важным для мальчиков. Маленький кусочек промокашки гораздо быстрее, чем такой же кусок тетрадного листа сжёвывался в комочек. Это чтобы плевать через трубочку, да?! Вы понимаете?! То есть это был такой более ценный и скорострельный боеприпас. К тому же шарик из промокашки лучше летел, потому что он больше впитывал слюны. У него были более высокие аэродинамические свойства, и - что совсем важно – он прилипал!

Те парты, за которыми мы учились в начальной школе, были такими, каких сейчас уже нет. Они были под уклоном и с крышками, а сверху парты были такие круглые углубления. Мы не понимали, для чего они нужны, и спросили у учительницы, она сказала, что для чернилницы. «Ваши-то родители должны помнить, ваши-то родители чернилами писали, перышками букочки выводили и ведь выводили же букочки. Потому что перышком букочку можно было именно вывести. Вот ваши родители людьми и стали, а вы... У вас у каждого шариковая ручка – пиши и радуйся, бумагу не царапает, кляксу не поставит».

А папа рассказывал, что было приятно подбросить маленький кусочек промокашки в чернилницу самой аккуратной девочки в классе. Маленький кусочек промокашки моментально намокал в чернилах, и его было не видно. И вот самая аккуратная девочка в классе, а в каждом классе была

самая аккуратная девочка, судьба распределяла их по классам, они не могли собраться все вместе. И вот такая девочка – у нее была идеальная осанка, белоснежный фартучек, манжетки, все учебники в чистой бумаге, идеальные тетрадки, в тетрадках все под одним углом, она брала свое идеальное перышко, опускала в чернильницу, и эта дрянь зацеплялась, падала на страницу, получалась ужасная клякса и испорченная тетрадь, испорченная работа. Ну и конечно же вой, плач и такой жизнеутверждающий смех разгильдяев мальчиков и такой вкрадчивый смех менее аккуратных девочек. Все, теперь нет промокашек, не найти, и этот предмет не нужен – поэтому он и исчез, его не стало. Какая тут беда? Да никакой беды! Мало ли чего пропадает в этом мире. Но отчего же грустно-то еще? Да оттого, что уходят слова. Уйдёт ведь еще и такое слово как «клякса». Потому что сейчас кляксу поставить нечем. А слово очень хорошее, точное: «клякса»! Как только слово перестает звучать в жизни, оно замерзает где-то в словаре, как мамонты замерзали в вечной мерзлоте <...>

Вопросы

1. Подумайте и зафиксируйте, какие артефакты и соответствующие им слова вышли из повседневного обихода за время вашего взросления?
2. Отрывок Евгения Гришковца называется «Прощание с бумагой». Как Вы думаете, с какими еще явлениями, предметами, реалиями человечество может в скором времени попрощаться? (Напишите эссе).

Тема 2. Теоретические концепции культуры

Парадигма «культура как репрессия»

Андерсен Г. Х. Снежная королева. Рассказ пятый «Маленькая разбойница»*

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

- Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! - сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями.

- Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет? И она вытащила острый, сверкающий нож. Вот ужас!

- Ай! - закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

- Ах ты дрянная девчонка! - закричала мать, но убить Герду не успела.

- Она будет играть со мной! - сказала маленькая разбойница. - Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

- Ишь, как скачет со своей девчонкой!

- Я хочу сесть в карету! - закричала маленькая разбойница и настояла на своем - она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

* Андерсен Г.Х. Снежная королева. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/70828/read?YhpridJJ> (дата обращения: 23.03.2019).

- Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

- Нет! - отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

- Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, - я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка. Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли - это было запрещено.

Посреди огромной залы, с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом, пылал огонь; дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

- Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! - сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

- Все мои! - сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. - На, поцелуй его! - крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. - А вот тут сидят лесные плутишки! - продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решеткой. - Эти двое - лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка!

- И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. - Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом - он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

- Разве ты спишь с ножом? - спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

- Всегда! - отвечала маленькая разбойница. - Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо - ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды - в другой у нее был нож - и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых.

Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась.

Страшно было глядеть на это бедной девочке.

Вдруг лесные голуби проворковали:

- Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

- Что вы говорите? - воскликнула Герда. - Куда же полетела Снежная королева?

- Она полетела, наверно, в Лапландию, - там ведь вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

- Да, там вечный снег и лед, чудо как хорошо! - сказал северный олень.

- Там прыгаешь себе на воле по бескрайним сверкающим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген!

- О Кай, мой милый Кай! - вздохнула Герда.

- Лежи смирно! - сказала маленькая разбойница. - Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

- Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? - спросила она затем у северного оленя.

- Кому же и знать, как не мне! - отвечал олень, и глаза его заблестели.

- Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

- Так слушай! - сказала Герде маленькая разбойница. - Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет - тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

- Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

- Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочат острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девчонку, - там ее названный братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее, ради осторожности, и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

- Так и быть, - сказала она затем, - возьми назад свои меховые сапожки - будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

- Терпеть не могу, когда хнычут! - сказала маленькая разбойница. - Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то, и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которой был привязан олень, и сказала ему:

- Ну, живо! Да береги смотри девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

Вопросы

1. Какое начало, согласно концепции З. Фрейда, превалирует у маленькой разбойницы и ее матери – сознательное или бессознательное? Ответ аргументируйте примерами из текста.

2. Как, исходя из парадигмы З. Фрейда, можно объяснить нелогичный поступок маленькой разбойницы по отношению к Герде? Почему она ее отпускает?

3. Главными пациентами З. Фрейда становились, как правило, представители высшего и среднего класса, страдающие определенными психическими заболеваниями. Вопрос: могло бы сообщество сказочных разбойников обратиться к З. Фрейду для лечения?

Петрушевская Л. Через поля*

Я не встречала его больше никогда, когда-то мы с ним единственный раз в жизни ехали вместе к кому-то на далекую дачу, в рабочий поселок; идти надо было километра четыре по лесу, а потом по голому полю, которое, может, и красиво в любое время года, но в тот день оно было ужасно, мы стояли на краю леса и не решались выйти на открытое пространство, такая гроза. Молнии били в глинистую почву дороги, поле было какое-то совершенно голое; помню те же глинистые увалы, голая, абсолютно голая разбитая земля, ливень и молнии. Может быть, на этом поле было что-то посажено, но к тому моменту не выросло пока что ничего, ноги разъезжались, ломались, корежились в этом вздыбленном голом поле, поскольку мы решили выбрать более короткий путь и идти напрямик. Дорога шла в гору, а мы жутко хохотали, почему-то пригибаясь. Он обычно молчал, сколько я его помнила до этого по общим такого рода мероприятиям, всяким дням рождения, поездкам и так далее. Тогда я еще не знала цену молчанию, не ценила молчание и всячески пыталась вызвать Вовика на откровенность, тем более что мы одни ехали полтора часа в поезде, одни среди чужих, и молчать было неудобно и как-то стыдно. Он посматривал на меня своими небольшими добрыми глазками, усмехался и почти ничего не отвечал. Но это все было ничего, можно было бы пережить, если бы не ливень, который встретил нас на станции! Моя голова, чисто вымытые и завитые волосы, накрашенные ресницы - все пошло прахом, все, мое легкое платье и сумочка, которая впоследствии съежилась и посерела, - вообще все. Вовик глуповато улыбался, втягивал голову в плечи, поднял воротник беленькой рубашки, на его худом носу сразу повисла капля, но делать было нечего, мы почему-то побрели под дождем по глине, он знал дорогу, а я нет, он сказал, что напрямик близко, и вот мы вышли на это проклятое поле, по которому гуляли молнии, выскакивая то рядом, то подальше, и попрыгали по валам глинистой земли, причем не сняли туфли, видимо, стеснялись друг друга, не знаю. Я стеснялась тогда всяких проявлений естества и больше всего сво-

* *Петрушевская Л.* Через поля. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/185655/read?cTMQqwZk#t2> (дата обращения: 23.03.2019)

их босых ног, которые мне казались воплощением безобразия на земле. Впоследствии я встречала женщин, убежденных в том же самом, никогда не ходивших босыми, особенно при любимом человеке. Одна даже настолько мучилась, выйдя замуж, что заслужила замечание мужа: какие некрасивые, оказывается, у тебя ноги! Другие же не мучились ничем, ни кривым, ни волосатым, ни длинным, ни лысым - ничем. Они-то и оказались правы, а тогда, в тот день, мы шли на проклятых подошвах, оскальчиваясь, на волоске от смерти, и веселились. Нам было по двадцать лет. Он как-то робко, добродушно взглядывал, шел на расстоянии от меня, метрах в полутора: впоследствии я узнала, что молния может убить двоих, если они идут вместе. Но он не подал мне руку не из робости, в тот день на даче его ждала невеста, и он не подал мне руку от юношеского усердия служить своей любви и только ей. Но смеялись мы страшно, качались на этих земляных валах, облепленные глиной, как-то спелись. Четыре километра по глине, под дождем удивительно долго тянулись: есть такие часы в жизни, которые очень трудно переживать и которые тянутся бесконечно долго, например, каторжная работа, внезапное одиночество или бег на большие дистанции. Мы пережили эти четыре километра вместе. Под конец, у крыльца, он даже помог мне взобраться на ступеньку, и мы, хохоча, под удивленный смех собравшихся и под сдавленный возглас невесты вошли в теплый дом. Все пошло к черту - его и мой костюмы, наши туфли, волосы, у него под носом так и висела капля, но родней человека, чем он, у меня не было никого. Туманно я догадывалась, что мне повезло встретить на жизненном пути очень хорошего и верного человека, сокровища его души вкупе с каплей под носом трогали меня до слез, я была растеряна, не знала, что делать. Нас развели по комнатам этого пустого летнего домика, пыльного, еще не обжитого дачниками, меня переодели, его тоже, нас вывели и дали по полстакана водки - чудо! За столом он изредка взглядывал в мою сторону, глуповато улыбаясь, шмыгая носом, грел руки о кружку с чаем. Я знала, что все это не мое и никогда не будет мое, это чудо доброты, чистоты и чего угодно, вплоть до красоты. Им завладел его друг, они принялись играть в шахматы, его ждала и невеста, а я не ждала, а грелась душой после долгого и трудного жизненного пути, созна-

вая, что завтра и даже сегодня меня оторвут от тепла и света и швырнут опять одну идти по глинистому полю, под дождем, и это и есть жизнь, и надо укрепиться, поскольку всем приходится так же, как мне, и Вовику в том числе, и бедной Вовиковой невесте, потому что человек светит только одному человеку один раз в жизни, и это все.

Вопросы

1. Символом чего выступает гроза в рассказе Л. Петрушевской?
2. Что является в контексте рассказа Л. Петрушевской «элементами культуры» по З. Фрейду. Перечислите эти элементы.
3. Как З. Фрейд охарактеризовал бы метаморфозы, произошедшие с героями во время грозы.

Водолазкин Е. Брисбен*

<...> Впоследствии Глеб пытался вспомнить, отчего на первом уроке Леся Кирилловна заговорила о камышах. Очевидно, было тому какое-то объяснение. Хотя не обязательно: в общеобразовательных учреждениях случались ведь и необъяснимые вещи. Даже загадочные. Так, в минуту гнева Леся Кирилловна шевелила губами, что-то беззвучно произнося.

То есть кое-что в таких случаях она произносила и вслух, но озвученное имело в целом характер благополучный – по крайней мере, в сравнении с выражением ее лица. Загадкой оставалось лишенное звука, и выражение лица соответствовало, очевидно, ему. Когда однажды Глебову уху случилось оказаться у самых губ Леси Кирилловны (она наклонилась над ним), некоторые из загадочных слов прояснились. Есть случаи, когда разгадка не приносит утешения. И радости не приносит. Радость в жизни вообще редкая гостья. Из всех безрадостных вещей не было в эти годы ничего безрадостнее уроков русского языка. Каждый такой урок Леся Кирилловна начинала с разминки, которая, по рекомендации методички, включала в себя скороговорки. В сущности, это была одна, но очень печальная скороговорка: жутко жуку жить на суку. Сначала сидящие в классе произносили ее по очереди, затем – хором. Выслушав всех с мрачным видом (а с каким еще видом можно слушать такой текст?), Леся Кирилловна облизывала губы и готовилась показать эталонное произношение. В первом «у» она плавно переходила на вой, остальные были не многим краше. В таком исполнении скороговорка лишалась скорости, но ощутимо приобретала в жути. Лишь послушав Лесю Кирилловну, чувства жука можно было понять в полной мере. Некоторые плакали, глядя, как, стоя у стола, их учительница выпускала одну «у» за другой, и они бесконтрольно (и жутко) летали по классу. Вообще говоря, с Лесей Кирилловной всё было не так просто: как-то в середине учебного года, заглянув в дверную щелку, ученица Плачинда увидела, как Леся Кирилловна садилась поочередно на места разных учеников и, подражая им, тонкими детскими голосами давала ответы на учительские вопросы. Чтобы задать эти вопросы, педагог всякий раз возвращалась за свой стол и оттуда нарочито брутальным

* *Водолазкин Е. Брисбен.* URL: <https://flibusta.appspot.com/b/536894/read?KMn3zus3> (дата обращения: 23.03.2019)

голосом обращалась к очередной жертве. Голос ее сам по себе был достаточно брутalen, так что усиления, строго говоря, не требовалось. Больше всего ученицу поразили два обстоятельства. Первое: отвечая в роли Плачинды, Леся Кирилловна гримасничала, горячо жестикулировала, и из ее писка было понятно, что урок не выучен. Второе: вернувшись на учительское место, Леся Кирилловна обрушила на отвечающую поток отборных матерных ругательств. Да, ученице было неприятно, что кто-то видит ее так со стороны, да, неприятно, что не выучен урок, но почему, спрашивается, мат, да еще какой мат! Когда она рассказала обо всем дома, родители, к ее удивлению, проявили сдержанность. Пожевав губами, Плачинда-отец пробормотал, что, в конце концов, школа общеобразовательная, что обучение школьников ведется в самых разных направлениях ...

Вопросы

1. Как исходя из парадигмы «культура как репрессия» можно объяснить странное поведение Леси Кирилловны в отсутствии детей?
2. Почему отец школьницы Плачинды предпочел не афишировать информацию о странном поведении учительницы русского языка? Как такую тактику можно объяснить в рамках теории З. Фрейда?

Парадигма высокой культуры

Кристи А. Автобиография. Глава четвертая*

<...> Купание в море всегда было одной из самых больших радостей моей жизни, это и до сих пор так; в самом деле, я и сейчас бы обожала купаться, если бы не определенные трудности, возникающие у страдающих ревматизмом особ, поджидающие их при входе и особенно при выходе из воды.

Когда мне было около тринадцати лет, нравы претерпели принципиальные изменения. По самым первым моим впечатлениям, купание в море подчинялось строгой системе правил. Существовала специальная бухта для купания дам - крошечный каменистый пляж слева от купален. Пляж ступеньками спускался к морю, а наверху помещались восемь кабинок, находившихся в ведении старичка с довольно-таки раздражительным характером, чья безостановочная работа состояла в том, чтобы поднимать кабинки наверх и спускать их на воду. Надо было зайти внутрь своей купальной кабинки - окрашенного в веселые цветные полосы помещеньица, проверить, надежно ли заперты обе двери, и начать быстро переодеваться, соблюдая при этом известную осторожность, потому что в любой момент пожилой джентльмен мог счесть, что наступила ваша очередь спускаться к воде. В этот момент происходил страшный толчок, и кабинка, скрежеща и раскачиваясь, пускалась в путь по камням, вытрясая из вас все внутренности, - в сущности говоря, ничем не отличаясь от современных джипов и лендроверов, пересекающих каменистые участки пустыни.

Кабина останавливалась так же внезапно, как начинала свое движение. Вы заканчивали переодевание и облачались в купальный костюм, представляющий собой довольно уродливое одеяние из темно-синей или черной материи (альпага) с изрядным количеством юбок с воланами и оборочками, достигающее до колен на ногах и до локтей на руках. В этом невыразимом виде вы отпирали дверь, выходящую к воде. Если пожилой джентльмен относился к вам благосклонно, верхняя ступенька оказывалась на уровне воды, и вы погружались в воду по шейку. И теперь плыви-

* Кристи А. Автобиография. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/29690/read?KdgJXv5k> (дата обращения: 23.03.2019).

те! Не слишком далеко находился настил, до которого предстояло доплыть, взгромоздиться на него и посидеть. Во время отлива он находился близко; а во время прилива удалялся на солидное расстояние, и, доплыв до настила, а потом взобравшись на него, вы оказывались более или менее в открытом море. Пользуясь предоставленной мне свободой, я заплывала гораздо дальше, чем любой из сопровождавших меня взрослых, и подвергалась санкциям; мне сигнализировали, чтобы я немедленно возвращалась обратно, но так как им было трудно добраться до меня, я чувствовала себя в полной безопасности и плыла в обратном направлении, всласть продлевая удовольствие.

Разумеется, о том, чтобы загорать на пляже, не могло быть и речи. Как только вы вылезали из воды и входили в свою кабинку, она так же внезапно срывалась с места, как и на пути к воде, и вы выходили с посиневшим лицом, дрожа с головы до ног, с онемевшими от холода руками и щеками. Должна отметить, что это никогда не причиняло мне ни малейшего вреда, и через три четверти часа я становилась горячей, как тост. Потом я сидела на пляже и пожирала булочку, в то время как Бабушка выговаривала мне за плохое поведение и непослушание, заключавшееся в том, что я так долго не выходила из воды. Бабушка, у которой всегда были наготове многочисленные назидательные истории, объясняла мне, как малыш миссис Фоке («такое очаровательное создание») умер от пневмонии только из-за того, что не слушался старших и слишком долго сидел в воде. На мгновение переставая жевать свою булочку или еще что-нибудь вкусное, я почтительно отвечала:

- Хорошо, Бабушка, в следующий раз я не буду плавать так долго. Но вода сегодня правда была теплая.

- В самом деле теплая? Тогда почему ты дрожишь с головы до ног? И почему у тебя синие пальцы?

Преимущество купания в сопровождении взрослых, особенно Бабушки, состояло в том, что мы возвращались из Стрэнда в кэбе, а не тащились пешком полторы мили. Яхт-клуб в Торбее располагался на Бикон-Террас, непосредственно над бухтой для купания леди. Хотя пляж не был виден из окон клуба, участок моря вокруг настила просматривался отлично, и если послушать папу, добрая половина джентльменов проводила время, вооружившись биноклями и наслаждаясь созерцанием женских фигурок, кото-

рые, как они тешили себя надеждой, показывались им чуть ли не нагими! Не думаю, чтобы мы были особенно привлекательными в своих бесформенных одеяниях.

Купальная бухта для джентльменов располагалась по побережью дальше. Здесь джентльмены в своих едва прикрывающих наготу костюмах-треугольниках могли наслаждаться купанием сколько им заблагорассудится, не опасаясь, что их откуда бы то ни было могло увидеть женское око. Однако времена менялись; по всей Англии вводилось совместное купание.

Первым последствием совместного купания стали дальнейшие усовершенствования женского купального костюма. Даже французские дамы всегда купались в чулках, чтобы в поле зрения окружающих не попало ни одного миллиметра обнаженной ноги. Не сомневаюсь, что француженки с присущим им врожденным чувством «шика» сумели соблазнительно закрыть себя с головы до ног и в своих тонких шелковых чулках, подчеркивающих стройность ног, выглядели куда более привлекательно, чем если бы напялили на себя добрую старую английскую юбку для купания из сборчатой альпаги. Совершенно не понимаю, почему ноги рассматривались как нечто до такой степени предосудительное. У Диккенса не найдешь ни одной книги, в которой бы не раздавались вопли дам, заподозривших, что у кого-то на виду всего честного народа промелькнули лодыжки. Даже само слово считалось чересчур смелым. Стоило в присутствии Няни употребить его, как тотчас произносилась одна из сакраментальных фраз:

- Запомните, у испанской королевы нет ног.

- А что же у нее есть, Няня?

- Конечно, дорогая. Вы должны называть их так; руки и ноги - это конечности.

Я упрямо считала, что было бы странно сказать: «Я посадила пятно на одну из моих конечностей, под коленкой».

Вспоминается рассказ знакомой моего племянника, описывавшей свои детские переживания. Ее предупредили, что к ней приедет крестный отец. Никогда раньше не слышав о существовании такого лица, она пришла в страшное возбуждение. Глубокой ночью девочка проснулась и стала обдумывать предстоящую встречу, а потом в темноте сказала:

- Няня, у меня есть крестный отец.
- Ухрмп, - невнятные звуки прозвучали в ответ.
- Няня! - (немного громче). - У меня есть крестный отец.
- Да, дорогая, конечно, очень хорошо.
- Но, няня, у меня, - (фортиссимо), - есть КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ.
- Хорошо, хорошо, повернись на другой бок и спи.
- Ну же, няня, - (мольто фортиссимо), - У МЕНЯ ЕСТЬ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ.
- Ну тогда почеси его, дорогая.

Купальные костюмы оставались цитаделью добродетели вплоть до моего замужества. Хотя совместное купание уже широко распространилось, старые леди и консервативно настроенные семейства все еще рассматривали их как нечто весьма подозрительное. Но прогресс брал свое, не щадя даже маму. Мы часто ходили на пляжи, где разрешалось купаться женщинам и мужчинам. Сначала такое разрешение получили Тор-Эбби-Сэндз и Корбинс-Хед-Бич - главные городские пляжи. Мы не ходили туда - они считались чересчур модными. Потом совместное купание разрешили и в более аристократических районах Мидфут-Бич. Еще двадцать минут хода, и, следовательно, чтобы выкупаться, приходилось идти пешком две мили. Однако Мидфут-Бич был гораздо просторнее, чем бухта для купания дам; довольно далеко от берега из воды выступала скала, на которую было удобно вылезать, если вы, конечно, могли доплыть до нее. В то же время бухта для купания дам оставалась в священной неприкосновенности, равно как и мужчины в своих лихих «треугольниках».

Насколько я помню, мужчины не особенно стремились предаваться радостям совместного купания; они твердо оберегали свою независимость. И если некоторые из них отваживались появиться на Мидфут-Бич, то при виде сестер своих друзей приходили в смущение, так как по-прежнему считали их чуть ли не обнаженными.

Сначала меня заставляли надевать во время купания чулки. Не знаю, как француженки ухитрились купаться в чулках, чтобы они не слезали - у меня это никак не получалось. Три-четыре сильных толчка ногами, и чулки сползали, я едва удерживала их пальцами ног; чулки засасывало, и когда я выныривала, они, как путы, обвивались вокруг лодыжек. Думаю, что француженки, щеголявшие в купальниках на страницах модных журналов, были обязаны своей привлекательностью тому, что, в сущности, никогда не плавали, разве только осторожно заходили в воду по колено, а все остальное время прогуливались по пляжу, демонстрируя свою элегантность.

Трогательный эпизод произошел в муниципальном совете во время обсуждения вопроса о совместном купании, требовавшего окончательного утверждения. Очень старый член совета, решительный противник этого новшества, потерпевший сокрушительное поражение, дрожащим голосом сделал свое последнее заявление:

- Все, о чем я прошу вас, господин мэр, в случае, если совместное купание наберет большинство голосов, соблюдать благопристойность в купальных кабинках.

Вопросы

1. В отрывке описана смена одной культурной эпохи другой. Назовите эти типы культур и сообщества, которые выступают их носителями.
2. Определите, где в тексте встречаются элементы «высокой культуры» и где элементы «цивилизации».
3. Опишите механизм культурных изменений и его причины.
4. Почему в определенных сообществах некоторые слова становились табуированными. Например, не ноги, а конечности? Объясните причины этого исходя из парадигмы «высокой культуры».
5. Почему возникает непонимание между няней и маленькой девочкой в истории с «крестным отцом». Объясните, как Вы это поняли.

Зощенко М. Аристократка*

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать: - Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

- Откуда, - говорю, - ты, гражданка? Из какого номера?

- Я,- говорит, - из седьмого.

- Пожалуйста, - говорю, - живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует? - Да, - отвечает, - действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц - привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше - больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать - не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит: - Что вы, - говорит, - меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, - говорит, - как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

- Можно, - говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

* Зощенко М. М. Аристократка. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/419316/read?XICAzcmJ#t80> (дата обращения: 23.03.2019).

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой - внизу сидеть, а который Васькин - аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я - на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу - антракт. А она в антракте ходит.

- Здравствуйте, - говорю.

- Здравствуйте.

- Интересно, - говорю, - действует ли тут водопровод?

- Не знаю, - говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным вьюсь вокруг ее и предлагаю: - Ежели, - говорю, - вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

- Мерси, - говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня - кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег - с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня такая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю: - Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит: - Нет.

И берет третье. Я говорю: - Натощак - не много ли? Может вытошнить. А она: - Нет, - говорит, - мы привыкшие, И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

- Ложи, - говорю, - взад! А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

- Ложи, - говорю, - к чертовой матери! Положила она назад. А я говорю хозяину: - Сколько с нас за скушанные три пирожные? А хозяин держится индифферентно - ваньку валяет.

- С вас,— говорит, - за скушанные четыре штуки столько-то.

- Как, - говорю, - за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

- Нету, - отвечает, - хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

- Как, - говорю, - надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии, А хозяин держится индифферентно - перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят - надкус сделан, другие - нету.

А я вывернул карманы - всякое, конечно, барахло на пол вывалилось - народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги - в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме: - Докушайте, - говорю, - гражданка. Заплачено. А дама не двигается. И конфузится докушивать, А тут какой-то дядя ввязался.

- Давай, - говорит, - я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги. Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой. А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном: - Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег - не ездят с дамами. А я говорю: - Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись. Не нравятся мне аристократки.

Вопросы

1. Представителями какого сообщества города являются герой и героиня? Через какие приметы Вы это обнаружили?

2. Для чего автор использует смешение просторечной и официальной лексики? Что это подчёркивает с культурологической точки зрения?

3. Как бы представители парадигмы высокой культуры отнеслись к «культурному походу» героев М. Зощенко в театр?

Парадигма «культура как образ жизни»

Кристи А. Автобиография*

<...> По обычаям того времени Куку, конечно, не занималась никакой домашней работой – не готовила и не убирала. Она была при ребенке. Правда, считалось, что она наводила порядок в детской, стирала вещички своей любимицы, но это все. Я ничего больше от нее и не требовала и могла бы прекрасно организовать свое время: Арчи возвращался домой только вечером, а обед Розалинды и Куку особых сложностей не представлял. Это давало мне возможность поработать два-три часа утром и после полудня, когда Куку с Розалиндой ходили в парк или за покупками. Однако выдавались дождливые дни, когда им приходилось оставаться дома, и хоть считалось, что всем известно: когда «мама работает», ей нельзя мешать, Куку не так просто было сбить с толку. Она стояла под дверью комнаты, где я пыталась писать, и вела свой нескончаемый монолог, якобы обращенный к Розалинде.

– А сейчас, малышка, мы должны вести себя очень тихо, правда? Потому что мама работает. Маме нельзя мешать, когда она работает, мы же это знаем? Хотя мне нужно спросить у нее, отдавать ли твою платице в стирку. Ты ведь понимаешь, что сама я такой вопрос решить не могу. Нужно не забыть спросить ее об этом за чаем, да? Ах, нет, она будет недовольна, наверное, правда? И еще я хочу поговорить с ней о коляске. Ты же знаешь, что вчера из нее снова выпал болтик. Ну что ж, крошка, наверное, нам придется тихонечко постучать в дверь. Как ты думаешь, солнышко?

Обычно Розалинда откликнулась на этот поток речи короткой репликой, не имеющей к нему никакого отношения, что подтверждало мое подозрение: она никогда не слушала, что говорит Куку.

– Синий мишка хочет есть, – говорила она, например.

У Розалинды имелись куклы, кукольный домик и множество других игрушек, но по-настоящему она была привязана только к зверюшкам. У нее было некое шелковое существо, которое она звала Синим мишкой, был Красный мишка, позднее к ним присоединился довольно уродливый

* Кристи А. Автобиография. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/29690/read?KdgJXv5k> (дата обращения: 23.03.2019).

лиловато-розовый медведь, названный Медведем Эдвардом. Из них троих горячей и беззаветней всех Розалинда любила Синего мишку. Это было хромотное животное, сделанное из синего шелковистого трикотажа, с плоскими черными пуговками вместо глаз, пришитыми на плоской мордочке. Она носила его с собой повсюду, и я каждый вечер должна была рассказывать новую сказку о нем. В сказках участвовали оба мишки. Что ни день, с ними приключались разные истории. Синий мишка был послушным, а Красный – страшным озорником, он постоянно устраивал всяческие безобразия, например, мазал клеем стул учительницы, чтобы она, бедная, уже никогда не могла встать с него. А однажды засунул ей в карман лягушку, отчего несчастная женщина забилась в истерике. Все эти истории Розалинде очень нравились, и нередко мне приходилось повторять их по нескольку раз. Синий мишка был до противного добродетельным и самодовольным. Он слыл первым учеником в классе и никогда не совершил ни единого неблаговидного поступка. Каждое утро, отправляясь в школу, Красный мишка обещал маме вести себя примерно. Когда они возвращались, мама спрашивала:

– Ну как, ты был сегодня хорошим мальчиком, Синий мишка?

– Да, мама, очень хорошим.

– Ты мой умница. А ты, Красный мишка?

– Нет, мама, я шалил.

Время от времени Красный мишка дрался с плохими мальчишками и являлся домой с огромным синяком под глазом. К синяку прикладывали кусочек сырого мяса и отсылали непоседу спать. Красный мишка, разумеется, съедал мясо, предназначенное для врачевания ушиба, и при этом пачкал тетрадь.

Более благодарного слушателя, чем Розалинда, свет не видывал. Она цокала языком, смеялась и не оставляла без внимания ни малейшей детали.

– Итак, малышка, – продолжала квохтать Куку, не выказывая ни малейшего желания покормить проголодавшегося мишку, – наверное, придется нам перед уходом все же спросить маму насчет коляски, если, конечно, это ее не слишком отвлечет, потому что должна же я знать, что она по этому поводу думает.

Тут, близкая к помешательству, я вскакивала из-за стола, все хитроумные развязки сюжета вылетали у меня из головы, и, бросив Энн среди джунглей Родезии в смертельной опасности, я распахивала дверь.

– Ну, что *еще*, няня? Чего вы хотите?

– О, простите, мэм, мне очень жаль, я не хотела вас беспокоить.

– Вы уже побеспокоили меня. Что дальше?

– Но я не стучала в дверь и не делала ничего *такого*...

– Вы разговаривали под дверью, – отвечала я, едва сдерживаясь, – так, что я слышала каждое ваше слово. Что там с коляской?

– Видите ли, мэм, я думаю, что нам *действительно* нужна новая коляска. Мне бывает стыдно, когда мы с Розалиндой гуляем в парке и я вижу, какие прекрасные коляски у других малышей. Я считаю, что у мисс Розалинды коляска должна быть не хуже, чем у других.

Мы с няней постоянно спорили по этому поводу. С самого начала мы купили подержанную коляску – хорошую, прочную и абсолютно удобную, но элегантной ее назвать было трудно. Каждый год-два изготовители придают коляскам новую линию, новый облик – ну совершенно так же, как это происходит в наши дни с автомобилями. Джесси Суоннел, прежняя няня, не жаловалась, но Джесси Суоннел приехала из Нигерии, вероятно, там моде на коляски не придавали большого значения.

Куку же была членом женского клуба нянь, гулявших со своими подопечными в Кенсингтонском парке. Там, сидя на скамеечках, они обменивались замечаниями по поводу условий своей службы, а также хвастались друг перед другом красотой и смышленостью воспитанников. Ребенок прежде всего должен был быть хорошо одет, иначе – позор няне. Но с этим все было в порядке. Одежда Розалинды могла удовлетворить вкус даже самой требовательной няни. Пальтишки и платица, которые я привезла из Канады, были на пике популярности. Петушки с курочками и вазочки с цветами, разбросанные по черному полю, всех приводили в восторг и вызывали всеобщую зависть. Но что касалось коляски, та, которую приходилось возить Куку, не выдерживала по части элегантности никакой критики, и при виде каждой шикарной коляски няня не упускала случая подколоть меня: «Такой коляской любая няня могла бы гордиться!» Я тем не менее оставалась непреклонной. Мы жили очень скромно и не собира-

лись ради удовлетворения тщеславия Куку покупать за бешеные деньги изысканную коляску.

– Мне даже кажется, что эта коляска не вполне надежна, – предпринимала последнюю попытку Куку. – Из нее постоянно выпадают болты.

– Случается, – отвечала я невозмутимо, – а вы, выходя из дома, подкрутите их. Словом, в любом случае я не собираюсь покупать новую коляску. – И я возвращалась в комнату, хлопнув дверью.

– Господи, господи, – причитала Куку, – мама, кажется, очень недовольна. Ну что ж, бедная моя крошка, похоже, у нас так и не будет новой красивой коляски.

– Синий мишка хочет есть, – как ни в чем не бывало заявляла Розалинда. – Давай его кормить, няня.

Вопросы

1. Опишите социокультурный институт, ядром которого в этом произведении стала «коляска» Розалинды?

2. Насколько этот социокультурный институт актуален в наше время?

3. В чем причина конфликта между няней и Агатой Кристи с культурологической точки зрения?

4. Чем было вызвано желание няни приобрести новую коляску для ее подопечной? Ведь с прагматической точки зрения лично для нее это не несло выгоды.

Чехов А. П. Толстый и тонкий*

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком - его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом - его сын.

- Порфирий! - воскликнул толстый, увидев тонкого. - Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

- Батюшки! - изумился тонкий. - Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

- Милый мой! - начал тонкий после лобызания. - Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

- В гимназии вместе учились! - продолжал тонкий. - Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

- Ну, как живешь, друг? - спросил толстый, восторженно глядя на друга. - Служишь где? Дослужился?

* Чехов А.П. Толстый и тонкий. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/168317/read?x8g70dFJ#t5> (дата обращения: 23.03.2019).

- Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше, - сказал толстый. - Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

- Ну, полно! - поморщился толстый. - Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства - и к чему тут это чинопочитание!

- Помилуйте... Что вы-с... - захихикал тонкий, еще более съеживаясь. - Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Вопросы

1. Каких социальных ролей придерживаются герои Чехова в начале рассказа и каких в конце?
2. Используя понятия «социальная роль», «правила поведения», «нормы и ценности», объясните перемену в поведении Тонкого по отношению к Толстому.
3. Почему с социокультурной точки зрения А.П. Чехов не дает своим героям имен собственных?

Тема 3. Культура и общество

Бунин И. А. Лапти*

Пятый день несло непроглядной вьюгой. В белом от снега и холодном хуторском доме стоял бледный сумрак и было большое горе: был тяжело болен ребенок. И в жару, в бреду он часто плакал и все просил дать ему какие-то красные лапти. И мать, не отходившая от постели, где он лежал, тоже плакала горькими слезами, - от страха и от своей беспомощности. Что сделать, чем помочь? Муж в отъезде, лошади плохие, а до больницы, до доктора тридцать верст, да и не поедет никакой доктор в такую страсть... Стукнуло в прихожей, - Нефед принес соломы на топку, свалил ее на пол, отдуваясь, утираясь, дыша холодом и вьюжной свежестью, притворил дверь, заглянул: - Ну что, барыня, как? Не полегчало? - Куда там, Нефедушка! Верно, и не выживет! Все какие-то красные лапти просят... - Лапти? Что за лапти такие? - А господь его знает. Бредит, весь огнем горит... Мотнул шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубок, разбитые валенки - все в снегу, все обмерзло... И вдруг твердо: - Значит, надо добывать. Значит, душа желает. Надо добывать. - Как добывать? - В Новоселки идти. В лавку. Покрасить фуксином нехитрое дело. - Бог с тобой, до Новоселок шесть верст! Где ж в такой ужас дойти! Еще подумал. - Нет, пойду. Ничего, пойду. Доехать не доедешь, а пешком, может, ничего. Она будет мне в зад, пыль-то... И, притворив дверь, ушел. А на кухне, ни слова не говоря, натянул зипун поверх полушубка, туго подпоясался старой подпояской, взял в руки кнут и вышел вон, пошел, утопая по сугробам, через двор, выбрался за ворота и потонул в белом, куда-то бешено несущемся степном море. Пообедали, стало смеркаться, смерклось - Нефеда не было. Решили, что, значит, ночевать остался, если бог донес. Обыденкой в такую погоду не вернешься. Надо ждать завтра не раньше обеда. Но оттого, что его все-таки не было, ночь была еще страшнее. Весь дом гудел, ужасала одна мысль, что теперь там, в поле, в бездне снежного урагана и мрака. Сальная свеча пылала дрожащим хмурым пламенем. Мать поставила ее на пол, за отвал кровати. Ребенок лежал в тени,

* Бунин И.А. Лапти. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/9801/read?XvgG5EgF> (дата обращения: 23.03.2019).

но стена казалась ему огненной и вся бежала причудливыми, несказанно великолепными и грозными видениями. А порой он как будто приходил в себя и тотчас же начинал горько и жалобно плакать, умоляя (и как будто вполне разумно) дать ему красные лапти:

- Мамочка, дай! Мамочка, дорогая, ну что тебе стоит! И мать кидалась на колени и била себя в грудь:

- Господи, помоги! Господи, защити! А когда наконец рассвело, слышалось под окнами сквозь гул и грохот вьюги уже совсем явственно, совсем не так, как всю ночь мерещилось, что кто-то подъехал, что раздаются чьи-то глухие голоса, а затем торопливый, зловещий стук в окно. Это были новосельские мужики, привезшие мертвое тело, - белого, мерзлого, всего забитого снегом, навзничь лежавшего в розвальнях Нефеда. Мужики ехали из города, сами всю ночь плутали, а на рассвете свалились в какие-то луга, потонули вместе с лошадью в страшный снег и совсем было отчаялись, решили пропадать, как вдруг увидели торчащие из снега чьи-то ноги в валенках. Кинулись разгребать снег, подняли тело - оказывается, знакомый человек... Тем только и спаслись - поняли, что, значит, эти луга хуторские, протасовские, и что на горе, в двух шагах жильё... За пазухой Нефеда лежали новенькие ребячьи лапти и пузырек с фуксином.

22 июня 1924

Вопросы

1. Какова система ценностей Нефеда? Что помогает нам обнаружить эти ценности?
2. Чем в данном произведении стал такой профанный предмет, как «красные лапти»?
3. Вспомните и назовите схожие литературные сюжеты, в которых профанная вещь обретала иное значение и смысл.

Успенский Э. Н. Дядя Федор, пес и кот*

<...> А дядя Фёдор сказал:

- Сейчас будем дом выбирать. Пусть каждый по деревне пройдёт и посмотрит. А потом мы решим, чей дом лучше.

И стали они смотреть. Каждый ходил и выбирал, что ему больше нравится. А потом они снова встретились. Кот говорит:

- Я такой дом нашёл! Весь проконопаченный. И печка там тёплая! На полкухни! Пошли туда жить.

Шарик как засмеётся:

- Что твоя печка! Чепуха! Разве это в доме главное? Вот я дом нашёл - это дом! Там такая будка собачья - загляденье! Никакого дома не надо. Все мы в будке поместимся!

Дядя Фёдор говорит:

- Не о том вы оба думаете. Надо, чтобы в доме телевизор был обязательно. И окна большие. Я как раз и нашёл такой дом. Крыша красная. И сад с огородом есть. Пошли его смотреть!

И пошли они смотреть. Как только подошли, Шарик кричит:

- Это же мой дом! Я про эту будку говорил.

- И печка моя! - говорит кот. - Я о такой печке всю жизнь мечтал! Когда холодно было.

- Вот и хорошо! - сказал дядя Фёдор. - Мы, наверное, и в самом деле лучший дом выбрали.

Осмотрели они дом и обрадовались. Всё в доме было. И печка, и кровати, и занавесочки на окнах! И радио, и телевизор в углу. Правда, старенький. И котелки разные на кухне были, чугунные. И в огороде всё было посажено. И картошка, и капуста. Только всё запущено было, не прополото. А в сарае удочка была.

Дядя Фёдор взял удочку и пошёл рыбу ловить. А кот с Шариком печку истопили и воды принесли. Потом они поели, радио послушали и спать легли. Очень им в этом доме понравилось. <...>

На другое утро дядя Фёдор, пёс и кот дом в порядок приводили. Паутину сметали, мусор выносили, печку чистили. Особенно кот старался: он

* Успенский Э.Н. Дядя Федор, пес и кот. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/364584/read?q7KxvhW3> (дата обращения: 23.03.2019).

чистоту любил. Он с тряпкой на все шкафы, под все диваны залезал. Дом и так был не очень грязненький, а тут совсем заблестел.

А от Шарика пользы мало было. Он только носился, лаял от радости и чихал во все углы. Дядя Фёдор не выдержал и послал его в огород картошку окучивать. И пёс так заработал, что только земля летела во все стороны.

Весь день они так трудились. И морковь пропололи, и капусту. Ведь они сюда жить приехали, а не в игрушки играть.

А потом они мыться на речку отправились и, главное, Шарика купать.

- Уж больно ты у нас запущенный, - говорит дядя Фёдор. - Придётся тебе отмыться как следует.

- Я бы рад, - отвечает пёс, - только мне помощь нужна. Я один не могу. У меня мыло из зубов выскакивает. А без мыла что за мытьё! Так, намокание!

Он в воду залезал, а дядя Фёдор его намыливал и шерсть расчёсывал. А кот по берегу ходил и всё грустил о разных океанах. Он же был морской кот, просто он воды боялся.

Вопросы

1. Как можно обозначить социокультурный институт, основными участниками которого являются дядя Федор, кот Матроскин и пес Шарик?

2. Какие социальные роли играют герои в этом социокультурном институте?

3. Как ценностный мир героев выражается в выборе дома для проживания?

4. Опишите социальные роли персонажей, исходя из системы норм, правил поведения и установок, которые являются обязательным условием существования данного социокультурного института.

Тема 4. Динамика культуры

Сомерсет У.М. Дождь*

<...> Мистеру Дэвидсону не терпится вернуться к своей работе, - сказала его жена, обеспокоенно поглядев на него.

- Мы отсутствовали целый год, - подтвердил он, меряя шагами веранду. - Миссия оставлена на миссионеров-туземцев, и я очень боюсь, что они все запустили. Это весьма достойные люди, я ни в чем не могу их упрекнуть: богобоязненные, благочестивые, истинные христиане - их христианство посрамило бы многих и многих так называемых христиан у нас на родине, - но до крайности бездеятельные. Они могут проявить твердость один раз, два раза, но быть твердыми всегда они не могут. Когда оставляешь миссию на миссионера-туземца, то, каким бы надежным он ни казался, через некоторое время непременно начнутся злоупотребления.

Мистер Дэвидсон остановился у стола. Его высокая сухопарая фигура и бледное лицо с огромными сверкающими глазами были очень внушительны, пламенные жесты и звучный низкий голос дышали глубочайшей искренностью.

- Я знаю, что мне предстоит большая работа. Я стану действовать - и действовать безотлагательно. Если дерево сгнило, оно будет срублено и предано огню.

А вечером, после заменявшего ужин позднего чая, пока они сидели в чопорной гостиной - дамы с вязаньем, а доктор с трубкой, - миссионер рассказал им о своей работе на островах.

- Когда мы приехали туда, они совершенно не понимали, что такое грех, - говорил он. - Они нарушали заповеди одну за другой, не сознавая, что творят зло. Я бы сказал, что самой трудной задачей, стоявшей передо мной, было привить туземцам понятие о грехе.

* Сомерсет У.М. Дождь. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MOEM/rain.txt> (дата обращения: 23.03.2019).

Макфейлы уже знали, что Дэвидсон провел пять лет на Соломоновых островах еще до того, как познакомился со своей будущей женой. Она была миссионером в Китае, и они встретились в Бостоне, куда приехали во время отпуска на съезд миссионеров. После брака они получили назначение на эти острова, где и трудились с тех пор на ниве господней.

Разговаривая с мистером Дэвидсоном, доктор и его жена каждый раз удивлялись мужеству и упорству этого человека. Он был не только миссионером, но и врачом, и его помощь в любое время могла потребоваться на одном из островов группы. В сезон дождей даже вельбот - ненадежное средство передвижения по бушующим валам Тихого океана, а за ним часто присылали просто пирогу, и тогда опасность бывала очень велика. Если его звали к больному или раненому, он никогда не колебался. Десятки раз ему приходилось всю ночь напролет вычерпывать воду, чтобы избежать гибели, и порою миссис Дэвидсон уже теряла надежду вновь его увидеть.

- Иногда я просто умоляю его не ездить, - сказала она, - или хотя бы подождать, пока море немного утихнет, но он ничего не слушает. Он упрям, и, если уж примет решение, его ничто не может остановить.

- Как мог бы я учить туземцев уповать на господя, если бы сам страшился уповать на него? - вскричал Дэвидсон. - Но я не страшусь, не страшусь. Присылая за мной в час беды, они знают, что я приеду, если это в человеческих силах. И неужели вы думаете, что господь оставит меня, когда я творю волю его? Ветер дует по его велению, и бурные волны вздымаются по его слову.

Доктор Макфейл был робким человеком. Он так и не сумел привыкнуть к визгу шрапнели над окопами, и, когда он оперировал раненых на передовых позициях, по его лбу, затуманивая очки, катился пот - так напряженно он заставлял слушаться свои дрожащие руки. Он поглядел на миссионера с легким трепетом.

- Я был бы рад, если бы мог сказать, что никогда не боялся.

- Я был бы рад, если бы вы могли сказать, что верите в бога, - возразил Дэвидсон.

Почему-то в этот вечер мысли миссионера то и дело возвращались к первым дням их пребывания на островах.

- Порой мы с миссис Дэвидсон смотрели друг на друга, а по нашим щекам текли слезы. Мы работали без усталости дни и ночи напролет, но труд наш, казалось, не приносил никаких плодов. Я не знаю, что бы я делал без нее. Когда у меня опускались руки, когда я готов был отчаяться, она ободряла меня и поддерживала во мне мужество.

Миссис Дэвидсон потупила глаза на вязанье, и ее худые щеки слегка порозовели. Она не могла говорить от избытка чувств.

- Нам не от кого было ждать помощи. Мы были одни среди тьмы, и тысячи миль отделяли нас от людей, близких нам по духу. Когда уныние и усталость овладевали мной, она откладывала свою работу, брала Библию и читала мне, и мир нисходил в мою душу, как сон на глаза младенца, а закрыв наконец священную книгу, она говорила: «Мы спасем их вопреки им самим». И я чувствовал, что господь снова со мной, и отвечал: «Да, с божьей помощью я спасу их. Я должен их спасти».

Он подошел к столу и стал перед ним, словно перед аналоем.

- Видите ли, безнравственность была для них так привычна, что невозможно было объяснить им, как дурно они поступают. Нам приходилось учить их, что поступки, которые они считали естественными, - грех. Нам приходилось учить их, что не только прелюбодеяние, ложь и воровство - грех, но что грешно обнажать свое тело, плясать, не посещать церкви. Я научил их, что девушке грешно показывать грудь, а мужчине грешно ходить без штанов.

- Как вам это удалось? - с некоторым удивлением спросил доктор Макфейл.

- Я учредил штрафы. Ведь само собой разумеется, что единственный способ заставить человека понять греховность какого-то поступка - наказывать его за этот поступок. Я штрафовал их, если они не приходили в церковь, и я штрафовал их, если они плясали. Я штрафовал их, если их одежда была неприлична. Я установил тариф, и за каждый грех приходилось платить деньгами или работой. И в конце концов я заставил их понять.

- И они ни разу не отказались платить?

- А как бы они это сделали? - спросил миссионер.

- Надо быть большим храбрецом, чтобы осмелиться противоречить мистеру Дэвидсону, - сказала его жена, поджимая губы.

Доктор Макфейл тревожно поглядел на Дэвидсона. То, что он услышал, глубоко возмутило его, но он не решался высказать свое неодобрение вслух.

- Не забывайте, что в качестве последней меры я мог исключить их из церковной общины.

- А они принимали это близко к сердцу?

Дэвидсон слегка улыбнулся и потер руки.

- Они не могли продавать копру*. И не имели доли в общем улове. В конечном счете это означало голодную смерть. Да, они принимали это очень близко к сердцу.

Вопросы

1. Опишите механизм распространения культурных инноваций среди туземцев. Какими методами пользуется миссионер Дэвидсон?

2. Перечитайте фрагмент текста: «Видите ли, безнравственность была для них так привычна, что невозможно было объяснить им, как дурно они поступают. Нам приходилось учить их, что поступки, которые они считали естественными, - грех. Нам приходилось учить их, что не только прелюбодеяние, ложь и воровство - грех, но что грешно обнажать свое тело, плясать, не посещать церкви. Я научил их, что девушке грешно показывать грудь, а мужчине грешно ходить без штанов. - Как вам это удалось? - с некоторым удивлением спросил доктор Макфейл». Как Вы думаете, почему изменения в поведении туземцев вызвали удивление доктора?

* *Копра* (португ. *сорга*) - высушенная мякоть кокосового ореха используемая для добывания кокосового масла, технических целей и корма скоту.

Толстая Т.Н. Кысь*

<...> Старопечатных книг у тестя – целый склад. Когда Бенедикт доступ к книгам-то получил – и-и-и-и-и-и! – глаза-то у него так и разбежались, ноги подкосились, руки затряслись, а в голове паморок сделался. Горница такая просторная, на самом верхнем этаже, и с окнами, а вдоль стен все полки, полки, полки, а на полках-то все книги, книги, книги! И большие, и маленькие, всякие. Которые совсем с ладошку, – а буквы в них большие. А которые большие – а буквы в них малые. Есть книги, – а в них картинки, да не простые, а цветные! Право слово, цветные! Цельная книга цветных картинок, а на них бабы голые, розовые, – и на траве сидят, и на тубарете, и в раскорячку, и по-всякому! Которые тощие, как метла, а другие ничего, полненькие. Одна вон на лежанку лезет и одеялку откинула, – ничего бабец. Ничего.

Полистал дальше, – мужики какие-то идут себе куда-то, идут, идут, с граблями, – должно, репу сажать. Потом море, а на нем ладья, а над ней на палках простыни. Видать, постирушку затеяли и сушат. Но дак оно и удобно: вон в море воды сколько. Опять отлистал назад, где баба на лежанку лезет. Хорошая баба. Вроде Оленьки, только личико без сметаны. Потом еще много голубчиков на зверях сидят, – звери эти вроде козляка, но без бороды. Тесть сказал: это конь. Конь. Ага. Это, значит, вот он какой, конь. Страшный какой. Но, а эти-то сели на него и не боятся.

Потом цветы цветные. Горшок, а из него цветы торчат. Это скучно. Потом вообще все закалякано, не разбери поймешь чего. Тоже скучно. Потом еще полистал, а там картинка такая: ничего на картинке нет, один лист белый, а посередине черная дыра квадратная. Больше ничего. Вроде как конец всему. Смотрел на дыру, смотрел, – вдруг так что-то страшно стало, как во сне. Захлопнул быстро книгу и бросил.

В других книгах тоже картинок без числа. Бенедикт три дня на полу сидел, листал. Чего только не нарисовано, и-и-и, Боже ты мой, Господи! Девушки такие приятные с дитем сидят, смеются, а вдали белые дороги, зеленые холмы, а на холмах города горкой, светлые такие, голубые али розовые, как заря. Мужики сурьезные, важные, на голове шапка блином,

* Толстая Т.Н. Кысь. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/56042/read?NVQ6kQ6k> (дата обращения: 23.03.2019).

на грудях цепь желтая, рукава пышные, как у бабы. А то целая толпа голубчиков, и ребятенки малые с ними, а только все голые, только тряпки цветные на них накручены, и будто летят куда вверх, а цветов да венков набрали, – ужаси. А должно, на прополку всем семейством ходили, а лихие люди их ограбимши, зипуны-то посрываюши.

Раз знакомое что-то на глаза попало – никак, «Демон». Точно. Это что Федор Кузьмич в дар преподнес. Бенедикт долго сидел – аж ноги затекли, смотрел на «Демона», думал. Вот одно дело других слушать, а совсем другое – самому видеть: точно это, не наврали, не Федор Кузьмич книги пишет, а другие голубчики. Вот приглянулся, видать, Федору Кузьмичу, слава ему, этот демон, он хватить – и выдрал картинку-то из книги-то. Вот ведь какой, – маленький, да удаленький. А как-то горько: обманул Бенедикта, обставил, за дурака посчитал.

После этих книжек сны снились цветные, с сердцебиением. Все больше холмы зеленые, муравой укрытые, да дорога, а будто бежит Бенедикт по той дороге легкими ногами, и сам дивится: до чего бежать-то легко стало! А на холмах деревья, а тень от них резная да бегущая: солнце сквозь листья играет, на мураве пляшет. А он бежит себе да смеется: вот до чего же легко, рассказать бы кому! А никого и нетути, все будто попрятались. А тоже ничего: когда надо, выйдут, вместе с Бенедиктом смеяться будут! А куда он бежит, он не знает, а только ждет его кто-то и радуется, похвалить хочет: хороший Бенедикт, хороший!

А то будто он вроде как летать умеет. Невысоко, правда, и недолго, но все-таки. Это тоже на дороге, но вроде темно. И тепло. Лето, стало быть. Вот будто на Бенедикте штаны белые, и рубаха белая тож. И вот будто он понял: ежели ногой от земли оттолкнуться, а потом спину-то эдак прогнуть, а руками в стороны разводить по-лягушачьи, то прямо по воздуху плыть можно, аршин десять можно проплыть. А потом сила эта вроде как иссякает, дак опять ногой оттолкнуться, и опять плыви. И будто Бенедикт это кому-то показывает, разъясняет. Вот, дескать, как это просто, только спину прогнуть, а животом к земле, а руками, дескать, вот эдак. Проснешься – вот жалость: умел ведь летать-то, а к утру забыл.

А раз приснилось, будто хвост у него вырос кружевной да резной, весь белый, как у Княжьей Птицы. Вот он голову через плечо обернул и на свой хвост смотрит... А в горнице темновато и прохладно, и окошко низ-

кое. И солнце в окошко утренним светом бьет и по белым перьям мелкой радугой дробится, дрызгами искристыми. А он хвост то распушит, то снова подберет, и смотрит, как искры по белому играют, как вот снег бывает пушистый, летучий. И уж так ему этот хвост нравится, так уж нравится, – сейчас бы пригнуться, да в окно порхнуть, да на ветку, да по ветке пройти ко-ко-ко. Да только хвост этот немного болит, и ходить с ним несподручно. Вот уж он не у окошка, а по лестнице какой-то спускается, а хвост за ним шуршит, по ступеням волочится, тугой такой, прохладный, и еще пышнее стал. И входит Бенедикт в горницу, а там семья. За столом сидят и смотрят... Лаптями елозят. И смотрят так сурово, с осуждением, али гневом, на Бенедикта. Бенедикт тоже смотрит – а он голый. Забыл штаны надеть, али потерял, али что. А надо обедать. Вот он за стол садится, и хочет хвостом срамоту прикрыть, и так, и эдак, а не выходит, потому как хвост короток. Как же так: сейчас ведь длинный был, волочился, а тут вдруг короток. Он его руками-то нашаривает, голову вывертывает, из подмышки на него смотрит, а хвост уж не тот. Потемнел, и рябой весь, и перья в руках остаются: тронешь – отваливаются...

Вот чудь какая приснится! – не знаешь, что и думать. А когда все книги с картинками пересмотрел, за другие взялся. Сначала глаз старопечатные буквы не брал, вроде как соскакивал. А потом приноровился, будто так и надо. Будто Бенедикт всю жизнь только и делал, что запрещенные книжки читал!

Сначала хватал все без разбора, а потом решил в этом деле порядок навести. Все подсчитать и по порядку расставить. Книжки с полок сгреб на пол и по-своему все переделал. Первое время по цвету книжки расставлял: в этот угол желтые, в тот – красные. Не то что-то. Потом по размеру книжки ставил: большие – туда, малые – сюда. Самому не понравилось; а почему не понравилось, потому что на каждой книжке, слышь, на коробке ее обозначено: кто писал. Скажем, Жюль Верн. Так он и большую книжку, коричневую, сочинил, и малую, синенькую. Как их в разные углы пихнешь? – их надо вместе. Потом закавыка вышла: есть книжки, а называется журнал, а там не один голубчик сочинявши, а целых десять, да каждый – свое. Эти журналы надо тоже вместе, по цифрам: сначала номер один, потом номер два, а потом, – что же? – надо номер три, а третьего-то и нет, а сразу семь. Что такое? А нету! Вот досада-то. Может, где завалилось,

потом отыщется. А журналы разные, а названия у них чудные, которые понятные, которые нет. Вот «Звезда», это понятно. Это ж дураком надо быть, чтоб не понять.

А вот «Кодры», что за «Кодры»? А должно, ошибка вышла, а надо: «кадры». А Тетеря так девушек встречных называет. Бенедикт чернил из ржави сварил, палочку обстругал, навел порядок, все переправил. А в этом журнале про девушек, правда, много понаписано.

А вот есть «Вопросы литературы». Бенедикт посмотрел: никаких там вопросов, одни ответы. А должно, был номер с вопросами, да пропал. То же жалко.

А есть журнал «Картофель и овощи», с картинками. А есть «За рулем». А есть «Сибирские огни». А есть «Синтаксис», слово какое-то вроде как непристойное, а что значит, не понять. Должно, матерное. Бенедикт пролистал: точно, матерные слова там. Отложил: интересно. На ночь почитать.

А есть «Задушевное слово». «Вестник Европы». «Весы». Эти какие-то не такие, сильно плесенью пахнут, но это неважно, а вот там среди букв, почитай, в каждом слове, еще какие-то буквы, науке неизвестные. Бенедикт думал, это не по-нашему, а по-кохинорски, а потом приловчился читать, и ничего, перестал лишние буквы замечать, будто их и нету.

Тесть пришел, посмотрел, как Бенедикт все переставил, – похвалил:

– Я смотрю, ты культуру любишь.

– Культуру страсть как люблю.

– Дело хорошее. Мы тоже читать любим. Другой раз в кружок сядем, читаем.

– М-м.

– А то есть которые культуру не уважают, портят.

– М-м.

– Страницы вырывают, немытыми руками листают.

– Ага... Это кто?..

– Есть такие...

Постоял, подышал, – вся горница нехорошим пропахла, – и ушел.

<...> Вот Бенедикт с утра, не пимши-не емши, только морду ополоснет, – и читать. Зовут обедать, – вот досада, на самом интересном месте оборвут! Сначала он так делал: быстро сбегает, накидает в рот чего ни по-

пада, – и опять к книге. А потом сообразил: можно и за столом читать. Даже вкуснее, и времени не теряешь. Семейство, конечно, обижается. Теща обижается, что Бенедикт ее стряпню мало хвалит, Оленька, – что он в книжках про баб вычитывает, а она сидит одна, как дура. Тесть вступается: оставьте его, это искусство.

Оленька воет:

– Он книжки читает, а на меня никакого внимания!

Тесть на защиту встал:

– Не твоего ума дело! Молчи! Читает – значит надо.

– Чего он там читает-то? Он про баб читает! А на жену не смотрит!

Вот порву все книжки-то ваши!

– Ничего не про баб! Вот, написано: «Роджер вынул пистолет и прислушался. Скрипнула дверь». А не про баб.

– Видишь? Он не про баб.

– Ну конечно! Не про баб! Чего ж он писдолет-то вынул, срамник?

– Дак сейчас мистер Блэк войдет, а он его по балде пистолетом. Роджер-то. Он за портьерой спрятамшись. Не мешай.

– Какой такой мистер Блэк?

– Семейный нотариус. Не мешай.

– Чего ж он семейному человеку свой писдолет выкладывает? Свою семью заведи да и выкладывай!

– Вот то-то ты и есть дура! – это тесть ей. – Семья семьей, а производственный процесс знать надо. Муж твой тебе не для забавы даден, а как есть он гражданин общества, кормилец и защитник. Тебе хиханьки, а ему учеба. Зять!

– М?

– Ты еще «Гамлет» не читал?

– Нет еще.

– Прочти. Нельзя пробелы в образовании... «Гамлет» обязательно прочесть надо.

– Хорошо, прочту.

– Еще «Макбет» прочти. Ох, книга хорошая, ох, полезная...

– Ладно.

– «Муму» обязательно. Сюжет очень волнующий. Камень ей на шею, да и в воду... «Колобок» тоже.

– «Колобок» я читал.

– Читал?! Здорово, да?

– Ага.

– Как-к она его!.. Ам!.. Лиса-то... Да, брат, лиса – это, знаешь... Лиса она и есть... Лисанька... Ам!

– Да, жалко...

– При чем тут!.. Это ж искусство! Тут, брат, не жалко, а намек... Понимать надо... Басни Крылова читал?

– Басни начал.

– Хорошие есть... «Волк и ягненок». Хорошая. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» Поэзия.

– Я больше люблю с приключениями.

– А-а, чтоб не сразу?.. А вот «Охотники за головами», желтенькая. Непременно прочти.

– Слушайте, да не мешайте мне! Прочту я! Вы мне мешаете! Дайте почитать спокойно.

– Все, все! Молчим! – Тесть палец к губам приложил. – Работай, учись спокойно. Молчим, молчим <...>

<...> На полках в складе давно порядок заведен: сразу видно, какой книге где место. А то у тестя Гоголь рядом с Чеховым стоял, – сто лет ищи, не найдешь. А на все наука должна быть, али сказать, система. Что-бы не тыркаться без толку туда-сюда, а сразу – пошел и взял.

<...> Нет восьмого номера. Ну, может, и ошибся, может сунул не туда... бывает... тут «Северный Вестник», тут «Вестник Европы», «Русское Богатство», «Урал», «Уральские Огни», «Пчеловодство»... тут нет... «Знамя», «Новый мир», «Литературият Башкортостон»... читал, Тургенев – читал, Якуб Колас – читал, Михалков, Петрарка, Попов, другой Попов, Попцов, Попеску, «Попка-дурак. Раскрась сам», «Илиада», «Электрическая тяга», – читал, «С ветром споря», «Справочник партизана», Сартр, Сартаков, «Сортировка бытового мусора», Софокл, «Совморфлоту – 60 лет», «Гуманистические аспекты творчества Шолохова», «Русско-японский политехнический словарь», – читал, читал, читал...

Бенвенуто Челлини; «Чешуекрылые Армении», выпуск пятый; Джон Чивер; «Чиполлино», «Черный принц» – ага, вот и ошибся, эту не сюда;

«Чудо-дерево»; «Чума»; «Чумка у домашних животных»; «Чум – жилище народов Крайнего Севера»; Чулков; «Чулочно-носочное производство»; Чулаки; «Чукотка. Демографический обзор»; Чандрабхагнешапхандра Лал, том восемнадцатый; «Чень-Чень. Озорные сказки народов Конго»... читал; Кафка; «Каши из круп», «Как мужик гуся делил»; «Карты звездного неба», «Камо грядеши?», «Камское речное пароходство»... читал; «Що за птиця?»; Пу Сун-лин; «Пустыня Гоби», «Ракетам – пуск!», «Убийство в Месопотамии»; «Убийство в Восточном экспрессе»; «Убийство Кирова»... «Урарту»... «Ладушки»; Лимонов; «Липидо-белковый обмен в тканях», – все читал...

Боясь догадаться, дрожащими руками перебирал Бенедикт сокровища; про восьмой номер он уж и не думал, нет восьмого номера, – переживем, но – книга за книгой, книга за книгой, журнал за журналом, – все это уже было, было, было, читал, читал, читал... Так что же: все прочитал? А теперь что читать? А завтра? А через год?

Во рту пересохло, ноги ослабли. Высоко поднял в руке свечу, синеватый свет ее раздвигал тьму, плясал по полкам, по книжным корешкам... может, наверху...

Платон, Плотин, Платонов, «Плетення жинкових жакетов», Плисецкий Герман, Плисецкая Майя, «Плиссировка и гоффра», «Плевна. Путеводитель», «Пляски смерти», «Плачи и запевки южных славян», «Плейбой». «Плитка керамическая. Руководство по укладке». «Планетарное мышление». «Плавание в арктических водах». «План народного развития на пятую пятилетку». «Плебеи Древнего Рима». «Плоскостопие у детей раннего возраста». «Плевриты». «Плюшка, Хряпа и их веселые друзья». Все читал. Все. «Все кончено, – пробормотал Владимир». Ничто не предвещало. Вот – предвестило... Бенедикт постоял, капая свечным салом на пол, осмысливая случившийся ужас. Так вот пирует себе человек в богатом пиру, в венке из роз, смеясь беспечно, и вся жизнь у него впереди; бездумно ему и светло; откусил, играючи, кусок ватрушки, протянул руку за другим, – и вдруг раз! – и видит, что и стол-то пуст, чист, ни объедка, и горница как мертвая: ни друзей, ни красавиц, ни цветов, ни свечей, ни цимбалов, ни танцоров, ни ржави, а может и самого-то стола нет, только сено сухое... с потолка помаленьку сыплется... шуршит и сыплется...

Вопросы

1. В отрывке из романа мы видим мир, переживший ядерную катастрофу. Осталась горстка выживших, «прежних» людей, и основу общества составляют люди новые – «мутировавшие». Опишите исторический момент, который мы наблюдаем, с точки зрения господствующей в нем культуры.

2. По описанию иллюстраций в книгах попытайтесь угадать, какие книги смотрит герой, репродукции каких картин обнаруживает в альбомах?

3. Признаком каких изменений в личности являются цветные сны, которые начинают сниться герою?

4. Символом чего является приснившийся герою «кружевной и резной хвост»? Почему герой испытывает стыд?

5. Выделяют несколько этапов инновационного процесса, связанного с развитием человека, общества. На каком этапе находится Бенедикт в освоении практики чтения книг?

6. Как на изменения в поведении Бенедикта реагируют окружающие его люди: жена, тесть. Объясните механизм поведения каждого с точки зрения культурных норм и правил.

7. Какие ограничения возникают на пути освоения главным героем книжной культуры?

Тема 5. Архаичная культура

Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате*

<...>

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил.
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мщенье думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.
И увидел он: подходит
В полусумраке пурпурном,
В пышном зареве заката,
Стройный юноша к вигваму.
Голова его - в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри - мягки, золотисты,
А наряд - зелено-желтый.

У дверей остановившись,
Долго с жалостью, с участием
Он смотрел на Гайавату,
На лицо его худое,
И, как вздохи Шавондази
В чаще леса, - прозвучала
Речь его: «О Гайавата!
Голос твой услышан в небе,
Потому что ты молился
Не о ловкости в охоте,
Не о славе и победах,
Но о счастья, о благе
Всех племен и всех народов.

* Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/373820/read?ipbILEt3> (дата обращения: 23.03.2019).

Для тебя Владыкой Жизни
Послан друг людей - Мондамин;
Послан он тебе поведать,
Что в борьбе, в труде, в терпенье
Ты получишь все, что просишь.
Встань с ветвей, с зеленых листьев,
Встань с Мондамином бороться!»
Изнурен был Гайавата,
Слаб от голода, но быстро
Встал с ветвей, с зеленых листьев.
Из стемневшего вигвама
Вышел он на свет заката,
Вышел с юношей бороться, -
И едва его коснулся,
Вновь почувствовал отвагу,
Ощутил в груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката,
И все крепче, все сильнее
Гайавата становился.
Но спустились тени ночи,
И Шух-шух-га на болоте
Издавала свой крик тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

«Кончим! - вымолвил Мондамин,
Улыбаясь Гайавате, -
Завтра снова приготовься
На закате к испытанию».
И, сказав, исчез Мондамин.
Опустился ли он тучкой
Иль поднялся, как туманы, -
Гайавата не заметил;

Видел только, что исчез он,
Истомив его борьбою,
Что внизу, в ночном тумане,
Смутно озеро белеет,
А вверху мерцают звезды.

Так два вечера, - лишь только
Опускалось тихо солнце
С неба в западные воды,
Погружалось в них, краснея,
Словно уголь, раскаленный
В очаге Владыки Жизни, -
Приходил к нему Мондамин.
Молчаливо появлялся,
Как роса на землю сходит,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьев,
Но невидимая смертным
В час прихода и ухода.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката;
Но спустились тени ночи,
Прокричала на болоте
Громко, жалобно Шух-шух-га,
И задумался Мондамин;
Стройным станом и прекрасный,
Он стоял в своем наряде;
В головном его уборе
Перья веяли, качались,
На челе его сверкали
Капли пота, как росинки.

И вскричал он: «Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,
Трижды стойко ты боролся,
И пошлет Владыка Жизни
Надо мной тебе победу!»

А потом сказал с улыбкой:
«Завтра кончится твой искус -
И борьба и пост тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;
Приготовь тогда мне ложе
Так, чтоб мог весенний дождик
Освежать меня, а солнце -
Согревать до самой ночи.
Мой наряд зелено-желтый,
Головной убор из перьев
Оборви с меня ты смело,
Схорони меня и землю
Разровняй и сделай мягкой.

Стереги мой сон глубокий,
Чтоб никто меня не трогал,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Ворон,
Не летал к моей могиле.
Стереги мой сон глубокий
До поры, когда проснусь я,
К солнцу светлому воспряну!»
И, сказав, исчез Мондамин.

Мирным сном спал Гайавата;
Слышал он, как пел уныло
Полуночник, Вавонэйса,
Над вигвамом одиноким;

Слышал он, как, убегая,
Сибовиша говорливый
Вел беседы с темным лесом;
Слышал шорох - вздохи веток,
Что склонялись, подымались,
С ветерком ночным качаясь.
Слышал все, но все сливалось
В дальний ропот, сонный шепот:
Мирным сном спал Гайавата.

На заре пришла Нокомис,
На седьмое утро пищи
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубит голод,
Если пищи он не примет.

Ничего он не отведал,
Ни к чему не прикоснулся,
Лишь промолвил ей: «Нокомис!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнеет
И Шух-шух-га громким криком
Возвестит, что день окончен!»

Плача, шла домой Нокомис,
Все тоскуя, опасаясь,
Что его погубит голод.
Он же стал, томясь тоскою,
Ждать Мондамина. И тени
Потянулись от заката
По лесам и по долинам;
Опустилось тихо солнце
С неба в Западные Воды,
Как спускается зарею

В воду красный лист осенний
И в воде, краснея, тонет.

Глядь - уж тут Мондамин юный,
У дверей стоит с приветом!
Голова его - в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри - мягки, золотисты,
А наряд - зелено-желтый.

Как во сне, к нему навстречу
Встал, измученный и бледный,
Гайавата, но бесстрашно
Вышел - и бороться начал.

И слились земля и небо,
Замелькали пред глазами!
Как осетр в сетях трепещет,
Бьется бешено, чтоб сети
Разорвать и прыгнуть в воду,
Так в груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненные кольца,
Горизонт сверкал кровавый
И кружился с Гайаватой;
Сотни солнцев, разгораясь,
На борьбу его глядели.
Вдруг один среди поляны
Очутился Гайавата,

Он стоял, ошеломленный
Этой дикою борьбою,
И дрожал от напряженья;
А пред ним, в измятых перьях
И в изорванных одеждах,

Бездыханный, неподвижный,
На траве лежал Мондамин,
Мертвый, в зареве заката.

Победитель Гайавата
Сделал так, как приказал он:
Снял с Мондамина одежды,
Снял изломанные перья,
Схоронил его и землю
Разровнял и сделал мягкой.
И среди болот печальных
Цапля сизая, Шух-шух-га,
Издавала свой крик тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

В отчий дом, в вигвам Нокомис
Возвратился Гайавата,
И семь суток испытанья
В этот вечер завершились.
Но запомнил Гайавата
Те места, где он боролся,
Не покинул без призора
Ту могилу, где Мондамин
Почивал, в земле зарытый,
Под дождем и ярким солнцем.

День за днем над той могилой
Сторожил мой Гайавата,
Чтобы холм ее был мягким,
Не зарос травой сорной,
Прогоня свистом, криком
Кагаги с его народом.

Наконец зеленый стебель
Показался над могилой,

А за ним - другой и третий,
И не кончилось лето,
Как в своем уборе пышном,
В золотистых, мягких косах,
Встал высокий, стройный маис.
И воскликнул Гайавата
В восхищении: «Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!»

Тотчас кликнул он Нокомис,
Кликнул Ягу, рассказал им
О своем виденье дивном,
О своей борьбе, победе,
Показал зеленый маис -
Дар небесный всем народам,
Что для них быть должен пищей.

А поздней, когда, под осень,
Пожелтел созревший маис,
Пожелтели, стали тверды
Зерна маиса, как жемчуг,
Он собрал его початки,
Сняв с него листву сухую,
Как с Мондамина когда-то
Снял одежды, - и впервые
«Пир Мондамина» устроил,
Показал всему народу
Новый дар Владыки Жизни.

Вопросы

1. Какие мифы, сказания напомнили Вам этот текст и его герои?
2. Какие элементы придают повествованию характер мифа?
3. Какие функции мог выполнять этот текст, если бы был устным рассказом (мифом) в архаическую эпоху?

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский камень*

<...> И что с ними случилось, с мамой и папой?

Ярость сошла с лица Хагрида.

– Что ж, думаю, что будет лучше, если я тебе расскажу, н-ну... то, что могу, конечно, а могу не все, потому как, э-э... загадок много осталось, непонятного всякого...

Он снова сел и уставился на огонь.

– Наверное, начну я... с человека одного, – произнес Хагрид через несколько секунд. – Нет, поверить не могу, что ты про него не знаешь, – его в нашем мире все знают...

– А кто он такой? – спросил Гарри, не дав Хагриду замолчать и уйти в себя.

– Ну... Я вообще-то не люблю его имя произносить. Никто из наших не любит.

– Но почему?

– Клянусь драконом, Гарри, люди все еще боятся, вот почему. А, чтоб меня, нелегко все это... Короче, был там один волшебник, который... который стал плохим. Таким плохим, каким только можно стать. Даже хуже. Даже еще хуже, чем просто хуже. Звали его...

Хагрид задохнулся от волнения и замолк.

– Может быть, вы лучше напишете это имя? – предложил Гарри.

– Нет... не знаю я, как оно пишется. Ну ладно... э-э... Волан-де-Морт, – выдавил наконец Хагрид, передернувшись. – И больше не проси меня, ни за что не повторю. В общем, этот волшебник лет так... э-э... двадцать назад начал себе приспешников искать. И нашел ведь. Одни пошли за ним, потому что испугались, другие подумали, что он властью с ними поделится. А власть у него была ого-го, и чем дальше, тем больше ее становилось. Темные были дни, да. Никому нельзя было верить. Жуткие вещи творились. Побеждал он, понимаешь. Нет, с ним, конечно, боролись, а он противников убивал. Ужасной смертью они умирали. Даже мест безопасных почти не осталось... разве что Хогвартс, да! Я так думаю, что Дамблдор был единственный, кого Ты-Знаешь-Кто боялся. Потому и на школу

* Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский камень. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/268704/read?0qjXNOHS> (дата обращения: 23.03.2019).

напасть не решился... э-э... тогда, по крайней мере. А твои мама и папа – они были лучшими волшебниками, которых я в своей жизни знал. Лучшими учениками школы были, первыми в выпуске. Не пойму, правда, чего Ты-Знаешь-Кто их раньше не попытался на свою сторону перетянуть... Знал, наверное, что они близки с Дамблдором, потому на Темную сторону не пойдут. А потом подумал: может, что их убедит... А может, хотел их... э-э... с дороги убрать, чтоб не мешали. В общем, никто не знает. Знают только, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в том городке, где вы жили. Тебе всего год был, а он пришел в ваш дом и... и...

Хагрид внезапно вытащил откуда-то грязный, покрытый пятнами носовой платок и высморкался громко, как завывшая сирена.

– Ты меня извини... плохой я рассказчик, Гарри, – виновато произнес Хагрид. – Но так грустно это... я ж твоих маму с папой знал, такие люди хорошие, лучше не найти, а тут... В общем, Ты-Знаешь-Кто их убил. А потом – вот этого вообще никто понять не может – он и тебя попытался убить. Хотел, чтобы следов не осталось, а может, ему просто нравилось людей убивать. Вот и тебя хотел, а не вышло, да! Ты не спрашивал никогда, откуда у тебя этот шрам на лбу? Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает. Так вот, родителей твоих он убил, даже дом разрушил, а тебя убить не смог. Поэтому ты и знаменит, Гарри. Он если кого хотел убить, так тот уже не жилец был, да! А с тобой вот не получилось. Он таких сильных волшебников убил – Маккиннонов, Боунзов, Прюиттов, а ты ребенком был, а выжил.

Хагрид замолчал, а на Гарри вдруг нахлынули болезненные переживания из его детства. Перед его глазами отчетливо возникла знакомая картина из прошлого, только теперь ослепительная вспышка зеленого света была гораздо ярче. И заодно он вспомнил кое-что еще, то, что никогда раньше не всплывало в его памяти, – громкий, ледяной, беспощадный смех.

Хагрид с грустью наблюдал за ним.

– Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привез тебя этим...

– Вздор и ерунда! – донесся из угла голос дяди Вернона.

Гарри аж подпрыгнул от неожиданности – он совсем забыл про Дурслей. Но Дурсли про него не забыли. Особенно дядя Вернон, к которому, кажется, вернулась смелость – он сжимал кулаки и яростно смотрел на Хагрида.

– Послушай меня, мальчик, – прорычал дядя Вернон. – Я допускаю, что ты немного странный, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Твои родители действительно были колдунами, но, как мне кажется, без них мир стал спокойнее. Они сами напросились на то, что получили, только и общались что с этими волшебниками, этого следовало ожидать, я знал, что они плохо кончат...

Не успел он договорить, как Хагрид спрыгнул с софы, вытащил из кармана потрепанный розовый зонтик и наставил на дядю Вернона, словно шпагу.

– Я тебя предупреждаю, Дурсль, я тебя в последний раз предупреждаю: еще раз рот откроешь...

Видимо, дядя Вернон представил себе, как этот великан с легкостью нанизывает его на свой зонтик, и его смелость сразу испарилась – он прижался к стене и замолчал.

– Так-то лучше. – Хагрид тяжело вздохнул и сел обратно на софу, которая на этот раз прогнулась до самого пола.

На языке у Гарри вертелись самые разные вопросы. Сотни вопросов.

– А что случилось с Волан... извините, с тем Вы-Знаете-Кем?

– Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Растворился. В ту самую ночь, когда тебя пытался убить. Потому ты и стал еще знаменитее. Я тебе скажу, это самая что ни на есть настоящая загадка... Он все сильнее и сильнее становился и вдруг исчез, и... эта... непонятно почему. Кой-кто говорит, что умер он. А я считаю, чушь все это, да! Думаю, в нем ничего человеческого не осталось уже... а ведь только человек может умереть. А кто-то говорит, что он все еще тут где-то, поблизости, просто прячется... э-э... своего часа ждет, но я так не думаю. Те, кто с ним был, – они на нашу сторону перешли. Раньше ведь они... эта... как заколдованные были, а тут проснулись. Вряд ли бы так вышло, будь он где-то рядом, да! Хотя большинство людей думают: он где-то тут, только силу свою потерял. Слишком слабый стал, чтоб дальше бороться и все завоевать. В тебе было что-то, Гарри, что его... э-э... сломало. Чтой-то приключилось той ночью, чего он не ждал, не знаю что, да и никто не знает... но сломал ты его, это точно ...

Вопросы

1. Как с культурологической точки зрения называется явление, когда герой Хагрид не может назвать имя Волан-де-Морта, обозначив его как «Ты-Знаешь-Кто»? С чем это связано?
2. Каких мифологических героев напоминают вам упомянутые в отрывке Хагрид и Волдан-де-Морт. Вспомните как можно больше их протитопов из разных мифологий.
3. Можно ли считать произведения Дж. Роулинг о Гарри Поттере настоящим мифологическим сказанием?

Тема 6. Культура традиционного общества

Афанасьев М. Лихо одноглазое (сказка)*

Жил один кузнец. - Что, - говорит, - я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть, пойду поищу себе лихо. Взял и пошел, выпил хорошенько и пошел искать лихо.

Навстречу ему портной. - Здравствуй!

- Здравствуй! Куда идешь?

- Что, брат, все говорят: лихо на свете есть, я никакого лиха не видал, иду искать.

- Пойдем вместе. И я хорошо живу и не видал лиха, пойдем поищем.

Вот они шли, шли, зашли в лес, в густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней – по узенькой дорожке. Шли, шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь, некуда идти.

- Сём, - говорят, - зайдем в эту избу. Вошли - никого нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят. Вот и идет высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая.

-А! - говорит. - У меня гости. Здравствуйте.

- Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе.

- Ну, хорошо, будет что поужинать мне!

Они перепугались. Вот она пошла, беремья дров большое принесла, принесла беремья дров, поклала в печку, затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала.

Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла – поужинала. Кузнец смотрит в печку и говорит:

- Бабушка, я кузнец.

- Что умеешь делать-ковать?

- Да я все умею.

- Скуй мне глаз.

- Хорошо, - говорит, - да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься, я бы тебе вковал глаз.

* Афанасьев М. Лихо одноглазое: сказка. URL: <http://www.kirskaz.ru/afanasiev/sk-afanasieva85.html> (дата обращения: 23.03.2019).

Она пошла, принесла две веревки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал ее одною, которая была потоньше.

- Ну-ка, бабушка, повернись!

Она повернулась и разорвала веревку.

- Ну, - говорит, - нет, бабушка! Эта не годится.

Взял он толстую веревку да этою веревкою скрутил ее хорошенько.

- Повернись-ка, бабушка!

Вот она повернулась – не порвала. Вот он взял шило, разжег его, наставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарит по шилу. Она как повернется – и разорвала веревку, да села на пороге.

- А, злодей, теперича не уйдешь от меня!

Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать?

Потом пришли с поля овцы, она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь.

Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала, как хватит за спинку, так и выкинет ее. И он подполз, она и егохватила за спинку и выкинула.

Выкинула его, он встал и говорит:

- Прощай, лихо! Натерпелся я от тебя лиха, теперь ничего не сделаешь.

Она говорит:

- Постой, еще натерпишься, ты не ушел!

И пошел кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит, в дереве топорик с золотой ручкой, захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвешь. Оглянулся назад: идет к нему лихо и кричит:

- Вот ты, злодей, и не ушел!

Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить, отрезал ее и ушел.

Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо.

- Вот, - говорит, - посмотрите – каково оно.

Я, - говорит, - без руки, а товарища моего совсем съела. Тут и сказке конец.

Вопросы

1. Что символизируют собой избушка и бабушка в сказке?

2. Почему по сюжету сказки выжившим оказывается именно кузнец?

Какими особыми качествами традиционно наделяли людей этой профессии?

3. Какие основные элементы общественной жизни традиционного общества мы наблюдаем в этом отрывке?

Гримм Я. и В. Легенда о Гамельнском крысолове*

Славен и богат город Гамельн. На главной площади подпирают небо башни ратуши. Ещё выше тянутся к небу шпили собора святого Бонифация. Перед ратушей фонтан, украшенный каменной статуей Роланда. Мелкими брызгами покрыт доблестный воин Роланд и его знаменитый меч. Отзвонили колокола святого Бонифация. Пёстрая толпа выплывает из высоких стрельчатых дверей собора, растекается по широким ступеням. Идут богатые бюргеры, один толще другого. Блестят золотые цепи на бархатной одежде. Пухлые пальцы унизаны кольцами. Зазывают, заманивают покупателей купцы. Прямо на площади раскинулся рынок. Горами навалена снедь. Сало белее снега. Масло желтее солнца. Золото и жир - вот он каков, славный, богатый город Гамельн! Глубоким рвом, высокой стеной с башнями и башенками со всех сторон окружён город. У каждых ворот стражники. Если пуст кошель, на колене заплата, на локте дыра, копьями и алебардами от ворот гонят стражники.

Каждый город чем-нибудь да знаменит. Знаменит Гамельн своим богатством, золочёными шпилями своих соборов. А гамельнцы знамениты скупостью. Умеют они, как никто, беречь свои запасы, множить добро, отнимать у бедняка последнюю денежку.

Наступил засушливый, неурожайный год. В округе начался голод. А гамельнцам до этого и дела нет. У них амбары полны прошлогодним зерном, гнутся столы от яств. Уже с осени потянулись толпы голодных крестьян в город. Решили хитрые купцы попридержать зерно до весны. К весне прижмёт крестьянина голод, ещё выгодней можно будет продать зерно. Всю зиму у стен Гамельна, у закрытых ворот, стояли толпы голодных. Лишь стаял снег на полях, приказал бургомистр раскрыть все городские ворота и беспрепятственно пропускать всех. Встали в дверях лавок купцы, руки заложив за пояс, животы выпятив, брови строго нахмутив, чтобы сразу поняли: дёшево здесь ничего не купишь.

Но тут случилось невиданное дело. Пока ослабевший люд тащился в город, внезапно со всей округи, из голодных деревень, с пустых полей в Гамельн хлынули крысы. Показалось поначалу: не так велика беда. По

* Гримм Я. и В. Легенда о Гамельнском крысолове. URL: <http://kniga-life.ru/gamelnskij-krysolov> (дата обращения: 23.03.2019).

приказу бургомистра подняли подъёмные мосты, все ворота наглухо закрыли и завалили камнями. Но крысы переплывали через ров и через какие-то ходы, дыры проникали в город. Открыто, среди бела дня, шли крысы по улицам. В ужасе смотрели жители на страшное крысиное шествие. Голодные твари разбежались по амбарам, подвалам и закромам, полным отборного зерна. И начались крысиные пиры!

Крепко призадумались бюргеры. Собрались на совет в ратуше. Хоть и был бургомистр Гамельна изрядно толст и неповоротлив, но ничего не скажешь - умом крепок. Порой только руками разводили гамельнцы: до чего ж умен, хитёр! И вот, поразмыслив, приказал бургомистр: чтобы избавить Гамельн от неожиданной беды, свезти в город со всей округи котов и кошек. Скрипят телеги по дорогам в Гамельн. На телегах наспех сколоченные деревянные клетки. А в клетках не откормленные гуси и утки на продажу, а коты и кошки. Всех мастей и пород, худые, голодные. Въехали телеги на площадь перед ратушей. Стражники открыли клетки. Во все стороны побежали коты, серые, рыжие, чёрные, полосатые. С облегчением вздохнули бюргеры и, успокоившись, неспешно разошлись по домам.

Но ничего из этой мудрой затеи не вышло. Коты испугались столь обильного угощения. В страхе бежали они от крысиных полчищ. Прятались кто куда, забирались на островерхие черепичные крыши. Худой чёрный кот залез на кровлю собора святого Бонифация и мяукал всю ночь напролёт. Не сидеть же сложа руки, глядя, как гибнет добро, любовно скопленное, сбережённое, столько раз считанное! Над Гамельном плывёт звон колоколов. Во всех церквах служат молебны от засилья крыс. На папертях монахи продают амулеты. Кто обзавёлся таким амулетом - живи спокойно: крыса не подойдет и на сто шагов. Но ничего не помогало: ни молебны, ни амулеты.

С утра на площади глашатаи трубят в трубы, вызывают на суд крысиного короля. К городской ратуше стекается народ. Идут купцы со слугами и домочадцами, мастера со своими подмастерьями. Весь город собрался перед ратушей. Сегодня суд над крысами. Ждут, что прибудет в ратушу сам крысиный король. Говорят, пятнадцать голов у него и одно тело. На каждой голове искуснейшей работы золотая корона размером с лесной орех. В ратушу набилось столько народу - яблоку негде упасть. Один за другим вошли судьи и расселись под балдахином на золочёных креслах. В

чёрных бархатных мантиях, в чёрных шапочках, лица у всех важные, строгие, неподкупные -дрожи крысиный король и вся крысиная братия! Писцы очинили перья. Все ждали. На малейший звук, даже на шелест упавшей перчатки, разом поворачивались все головы. Не знали, откуда появится преступный король: из дверей, из тёмного угла или из-за судейского кресла. Ждали до вечера. От жары и духоты пожелтели лица судей. Но крысиный король так и не явился. Делать нечего. Тут же за дверьми изловили большущую усатую крысу. Посадили в железную клетку, а клетку поставили посреди стола. Крыса, пометавшись, затихла в покорной тоске. Забилась в угол. Главный судья Каспар Геллер поднялся с места. Вытер платком взмокшее лицо. Пять амбаров с зерном подчистую разграбили у него крысы, опустошили все погреба. Долго громовым голосом обличал крысиное племя судья Каспар Геллер. Протянув руку над клеткой с крысой, перечислял все преступления, злодеяния и козни проклятых крыс. После него встал судья Гангель Мун, похожий на разжиревшую лису: длинный нос, масляные глазки. Был он хитрее всех в Гамельне. Всё, чем владел, хранил в сундуках, обитых железом, недоступных крысиному зубу. И теперь смотрел он на всех лукаво, под сочувствием скрывая злорадство.

- Ах, всемилостивейшие судьи! - сказал Гангель Мун голосом сладким и печальным. - Строгостью к виновным, милосердием к безвинным должен прославить себя судья. Потому не следует забывать нам, что крысы тоже божьи твари, и к тому же не наделены они человеческим разумом...

Но главный судья Каспар Геллер резко оборвал его:

- Замолчи, судья Гангель Мун! Всем известно, что блохи, крысы, жабы и змеи сотворены дьяволом.

Долго совещались судьи. Наконец Каспар Геллер встал и громким голосом огласил приговор:

«Мы, милостью божьей судьи города Гамельна, повсеместно прославлены своей неподкупной честностью и справедливостью. Среди всех иных тягот, кои великим грузом лежат на наших плечах, озабочены мы также бесчинствами, учинёнными в нашем славном городе Гамельне мерзкими тварями, носящими богопротивное имя - крысы *Mus rattus*. Мы, судьи города Гамельна, признаём их виновными в нарушении порядка и

благочестия, а ещё в воровстве и грабеже. Также весьма нам прискорбно, что его величество крысиный король, нарушив наш строгий приказ, на суд не явился, что несомненно свидетельствует о его злонамеренности, нечистой совести и низости душевной. Посему приказываем и повелеваем: всем упомянутым крысам, а также королю всего крысиного племени к полудню завтрашнего дня под страхом смертной казни покинуть наш славный город, а также все земли, принадлежащие ему.

Дано в Гамельне 5 апреля 1284 года».

Потом крысу, подпалив ей хвост, отпустили, чтобы передала всему своему роду строгий приказ гамельнского суда. Крыса мелькнула чёрной молнией и пропала. И все опять, успокоившись, разошлись по домам. На другой день с утра нет-нет да и подходили к окнам жители. Ждали, что двинутся крысы вон из города. Но только напрасно ждали. Солнце стало уже клониться к закату, а проклятое племя и не думало исполнять судебный приговор. А тут вдруг пронеслась страшная весть! Неслыханное дело! В ночь, как состоялся суд, сожрали крысы у главного судьи Каспара Геллера судейскую мантию и шапочку в придачу. От такой наглости все только рты пооткрывали. Быть беде! И в самом деле, крыс в Гамельне всё прибывало и прибывало. По ночам во многих окнах мигали свечи. Догорит одна свеча - от огарка зажигали другую, и так до утра. Сидели бюргеры на высоких пуховиках, не решаясь спустить ноги с постели. Уже никого не боясь, шныряли крысы повсюду. Привлечённые ароматом жаркого пробирались на кухни. Выглядывали из углов, поводя носами, принюхиваясь: «Чем тут пахнет?» Прыгали на столы, прямо с блюд норовили утащить лучший кусок. Добирались даже до окороков и колбас, подвешенных к потолку. Чего нихватишься - всё сожрали, проклятые. И уже в двери многих домов костлявым пальцем постучал голод.

Хоть и были бюргеры один скупей другого, но тут решили: ничего не жалеть, лишь бы избавить город от страшной напасти. По всем улицам Гамельна прошли глашатаи. Шли они, нарушив строй и порядок, сбившись в кучу, друг к другу поближе. Город как вымер. На пустынных площадях, на пустынных улицах, на мостах в полной тишине странно и зловеще звучали трубы и голоса глашатаев:

- Кто избавит славный город Гамельн от крыс, получит от магистрата столько золота, сколько сможет унести! Но прошло три дня, а в ратушу так никто и не явился. На четвёртый день колокол снова собрал всех бюргеров в ратушу. Бургомистр долго тряс рукавами, подбирал края плаща - не забралась ли крыса? Осунулись, побледнели бюргеры, под глазами чёрные круги. Куда девались румянец и толстые щёки? Если уж не помогает обещанная награда, видно, больше ждать спасения неоткуда. Не выдержав, закрыл лицо руками бургомистр и глухо зарыдал. Всё, конец! Погибает добрый, старый Гамельн! И вдруг все услышали какие-то голоса, шум и движение внизу, на площади. В зал вбежал стражник и крикнул:

- Крысолов!

В дверь, прихрамывая, вошёл странный человек. Был незнакомец высок и худ. Лицом тёмно, словно хорошенько прокоптили его над огнём. Взгляд пронзительный. От такого взгляда холод пробежал по спине. На плечах короткий плащ. Одна половина камзола чёрная, как ночь, другая красная, как огонь. В чёрную шапочку сбоку воткнуто петушиное перо. В руке же незнакомец держал старинную, потемневшую от времени дудку. В другое время, конечно, осторожные бюргеры поостереглись бы такого странного гостя: не доверяли они тощим бродягам. Но сейчас все обрадовались ему, как самому желанному гостю. Бургомистр, назвав его «любезный мой господин», сам придвинул ему кресло. Судья Каспар Геллер попробовал даже хлопнуть его по плечу. Но тут же, громко вскрикнув, отдернул руку - ладонь словно огнём обожгло.

Слуги спустились в подвалы и принесли бутылки с мальвазией, рейнским и мозельским. Пришелец схватил бутылку мальвазии, зубами вытащил восковую затычку и, запрокинув голову, одним глотком выпил драгоценное вино. Не останавливаясь, опорожнил подряд девять бутылок.

А бургомистр, уже не в силах сдержать нетерпение, спросил незнакомца напрямик:

- Скажи, можешь ли ты увести крысиное племя из нашего города?

- Могу, - усмехнулся крысолов. - Эти твари мне подвластны.

- Как? Все до единой?.. - Бургомистр даже привстал с места.

- Я очищу ваш город от крыс. Слово мое, крысолова, крепко. Но и вы своё сдержите. За это дадите мне столько золота, сколько смогу унести.

- Худ как жердь да и хром в придачу. Такой много не унесёт..., - шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру. А потом уже, повернувшись к крысолову, сказал громко и важно:

- Всё, как договорились, почтенный наш гость. Обмана не будет.

- Так смотрите не вздумайте нарушить своё слово, - сказал крысолов и вышел из ратуши.

Небо стало вдруг серым и мрачным. Всё заволжлось мутным туманом. Вороны, облепившие шпили собора святого Бонифация, поднялись, закружились, усыпали всё небо с зловещим карканьем. Крысолов поднёс к губам дудку. Протяжные звуки полились из дудки. Слышался в этих звуках щекочущий шорох зерна, стружкой текущего из прорехи в мешке. Весёлое щёлканье масла на сковороде. Хруст сухаря под острыми зубами. Бюргеры, стоявшие у окон, ахнули и невольно подались назад. Потому что на звуки дудки из всех домов стали выбегать крысы. Выползали из подвалов, прыгали с чердаков. Крысы окружили крысолова со всех сторон. А тот равнодушно пошёл, прихрамывая, с площади. И все до одной крысы побежали вслед за ним. Стоило только умолкнуть дудке, как всё несметное крысиное полчище останавливалось. Но опять начинала петь дудка. И снова крысы покорно устремлялись вслед за крысоловом. Из улочки в улочку шёл крысолов. Крыс становилось всё больше и больше.

Вслед за крысоловом все крысы двинулись к городским воротам. Стражники едва успели укрыться в башнях. Крысы вышли из города и чёрной лентой растянулись по дороге. Последние, отставшие, перебежали через подъёмный мост - и вдогонку за крысоловом. Всё заволжлось пылью. Несколько раз мелькнул чёрный плащ крысолова, рука с дудкой, петушиное перо...

Удаляясь, всё тише и тише звучала дудка. Через час прибежали в город пастухи. Перебивая друг друга, рассказали:

- Крысолов вышел на берег реки Везер. Прыгнул в лодчонку, которая покачивалась тут же у берега. Не переставая играть на дудке, выплыл крысолов на середину Везера. Крысы бросились в воду и поплыли за ним, и плыли они до тех пор, пока не утонули все до одной. А было их такое множество, что из берегов вышел могучий Везер.

Ликует освобожденный от крыс город. Радостно звучат колокола на всех соборах. Весёлыми толпами идут по улицам горожане. Спасён слав-

ный Гамельн! Спасён богатый Гамельн! В ратуше слуги разливают вино в серебряные кубки. Сейчас не грех и выпить. Вдруг из-за угла появился крысолов и пошёл через площадь прямо к ратуше. Всё также была у него в руке дудка. Только одет он был иначе: в зелёном костюме охотника. Переглянулись бюргеры. Платить? Э нет...

- Жилист и крепок этот крысолов, - шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру, - такой хоть и хром, а унесёт всю казну...

Крысолов вошёл в ратушу. Никто и не поглядел в его сторону. Бургомистр отвернулся, Каспар Геллер уставился в окно. Но, видно, крысолова было не так-то легко смутить. С ухмылкой вытащил он из-за пазухи мешок. Показался этот мешок бюргерам бездонным.

- Я своё слово сдержал. Теперь дело за вами, - сказал крысолов. - Как договорились. Столько золота, сколько смогу унести...

- Милейший... - Бургомистр в замешательстве развёл руками, оглянулся на Гангеля Муна.

- Вот как? Не кошель, не суму - целый мешок золота?.. - хихикнул судья Гангель Мун и в притворном испуге выпучил глаза.

Хитрец Гангель Мун, с опаской косясь на крысолова, наклонился к уху бургомистра:

- Может, отсыпать ему горсть золота? Так... немного, для виду... А потом обложить податью людей по беднее, кто вовсе не пострадал от крыс, потому что и так ничем не владел.

Но бургомистр от него отмахнулся. Откашлялся и голосом важным, но отечески ласковым сказал:

- Дело сделано. Надо, как обещано, расплатиться. По трудам и плата. Кошель серебра и выход из города через любые ворота.

А незнакомец тут же показал себя полным невежей. Кошелек не взял и, даже не поклонившись, повернулся спиной и вышел из зала. После него осталось слабое облачко серного дыма.

Тут уж совсем развеселились бюргеры. Славно вышло: разом избавились и от крыс и от крысолова. Громко звонят колокола святого Бонифация. Все бюргеры с жёнами и слугами отправились в собор к воскресной обедне. И никто из них не слышит, что снова на площади запела дудка.

«Можно! Можно! Можно! - поёт дудка. - Сегодня всё можно! Я пове-
ду вас в зелёные рощи! На медовые заливные луга! Босиком по лужам!
Зарыться в сено! Можно! Можно! Можно!»

Топот маленьких башмаков по деревянным лестницам, по каменным ступеням... Из всех дверей выбегают дети. Бросив игру, бросив прялку, на бегу подтягивая чулок, дети бегут за крысоловом, жадно ловя звуки дудки. Из каждого дома - дети. На каждой улице - дети. Падают, разбивают коленки, потрут, подуют и бегут дальше. Весёлые, с липкими пальцами, за щекой сласти, в кулаке горсть орехов - дети.

Вот уже городские ворота. Дети с топотом пробежали по подъёмному мосту. А крысолов уводит их по дороге, мимо вересковых холмов всё дальше, дальше...

Вопросы

1. Каковы основные ценности традиционного общества, которое представлено в этой сказке братьев Гримм?
2. Какие ассоциации у Вас рождаются в связи с образом крысолова? Кого он символизирует?
3. Какие приметы традиционного гамельнского общества сохраняются и в наши дни?
4. Продолжите эту сказку и допишите ее. Можно предложить авторское окончание сказки.

Гоголь Н.В. Портрет^{*}

<...> Я для того привел их, чтобы показать вам, как часто этот народ находится в необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибегать к займам; и тогда поселяются между ними особого рода ростовщики, снабжающие небольшими суммами под заклады и за большие проценты. Эти небольшие ростовщики бывают в несколько раз бесчувственней всяких больших, потому что возникают среди бедности и ярко выказываемых нищенских лохмотьев, которых не видит богатый ростовщик, имеющий дело только с приезжающими в каретах. И потому уже слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества. Между такими ростовщиками был один... но не мешает вам сказать, что происшествие, о котором я принялся рассказать, относится к прошедшему веку, именно к царствованию покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый вид Коломны и жизнь внутри ее должны были значительно измениться. Итак, между ростовщиками был один - существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно. Высокий, почти необыкновенный рост, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо страшный цвет его, большие, необыкновенного огня глаза, нависнувшие густые брови отличали его сильно и резко от всех пепельных жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики. Это было каменное строение, вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские купцы, - с неправильными, неравной величины окнами, с железными ставнями и засовами. Этот ростовщик отличался от других ростовщиков уже тем, что мог снабдить какою угодно суммою всех, начиная от нищей старухи до расточительного придворного вельможи. Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон которых иногда глядела голова роскошной светской дамы. Молва, по обыкновению, разнесла, что железные сундуки его полны без счету денег, драгоценностей, бриллиантов и всяких залогов, но

^{*} Гоголь Н.В. Портрет. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/96414/read?NJiNkLUJ> (дата обращения: 23.03.2019).

что, однако же, он вовсе не имел той корысти, какая свойственна другим ростовщикам. Он давал деньги охотно, распределяя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то арифметическими странными выкладками заставлял их восходить до непомерных процентов. Так, по крайней мере, говорила молва. Но что страннее всего и что не могло не поразить многих - это была странная судьба всех тех, которые получали от него деньги: все они оканчивали жизнь несчастным образом. Было ли это просто людское мнение, нелепые суеверные толки или с умыслом распущенные слухи - это осталось неизвестно. Но несколько примеров, случившихся в непродолжительное время пред глазами всех, были живы и разительны.

Вопросы

1. Какие идеи протестантизма отображены в характере и образе жизни главного героя – ростовщика?
2. Каким образом из этих черт характера возник дух современного капитализма?
3. Кого из мифологии напоминает Вам описываемый персонаж?

Тема 7. Культура индустриального общества

Оруэлл Дж. 1984*

<...> – За что вас арестовали? - спросил Уинстон.

– Мыслепреступление! - сказал Парсонс, чуть не плача. В голосе его слышалось и глубокое раскаяние, и смешанный с изумлением ужас: неужели это слово относится к нему? Он стал напротив Уинстона и страстно, умоляюще начал:

– Ведь меня не расстреляют, скажите, Смит? У нас же не расстреливают, если ты ничего не сделал... только за мысли, а мыслям ведь не прикажешь. Я знаю, там разберутся, выслушают. В это я твердо верю. Там же знают, как я старался. Вы-то знаете, что я за человек. Неплохой по-своему. Ума, конечно, небольшого, но увлеченный. Сил для партии не жалел, правда ведь? Как думаете, пятью годами отделаюсь? Ну, пускай десятью. Такой, как я, может принести пользу в лагере. За то, что один раз споткнулся, ведь не расстреляют?

– Вы виноваты? - спросил Уинстон.

– Конечно, виноват! - вскричал Парсонс, подобострастно взглянув на телеэкран. - Неужели же партия арестует невиноватого, как, по-вашему? - Его лягушачье лицо стало чуть спокойней, и на нем даже появилось ханжеское выражение. - Мыслепреступление - это жуткая штука, Смит, - нравоучительно произнес он. - Коварная. Нападает так, что не заметишь. Знаете, как на меня напало? Во сне. Верно вам говорю. Работал вовсю, вносил свою лепту - и даже не знал, что в голове у меня есть какая-то дрянь. А потом стал во сне разговаривать. Знаете, что от меня услышали?

Он понизил голос, как человек, вынужденный по медицинским соображениям произнести непристойность:

– Долой Старшего Брата! Вот что я говорил. И кажется, много раз. Между нами, я рад, что меня забрали, пока это дальше не зашло. Знаете, что я скажу, когда меня поставят перед трибуналом? Я скажу: «Спасибо вам. Спасибо, что спасли меня вовремя».

* Оруэлл Дж. 1984. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/275908/read?TE18DXx3> (дата обращения: 23.03.2019).

– Кто о вас сообщил? - спросил Уинстон.

– Дочурка, - со скорбной гордостью ответил Парсонс. - Подслушивала в замочную скважину. Услышала, что я говорю, и на другой же день - шасть к патрулям. Недурно для семилетней пигалицы, а? Я на нее не в обиде. Наоборот, горжусь. Это показывает, что я воспитал ее в правильном духе.

Вопросы

1. О какой особенности современной массовой культуры пишет Д. Оруэлл?

2. Какие ценности современной культуры прививаются героям этого произведения?

Содерберг М.Т. Хюгге. Датское искусство счастья*

<...> В Дании дети с малолетства узнают, как важно быть частью общины, проникаться доверием к окружающим и чувствовать себя комфортно с родителями. Вот что говорит психолог и автор книги «Воспитание по-датски» Ибен Санда: «Для многих семей в Дании хюгге – клей, скрепляющий семью. С хюгге мы чувствуем присутствие друг друга, контакт, каждый член семьи может быть самим собой. В наши дни жизнь детей в Дании так напичкана занятиями, что время для хюгге находится только по выходным. Но некоторым удается улучшить момент для хюгге и в течение недели, вписать моменты уюта в установленный распорядок. Например, мы можем петь песни по пути домой из детского сада, рассказывать анекдоты за ужином и вместе смеяться.

<...> С рождения дети зеркалят и впитывают все вокруг. Они копируют повседневное поведение родителей, воспитателей, друзей, окружающих, копируют современные влияния. Новорожденный зависит от физического и визуального контакта, заботы, внимания; ему жизненно необходима познавательная стимуляция. Эту потребность и человеческий контакт можно приравнять к удовлетворению и радости от хюгге. Хюгге для детей обычно связано с домом: местом, где они ощущают себя в безопасности и могут быть собой.

Малыши осознают значимость общины и важность присутствия в настоящем моменте. Если в детстве они часто проводили время с родителями, они понимают, каково это, когда тебя замечают – видят, слышат, уделяют внимание. Это чувство безопасности, усваиваемое на самом глубинном уровне. А если человек ощущает себя в безопасности, ему проще справляться с требованиями внешнего мира и повседневными проблемами. Воспитание в хюгге-среде дает ребенку своего рода встроенный радар: взаимодействуя с окружающими, дети начинают чувствовать, кому можно доверять и на кого можно рассчитывать. Хюгге создает «мы-культуру» - культуру, в которой люди полагаются друг на друга, действуют совместно и на этой основе строят социум, ориентированный прежде всего на нужды общины».

* Содерберг М.Т. Хюгге. Датское искусство счастья. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592069&p=1> (дата обращения: 23.03.2019).

В суете повседневных дел улучшить момент для хюгге не так-то просто. Но мы можем планировать совместное времяпрепровождение. Вот что говорит психолог Хайди Шойц: «Привлекайте детей к повседневным делам. Поручайте им задания по дому. Пусть помогают готовить еду. Ешьте за одним столом как можно чаще. Мы берем на себя все домашние дела, думая, что так будет быстрее, а потом освободится время для хюгге. Но заниматься домашними делами вместе – это и есть хюгге. Когда мы привлекаем детей к домашним обязанностям, мы учим их заботиться о себе. Это укрепляет их уверенность, самооценку и самостоятельность.

Проанализируйте свой временной бюджет - на что вы тратите время в действительности? Главные поглотители времени – гаджеты. Когда семья собирается за ужином или каким-либо совместным занятием, убирайте телефоны и выключайте компьютеры, телевизоры и планшеты. Не стремитесь быть суперхозяйкой: составьте меню на неделю и закупите продукты заранее.

В детском саду моего племянника перед пасхальными каникулами повесили объявление: «Дайте детям возможность слоняться без дела. Вы планируете досуг из лучших побуждений, но детям очень важно просто послоняться по дому в тапочках, прежде чем их потащат в зоопарк, кино и прочие интересные места».

«Слоняться» – то есть побродить без цели, расслабиться и понять, что иногда достаточно надеть домашние тапочки, чтобы всем стало хюгге...

Вопросы:

1. Как Вы поняли, что обозначает датское понятие «хюгге»?
2. Совпадает ли датское понятие счастья с российским понятием счастья?
3. Датское счастье преодолевает индивидуализм и взаимное отчуждение людей друг от друга, присущие индустриальному обществу. О чем говорит этот факт?

Саган Ф. Здравствуй, грусть!*

<...> Точно так же я не могла бы описать четыре липы во дворе провинциального пансиона, их аромат и улыбку отца на вокзале два года назад, когда я вышла из пансиона, - улыбку смущенную, потому что у меня были косы и на мне было безобразное темное, почти черное платье. А потом в машине – внезапную вспышку торжествующей радости: он обнаружил, что у меня его глаза, его рот, и понял, что я могу стать для него самой любимой, самой восхитительной игрушкой. Я ничего не знала – он открыл мне Париж, роскошь, легкую жизнь. Наверное, большинством моих тогдашних удовольствий я обязана деньгам – наслаждением быстро мчаться в машине, надеть новое платье, покупать пластинки, книги, цветы. Я и по сей день не стыжусь этих легкомысленных удовольствий, да и называю их легкомысленными потому лишь, что их так называли при мне другие. Уж если я и стала бы о чем-то жалеть, от чего-то отречься – так скорее от своих огорчений, от приступов мистицизма. Жажда удовольствий, счастья составляет единственную постоянную черту моего характера. Может, я слишком мало читала? В пансионе читают только нравоучительные книги. А в Париже мне читать было некогда: после занятий друзья затаскивали меня в кино – я не знала имен актеров, это их удивляло, – или на залитые солнцем террасы кафе. Я упивалась радостью смешаться с толпой, потягивать вино, быть с кем-то, кто заглядывает тебе в глаза, берет тебя за руку, а потом уводит прочь от этой самой толпы. Мы бродили по улицам, доходили до моего дома. Там он увлекал меня в подъезд и целовал: мне открылась прелесть поцелуев. Не важно, как звались эти воспоминания: Жан, Юбер или Жак – эти имена одинаковы для всех молоденьких девушек. Вечером я выросла, выезжала с отцом в общество, где мне было нечего делать, где собиралась довольно разношерстная компания и я развлекалась и развлекала других своей юностью. На обратном пути отец высаживал меня у дома, а потом чаще всего провожал свою даму. Я не слышала, как он возвращался.

Я не хочу, чтобы создалось впечатление, будто он афишировал свои связи. Он просто не скрывал их от меня, вернее, не искал фальшивых и

* Саган Ф. Здравствуй, грусть! URL: <https://flibusta.appspot.com/b/149076/read?XtIMLYK3> (дата обращения: 23.03.2019).

благовидных предлогов, почему та или иная его приятельница так часто завтракает с нами или почему она водворяется у нас в доме – к счастью, временно! Так или иначе, я недолго пребывала в неведении насчет того, какого рода отношения связывают его с нашими «гостями», а он, без сомнения, дорожил моим доверием и к тому же избавлял себя таким образом от обременительной необходимости изощряться в выдумках. Расчет был превосходен. Одна беда – я на некоторое время усвоила трезвый цинизм во взглядах на любовь, что, принимая во внимание мой возраст и жизненный опыт, выглядело скорее смешным, чем страшным. Я охотно повторяла парадоксы вроде фразы Оскара Уайльда: «Грех – это единственный яркий мазок, сохранившийся на полотне современной жизни». Я уверовала в эти слова, думаю, куда более безоговорочно, чем если бы применяла их на практике. Я считала, что моя жизнь должна строиться на этом девизе, вдохновляться им, рождаться из него как некий штамп наизнанку. Я не хотела принимать в расчет пустоты существования, его переменчивость, повседневные добрые чувства. В идеале я рисовала себе жизнь как сплошную цепь низостей и подлостей.

Вопросы

1. Какой тип общества представлен в отрывке?
2. К какому социальному классу относятся героиня и ее отец?
3. Какие ценности они разделяют? Почему героиня некоторых ценностей своей жизни стесняется? Найдите культурные обоснования этого смущения.

Славникова О. А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки*

<...> Но чаще Катерина Ивановна не верила во внутренний мир, не чувствовала его. Чаще ей казалось, что она целиком состоит из других людей, набита, будто соломой, их резкими жестами, громкими словами. Все это как-то хранилось в уме Катерины Ивановны, особенно если ей говорили что-нибудь обидное, со временем вытиралось до абстрактных углов и звуков, до какой-то голой основы, но никак не желало исчезнуть. Больше всего там было, конечно, от матери: ее вибрирующий голос, будто вызванный ударом по самым фибрам существа; ее манера возить и шаркать тапками, без конца надевая их на ходу; ее прямой указательный палец, подтыкающий на переносице очки, в то время как выцветшие слабые глаза тарасились - в тарелку, в книжку. Катерина Ивановна нуждалась в том, чтобы это продолжало быть, - все, включая ползанье окостенелой руки по одеялу, оправляющей его так, будто это одежда на пуговицах, - Катерина Ивановна понимала, что не может остаться без образцов. Она все время, с детства, мысленно повторяла за матерью то и другое - просто так, безо всякой цели. Даже черты Катерины Ивановны всю жизнь послушно следовали ее чертам.

То была семья потомственных учителей, вернее, учительниц, потому что мужья и отцы очень скоро исчезали куда-то, а женщины рожали исключительно девочек, и только по одной. Семья жила в провинции и была провинциальна. Женщины привычно носили уродливые шляпки с обвислыми капустными полями и резиновые сапоги на литых каблуках, которые будто специально для них выпускала из года в год какая-то местная фабричка. Этих женщин словно не касалось, что город рос, обзаводился столичным хозяйством вроде цирка и метро, что электричество на улицах делалось все слаще от ночных сиропов и создавало с наступлением темноты мигающий мокренький праздник. Многоэтажные здания строились в улицы и несли на крышах по слову из гигантских надписей, направлявших потоки транспорта от начала к концу строки, - при этом читающий взгляд принужден был перелетать в пустоте, под беззвучно расплзавшимися облаками. Город вообще прирастал скорее пустотой, чем стеклянной и ка-

* Славникова О.А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/80201/read?lmkvTFmJ> (дата обращения: 23.03.2019).

менной плотью. Широкие улицы и площади возникали на месте порушенных и поднятых бульдозерами в дощатые кучи трухлявых трущоб, отскобленное место застилалось асфальтом и бетонными плитами, предназначенными словно не для человеческого шага, а для шахматного передвижения других, гораздо более крупных фигур. Эти свободные пространства не возмещались объемами новых построек, и выходило так, что город занимает материал у неба, разрабатывает его, будто некое открытое месторождение. Может, из-за этого даже ухоженный центр выглядел отчасти будто горнозаводской пейзаж. Отвалы, узкоколейки и глухие корпуса окраин словно отражались в небе, и над гуляющими толпами висели взрытые породы, серые дымы.

Всего этого женское семейство не знало и не желало знать. Их город, где они существовали сами по себе, не развивался и не рос, напротив - становился все более захолустным. Сюда не доходили моды, не попадала дорогая бытовая техника, здесь два кудрявых мальчика - Пушкин и Володя Ульянов - одинаково сидели на разных картинках, подперев кулаками толстые щеки, и считались чем-то вроде родни. Мать Катерины Ивановны, Софья Андреевна, преподавала литературу и жила в девятнадцатом веке, изредка выбираясь в начало двадцатого, где смертельно боялась пьяного Есенина с его кабаками, неестественно горящими рябинами и гармониями колесом. Случалось, ей попадало в руки что-нибудь из современного, но там она всегда натывалась на такое бесстыдство, что приходилось захлопывать книжку и прятать ее подальше, будто собственную тайну или преступление. Софья Андреевна просто не могла оставить на виду этот ужасный предмет, вдруг получивший гораздо больше прав на ее заботу и на принадлежность ей, чем собственные заслуженные вещи, скромно стоявшие на местах, тогда как самозванец буквально криком просился на руки. В маленькой квартирке, где хозяйкам было трудно отойти друг от друга и на десять шагов, Софья Андреевна все же умудрялась устраивать тайники: в белье, под крышкой раздвижного стола, в нагретом местечке за батареей, где с электрическим шелковым треском рвались горячие паутины и темнота искрила, щекоча ослепшую руку, грозя упрятанной вещи фантастическим исчезновением ...

Вопросы

1. Выделите основные приметы индустриального города и культуры индустриального общества.
2. Каковы основные признаки горожанина на примере этого текста.
3. Что символизируют собой в данном отрывке изображенные на картинках А. Пушкин и В. Ульянов?

Тема 8. Понятие массовой культуры

Заппа Ф. Настоящая книжка Фрэнка Заппы*

<...> Некоторым из вас о Дебби ничего не известно, поскольку вам, в отличие от людей из Реального Мира, не приходится иметь дело с радиостанциями и фирмами звукозаписи, однако вам следовало бы кое-что о ней знать, хотя бы на тот случай, если решите зайти позже.

Дебби тринадцать лет. Ее родителям нравится считать себя Рядовыми Богобоязненными Белыми Американцами. Папаша - член какого-то продажного профсоюза и, как нетрудно догадаться, ленивый, некомпетентный, невежественный и незаслуженно высокооплачиваемый сукин сын.

Мамаша - сексуально распущенная корыстолюбивая мегера, которая живет для того, чтобы тратить мужнину зарплату на нелепые наряды и выглядеть «моложе».

Дебби невероятно глупа. Ее воспитывали в уважении к ценностям и традициям, которые ее родители почитают священными. Временами ей снится, что ее целует спасатель с пляжа.

Когда люди из Секретного Ведомства По Руководству Всем узнали о Дебби, их охватил трепет восторга. Она была безупречна. Она была безнадозна. Им нужна была именно такая девочка.

Ее тут же избрали на должность Воображаемого Образцового Потребителя Поп-Музыки и Верховного Арбитра Музыкальных Вкусов Всех Граждан - и с того самого момента всё музыкальное в нашей стране должно было видоизменяться в соответствии с тем, что они сочли ее желаниями и потребностями.

«Вкус» Дебби определял форму, цвет и размер всей музыки, что продавалась и передавалась по радио в Соединенных Штатах во второй половине двадцатого века. В конце концов Дебби выросла, стала в точности как мамаша и вышла замуж за парня, который оказался в точности как папаша. Каким-то образом она умудрилась размножиться. В настоящий момент люди из Секретного Ведомства внимательно присматриваются к ее дочке.

* *Zanna Ф.* Настоящая книжка Фрэнка Заппы. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/196736/read?bnpWwtJS> (дата обращения: 23.03. 2019).

Вопросы

1. Какие характерные черты массовой культуры разоблачает автор?
2. Опишите возможные вкусы Дебби в кино, музыке и литературе, если бы она жила в настоящее время в России. Объясните свои примеры.
3. Что может противостоять массовой культуре?

Чиждва Е. С. Терракотова старуха*

Женщина средних лет идет по Невскому проспекту. Со стороны может показаться, что она улыбаётся: края губ слегка вздернуты. Уголки тянутся вверх. Ее бывший муж называет эту улыбку архаической: легкое мышечное напряжение. Ему не соответствует выражение глаз.

Она думает: «Лучше не оглядываться. Куда ни глянь, сплошные витрины. Стоит только оглянуться...»

Миновав «Макдоналдс», женщина пересекает улицу Рубинштейна. Раньше на этом углу был магазин «Рыба».

«Странно... – она одергивает себя. – Будто я – тайный шпион. Вроде Штирлица. В каком-нибудь вражеском городе...» Эта мысль кажется ей смешной. Настолько, что она намеренно оглядывается. Ее отражение, оглянувшись ненамеренно, смотрит ей в глаза.

Отражение – существительное среднего рода. Оно думает: плохо одетая женщина – тоже.

Женщина, одетая в секонд-хенд, подходит поближе. Со стороны это должно выглядеть так, будто женщина, идущая по Невскому, остановилась у витрины. Отражение тоже делает шаг навстречу. В русском языке есть подходящая идиома: сделать шаг навстречу – попытаться понять.

То, что на ней надето, – ее собственная одежда. Юбка, куртка. Темно-коричневые сапоги. Много лет назад она купила их в самом дорогом магазине. Тогда она могла позволить себе многое. Ее отражению эта одежда досталась по наследству. Той женщины больше нет.

Отражение опускает глаза. Вчера они ехали в автобусе. Женщина средних лет, одетая в свои собственные обноски, стояла, держась за поручень. Ее отражение стояло напротив – в автобусном окне. Оно тоже держалось за поручень. В автобусе лучше за что-нибудь держаться.

«...Ага. В COSMOPOLITAN. Прикинь, Мадонна, и та не гнушается».

– «Ну уж!»

– «Вот тебе и ну уж! Так и написано: не гнушается. Это старье называется винтаж...»

* Чиждва Е. С. Терракотова старуха. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/265229/read?yMgEXK8k> (дата обращения: 23.03.2019).

Две подружки, отражаясь друг в друге, обсуждали какую-то статью. Черные брючки, лаковые сапожки, сумочки из грубого дерматина – дешевая имитация натуральной кожи. Женщина и ее отражение смотрели друг на друга, невольно прислушиваясь. Про себя они отметили: гнушаться. В разговорном языке такие глаголы – редкость.

«А я гнушаюсь! Еще не хватало... Во-первых, это опасно. Винта-аж... Обноски. Обыкновенный секонд-хенд. Ты же не знаешь, кем она была...»

– «Мадонна?!»

– «Да при чем здесь Мадонна! Другая, которая носила раньше. А вдруг какая-нибудь ду-ура? Наденешь, а оно и пристанет. По телеку говорили. Я сама слышала...»

Две девочки, похожие на студенток-первокурсниц, сошли на ближайшей остановке.

Женщина и ее отражение вздохнули одновременно. Когда-то давно они тоже были студентками. Потом преподавали в институте, потом работали на Фридриха. В те времена они не гнушались оглядываться – смотреть друг другу в глаза.

По тротуару движется толпа иностранцев. Идут, не разбирая дороги. Глазеют по сторонам.

Женщина думает: «Надо посторониться». Делает шаг вперед. Теперь она стоит у самой витрины. От нее до отражения – подать рукой. Они близки как никогда. Стоит протянуть руку, и пальцы встретятся. Но – что это? Отражение исчезло. Глаза различают только товар. Юбка, брюки, сапоги на высоких шпильках. Тонкая кашемировая шаль. В этом сезоне в моду вошел лиловый. Глаза манекенов смотрят мимо – гнушаются глазами прохожих. Женщина хочет убедиться: неужели это так просто?

Она делает шаг назад: ее отражение возвращается в то же мгновение.

Шаг вперед – пустые улыбки манекенов.

Шаг назад – снова она: бывшая женщина, одетая в свой собственный секонд-хенд. Ей не хочется, чтобы оно пристало. Оно: ее прежняя жизнь. Студентка, институтский преподаватель, удачливая бизнес-леди. Женский род, мужской род, снова женский... «Нет, – она поправляет себя, – бизнес-леди – существование среднего рода. В своем роде тоже оно...»

Ее отражение стоит перед глазами. Ей хочется поднять на него руку, врезать по стеклу, шарахнуть изо всех сил – пусть бы рассыпалось осколками. Ей кажется, будто оно уже рассыпается. Прохожие шагают по осколкам. В каждом осколке таится ее отражение. Под чужими ногами осколки мешаются с грязью.

Женщина делает шаг вперед.

Отражения – как не бывало. Она чувствует себя невидимкой. У невидимок не бывает отражений. Невидимки не смотрят себе в глаза.

Теперь она стоит у самой витрины. Ей некуда спешить и нечего бояться. Между ней и оно – глухая стена. Стена – надежная преграда, не дающая отражений.

Шаг назад. Женщина замирает: вот сейчас оно снова явится – убогий лузер, глядящий на мир твоими глазами...

Ничего подобного. Отражения нет как нет. Похоже, ему наскучила эта игра. Оно ушло в глубину, спрыгнуло с витрины, улизнуло в торговый зал, смешалось с деловитыми покупательницами... Вот оно идет вдоль вешалок, намереваясь примерить что-нибудь из самой последней коллекции. Манекены спешат навстречу. Их лица озаряют архаические улыбки: края губ слегка вздернуты. Уголки тянутся вверх. Но сами глаза этому не соответствуют: они пусты.

Вдоль задней стены магазина растянута красочный слоган:

У нас одеваются ваши отражения.

Ее бесславное отражение, осколок ее прошлого, скрывается в примерочной кабинке.

Женщина-невидимка ликует: как же славно!

Она отступает от витрины, идет по Невскому легкой походкой. Пока оно занимается шопингом, она предоставлена сама себе. Теперь она может стать кем угодно. В отсутствие отражения это легко. Стоит только взглянуть чужими глазами...

Например, вот этого иностранца.

Мятые джинсы, пивное брюшко, легкая стеганая куртка. Он стоит у самого поребрика, оглядываясь по сторонам.

Интересно, о чем он думает, когда идет по Невскому проспекту? Ей хочется проникнуть в его мысли. Это нетрудно, если ты превратилась в женщину, которая не отражается в зеркалах...

«Петербургцы могут гордиться. Их Nevsky определенно похорошел. Теперь он ни в чем не уступает главным европейским улицам: кафе, магазины, нарядные витрины. Трудно поверить, что каких-нибудь десять лет назад здесь все поражало ветхостью...»

Он помнит: тогда, прилетев из Европы, попал в умирающий город. Безносые кариакиды. Лепнина, осыпавшаяся с фасадов... Теперь – и в помине нет.

Глаз европейца ласкает реклама: такие же картинки развешаны в его родном городе. Во всех европейских городах. Приятно, оказавшись на Невском, обнаружить ту же самую красотку, которая маячит перед твоим домом: утром, садясь в такси, ты безучастно скользнул по ней взглядом, не подозревая, что по прошествии нескольких часов она подмигнет тебе на главной улице бывшей русской столицы... На мгновение европейцу кажется, что он понимает по-русски: всюду, и здесь, и в Европе, девицы предлагают один и тот же продукт...

Женщина, улизнувшая от своего отражения, идет по мосту, любуясь конями Клодта. Упираясь копытами, кони рвутся на свободу. Не так давно их возили на реставрацию. Она думает: «На месте коней я бы этим воспользовалась. Из мастерской дать деру проще. Нельзя упускать шанс, который дается раз в сто лет...»

У постамента собралась стайка иностранцев. Голос девушки-гида тонет в шуме машин. Иностранцы слушают невнимательно. Вряд ли их интересуют подробности: какое им дело до этих русских коней...

Женщина переходит мост, идет мимо бывшей аптеки. Теперь в ней открыт суши-бар.

<...> Европейец, чьими глазами она воспользовалась, куда-то исчез. На мгновение ее глаза становятся своими. Женщина спохватывается: «И с чего я взяла, будто он – бывалый турист? Вполне вероятно, приехал впервые».

Агентство обещало экзотический тур. Клерк, оформлявший билеты, божился, что в России все иначе. Уж он-то знает: случилось бывать по службе. Лет пятнадцать назад.

«Эти русские...» – клерк заводит глаза к небу. Не поймешь: не то ужасается, не то пребывает в восхищении. Когда-то давно, в начале девяностых, он посещал поэтический семинар. Последние студенческие го-

ды... В юности это кажется важным – приобщиться к высокому. Приблизиться к подножию Парнаса. Клерк улыбается смущенно. Поэзия – не его специальность, но вы же помните, он обращается к клиенту, тогда это было модно: все, что связано с Россией. Русский язык и литература. Ему попался прекрасный профессор – выходец из бывшего СССР. По-немецки говорил плоховато, но о русской поэзии рассказывал с подлинным энтузиазмом: Pushkin, Tsvetaeva, Brodsky – клерк перечисляет трудные имена. «О, – качает головой, – русские – великие поэты... Знают толк в литературе. У них есть чему поучиться». С этим утверждением клиент согласен: классическая русская литература – раскрученный бренд. Образованный человек должен иметь хотя бы самое общее представление. Tolstoy, Dostoevsky – к этим именам Запад привык.

«Жаль, что вы не бывали раньше. Когда Петербург назывался Ленинградом. Русские, – клерк справедлив и отдает должное, – дали миру множество новых слов: sputnik, Gulag, intelligentsia», – перечисляет первые попавшиеся.

В ее воображении эти двое разговаривают по-русски, но клиент кажется ей немцем. Возможно, ее сбивает с толку образ Штольца. Нынешняя школьная программа относится к нему с уважением: Штолец – эффективный менеджер.

«Ладно, – она думает, – пусть будет немцем». Каким-нибудь Штольцем IV, правнуком того, обломовского: за прошедший век его семья успела забыть русский. Но сам он помнит время, когда сообщениями из России пестрели первые полосы. В его памяти остались броские заголовки: «Танки на улицах Москвы», «Граничит ли Россия с Богом?», «Кто станет правопреемником СССР?»

«Россия – великая страна. Русские писатели ставили извечные вопросы: о нравственных основах жизни, совести, драме человеческой души, – клерк подбавляет жару. Путевку необходимо продать во что бы то ни стало. В кризисные времена важен каждый клиент. В начале девяностых русское направление было весьма популярным. От новой России Европа ожидала многого. Например, литературных шедевров. Казалось, еще чуть-чуть, и миру явятся новые гении. – Да, именно великая. Но чтобы это понять, вам понадобятся особые глаза. Надо смотреть внимательно, – клерк чуть-чуть понимает по-русски. Его русского языка вполне достаточно,

чтобы давать полезные советы даже потомкам обрусевших немцев, чьи предки вошли в золотой фонд классической русской литературы. – Один русский поэт, не самый великий, – на этот раз клерку не вспомнить фамилии, но клиент и не настаивает, – сказал, что эту страну нельзя измерить общеевропейским метром. Другая метрическая система. Иногда, – клерк переходит на доверительный шепот, – просто не веришь своим глазам...

Русские добры и доверчивы, – клерк страдает легким косоглазием. Порой это становится особенно заметно. – До сих пор верят рекламе. Конечно, не все, но в большинстве. Возможно, это следствие наглядной агитации, осталось с прежних времен».

Клиент изумляется: «Неужели?»

Левый глаз клерка косит все сильнее: «Да, представьте себе».

«Странно. И чем вы это объясняете?»

«Ну... – клерк на мгновение задумывается. Вопрос клиента застал его врасплох. – Возможно, коммерческая реклама кажется им продолжением коммунистической пропаганды: “Ремонт – пятилетний план народа!”, “Планы партии – это CASTORAMA!”, “Пятилетку – в четыре года? Тогда мы идем к вам!”».

«А это не передается?» – клиент колеблется. Хватит с него прадедушки. Лестно остаться в великой русской литературе, но, слава богу, хоть деду удалось сбежать. Вырваться из дивного нового мира. Сделать ноги в 1918-м. Чуть ли не с последним кораблем.

В глазах клиента мелькает ужас.

Клерк тоже напуган: кажется, он зашел слишком далеко. Он думает: «Я сошел с ума! Еще немного, и клиент откажется от тура...»

«Конечно, нет! – он уверяет со знанием дела. – Во-первых, этим заболевают только аборигены, а во-вторых, русских можно понять: раньше они не жили в обществе потребления. Строили свой коммунизм. Отмечали советские праздники, ходили на демонстрации. Теперь их главный праздник – шопинг. Крупные универмаги вынуждены это учитывать: свои фасады они украшают флагами и транспарантами...»

Женщина-невидимка чувствует усталость. По тротуарам расставлены кокетливые столики. За уличными столиками нельзя сидеть просто так. Будь она своим отражением, она могла бы себе позволить сесть, заказать чашечку кофе. Ее отражение, одетое по последней моде, предпочло бы

капучино. Говорят, его рецепт придумали монахи. Большая чашка, куполок из вспененного молока...

Она идет мимо. Ее отражение выбирает столик. Взмахом руки подзывает официанта. Нынешние официанты расторопны – не проходит и минуты, как приносят заказ. Губы ее отражения касаются молочной пенки. Монахи знали толк в кофе – у них было слишком мало радостей, чтобы пускать это дело на самотек...

А за столиком в кафе-ешке разреши поцеловать тебя в ще-ечку, я открою все-е свои фишки, болевые-ые точки...

Девушка, сидящая за соседним столиком (черный плащ, торба с агрессивным рисунком, на ногах высокие гады, темный нарочитый макияж), едва заметно морщится. Подзывает официанта, просит приглушить звук. Похоже, ее раздражает песня.

Ее спутник откладывает меню: «Пожалуйста, два капучино». Девушка-гот возвращается к прерванному разговору: «И что социологические опросы?» – «Социологические опросы, – молодой человек похож на обычного клерка: строгий костюм, начищенные ботинки, – показывают, что в стране происходят системные изменения. Необратимые... Но, конечно, не всё сразу. Из прошлого так просто не выпрыгнешь – за здорово живешь. Предстоит большая работа. Огромная». Официант приносит кофе. Девушка, одетая готом, сыплет сахар из бумажной трубочки. Запах кофе мешается с ароматом сливок...

На самом деле ничего этого нет. Она стоит у перехода, дожидаясь зеленого сигнала. Рядом с ней – девушка-гот. Женщина-невидимка оглядывает украдкой: милое личико, его не портит даже краска – брови, ресницы, иссиня-черные пряди. Ее жизнь только началась...

Женщина, выпавшая из времени, переходит Садовую у самых ленинских шуб. Так они с дочерью называют круглую витрину – памятник на постаменте – угол Садовой и Невского: фирма «Лена» рекламирует натуральные шубы. Этот памятник не похож на своих бронзовых собратьев. Со временем он идет в ногу – демонстрирует этапы большого пути: от мешковатых песцов до выстриженных дизайнерских норочек.

Женщина-невидимка отворачивается. Ей нет никакого дела до их дорогих магазинов. Там заправляют вышколенные продавщицы. Она думает: «Для них мы – лузеры. Лузеры боятся презрительных глаз...»

Вопросы

1. С какими новыми культурными реалиями, социокультурными институтами сталкивается героиня произведения Е. Чижовой в этом отрывке?
2. Как героиня относится к этим новым реалиям и практикам?
3. К какому городскому сообществу скорее всего можно отнести героиню? По каким признакам, приметам Вы это определили?
4. Как с культурологической точки зрения можно назвать процесс, описанный в отрывке, где агент туристической фирмы продает тур в Россию?

Тема 9. Множественность форм современной культуры

Вишневский Я. Одиночество в сети*

<...> С понедельника по пятницу они разговаривали обо всем. О Боге, о деньгах, о погоде в Варшаве, о том, какой крем лучше всего для смешанной кожи, об Интернете, о генах и хромосомах, о цвете ее волос, об оттенке ее голоса, о методах предупреждения беременности, о музыке, об упадке философии, о математике. О запахе ее духов вечером и утром. Обо всем. Любая тема, если он обсуждал ее с ней, становилась захватывающей. Любая что-то сообщала о ней.

Началось это у него уже в начале марта. В середине апреля он обнаружил, что уикенд – это такие два дня, в которые незачем идти на работу. А с конца апреля он скучал по ней уже по-настоящему. Случалось, что в субботу вечером он садился на мотороллер и ехал через весь Мюнхен в институт, чтобы проверить, не написала ли она ему. «Может, она что-нибудь оставила на работе и пришла в субботу забрать, а там компьютер стоит, вот она и написала», – думал он.

Однако же нет. Ничего она на работе не оставляла. И в субботние вечера в его электронном почтовом ящике не было никаких посланий от нее. Каждый раз он чувствовал себя слегка разочарованным, но ни разу ей об этом не сказал. А потом наступал понедельник. У кофе был такой замечательный вкус. Он включал компьютер. Маленькая желтая карточка сулила конец ожиданию. Он щелкал по ней, читал: «Якуб, я по тебе скучала», – и обещание исполнялось. На целых пять долгих дней. До пятницы.

Только в пятницу утром нужно было не забыть купить побольше вина по дороге на работу.

ОНА: С тех пор как она стала переговариваться с ним в сети, служебный кабинет превратился как бы в место тайных свиданий. И все ей в нем стало вдруг нравиться. Компьютер, прежде такой серый, слишком большой и слишком шумный, цветы на подоконниках, которые она забывала поливать, ее старинный письменный стол, и даже запах новых духов секретарши, чья худоба перестала быть неким укором, когда она что-нибудь

* Вишневский Я. Одиночество в сети. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/365766/read?PXTKVAak> (дата обращения: 23.03. 2019).

ела при ней, даже йогурт нулевой жирности. Секретарша вдруг прекратила быть для нее существом с фотографии из репортажа о голодающей Эритреи. Теперь она могла съесть при ней целый кулек «коровок» и ни разу не подумать о калориях.

Вдруг ей стало безразлично, что муж опять взял несколько проектов на несколько следующих месяцев и что совершенно точно до конца сентября они не поедут в отпуск в Закопане, да и вообще никуда. Примерно с конца марта главным для нее стало прочитать утром e-mail от него, до обеденного перерыва сделать как можно больше из того минимума, что от нее требовали в фирме, и сразу же потом встретиться с ним в сети.

Идеальным вариантом было разговаривать с ним до самого ухода. Но такое удавалось редко, так как обоим приходилось работать. Но иногда все-таки получалось. Однако всегда перед ее уходом с работы они встречались в Сети, чтобы попрощаться, – если только он находился у себя в кабинете в Мюнхене, а не путешествовал или не вынужден был выйти до нее.

Они разговаривали практически обо всем. Каждый будничным день обо всем, что становилось небудничным. И с каждым словом, с каждой фразой он делался ей все ближе. Она никак не могла вспомнить, чем заполняла время в этом кабинете, прежде чем отыскала его.

Не разговаривали они только о ее муже и его женщинах. Эти две темы им так и не удалось ввести в их беседы. То, что не возникала тема ее мужа, было как бы следствием неписаного уговора между ними. Когда же она заметила, что, описывая свою жизнь, он полностью умалчивает о том, что она обозначала множественным числом, она решила перейти на единственное. Поначалу она не понимала его позиции. Позже, когда они стали необходимы друг другу и их дружба, хоть они и не называли ее так, постепенно становилась чем-то, преисполненным нежности и интимности, она поняла, что так будет гораздо лучше. И для нее тоже.

А чего она так обрадовалась? Ведь почта от Якуба приходит ежедневно. Ежедневно. С тех пор, как они «подружились», он пишет ей каждый день. Без принуждения, без просьб и даже частенько без награды в виде ее ответов. И это ее так трогает. Он даже, наверное, не представляет, до какой степени трогают ее ежеутренние послания. Иногда всего два предложения, а иногда два десятка страниц. У нее уже целая папка его пи-

сем. Он называет их «листочками», дает номера, датирует и определяет по темам. Всегда дает какое-нибудь ключевое слово, например, «о задумчивости», «о генах», «о грусти», «о твоих волосах» и множество других. Это такое прелестное извращение педантичного математика. Но система отменная. Если ей, к примеру, захочется перечитать (а в последнее время ей очень часто хочется) его e-mail с ключевым словом «любовь», то найти его очень легко. Если захочет узнать, что он писал 18 июня, то тоже никаких трудностей не возникнет. Так же, как нет ничего проще узнать, о чем он думал, когда писал ей из Сан-Диего или Бостона.

И тем не менее он все чаще чувствовал, что этого ему недостаточно. Он стал замечать и в их разговорах, и в ее мейлах, что она нашла себе *modus vivendi* и научилась жить (по его мнению, уютно и удобно) между двумя мужчинами – между ним и своим мужем. Каждый из них был источником совершенно разных ощущений, но в результате, ободренная тем, что Якуб совладал с ревностью или по крайней мере не выказывает ее, она перестала скрывать, что такая ситуация ей не мешает, не тревожит, не нервирует и не приводит в отчаяние.

Он мог бы спросить ее, так ли это на самом деле. Однако не делал этого, боясь, что она подтвердит его худшие опасения. Он попал в собственную ловушку: мужская гордость в соединении с впечатлительностью становилась подобна ране на ступне, которая воспаляется от хождения. А ходить необходимо.

И все же когда она в пятницу прислала ему фотографию с приема, устроенного фирмой ее мужа, и он увидел ее в его объятиях, вся эта модель исключительности рассыпалась, как карточный домик. И он вдруг осознал, что вот этот вот, с фотографии, залезает в нее пальцем, языком и пенисом, что под ним она что-то шепчет, становится влажной и, может, даже кричит от наслаждения. И эта мысль ударила в самую рану, и он от невыносимой боли написал и отослал тот e-mail.

А когда боль прошла, его стал жечь стыд. То, что он сделал, противоречило всей его философии, которую он с таким пылом излагал ей и которую она с таким пылом и так безуспешно оспаривала. Ведь это же он сам убеждал ее, что его, например, смешит всеобщее отождествление любви с банальным и, в сущности, комическим актом, во время которого кто-то кому-то куда-то что-то засовывает, и ежели как следует задуматься, ба-

нальность этого акта просто-напросто ошеломляет. И это он, а не кто-нибудь другой неизменно убеждал ее, что куда больше любви он обнаруживает во внезапном потоке энергии между зрачками.

И после этого она будет читать слезливый мейл о еще одном самце, испытывающем из-за ревности психосоматические боли сердца и простаты?!

Он вспомнил фрагмент одного из ее последних писем, где она писала: Ты не представляешь, как много ты значишь для меня. Я многим обязана тебе, и не только своими чувствами. Благодаря тебе я стала наполненной, лучше, чувствую себя исключительной и незаурядной. Может, чуточку менее умной (все так относительно), но уж совершенно бесспорно чудесным образом отличенной. Да, я чувствую, что сейчас живу полней и куда осознанней. Я обожаю все те мысли и размышления, которыми ты одариваешь меня. Ты даже не представляешь, как они меня радуют.

Разумеется, в голове у меня по-прежнему чудовищный беспорядок, до сих пор просто не было повода, стимула, чтобы мне захотелось дисциплинировать свои мысли. И если я путаюсь, когда говорю, то только поэтому. Ты принуждаешь меня мыслить, формулировать, хотя и очень неуклюже (Не прекращай! Через несколько лет у тебя будет в моем лице партнер для бесед, какого ты никогда не имел.) свои беспорядочные мысли.

Он улыбнулся, подумав, какое важное место он занимает в ее беспорядочных мыслях.

<...> – Ты не могла бы сходить ко мне в фирму и прочитать электронную почту, пришедшую для меня? Я понимаю, что прошло уже полгода, но уверена: Якуб написал что-нибудь мне. – Она опустила голову и прошептала: – Мне хочется знать, простил ли он меня.

Она протянула Асе листок с кодом дверей и паролем ее почтового ящика.

– Я почти уверена, что код на дверях, ведущих в наши комнаты, не сменили. Иди туда попозже, когда уже никого не будет. Сходишь?

– Ты полагаешь, что это удачная мысль? – спросила Ася.

– Да. Уже несколько недель я, засыпая, только об этом и думаю. И с этой же мыслью просыпаюсь. Я хочу знать, простил ли он меня. Понимаешь? Только это.

– Перестань сейчас же плакать! Конечно, я схожу. Завтра пятница. Уложу малышку и пойду. В субботу утром позвоню тебе.

На прощание они крепко обнялись. Все было, как раньше.

– Позвони. Только не забудь. Я буду ждать.

Ася: «А что будет, если они все-таки сменили код?» – подумала она, чувствуя себя настоящим взломщиком. Она стояла перед дверью, и ей страшно хотелось сбежать. Поднеся к глазам листок, она в тусклом свете аварийной лампочки прочла код. Подошла к решетке, громко повторяя цифры. Все их набрала. Дверь открылась.

Вторая комната справа. Первый стол. Напротив окна.

Листок с паролем доступа в почтовый ящик она положила рядом с клавиатурой. Стол был совершенно пустой. Никто за ним не работал. Ася включила почтовую программу. Набрала пароль. В ящике было больше 150 непрочитанных сообщений! Почти все от Якуба. В каждом в определении темы было слово «Открытка», затем следовали порядковый номер, дата, место отсылки и в большинстве своем (в скобках) стояло какое-нибудь слово, определяющее содержание. Она принялась читать.

– Что вы делаете здесь в такое время? – спросил молодой мужчина в темно-синей униформе и с фонарем в руке.

Зачитавшись, она даже не слышала, как он вошел.

– А вы не видите? – ответила она, поднимая голову. – Плачу.

– У вас есть разрешение?

– Нет. Я плачу без разрешения. Оба одновременно рассмеялись.

– Когда будете уходить, пожалуйста, погасите всюду свет и выключите компьютер.

Ни о чем больше не спрашивая, молодой человек вышел из кабинета.

Ей до сих пор никогда не доводилось читать что-либо подобное. И, наверное, никогда больше не доведется. Разговор с женщиной, которая ушла. Бросила его. Попросила простить ее. И он простил, но забыть ее не смог. И писал ей письма. Каждый день. Так, словно она была. Ни слова сожаления. Никаких претензий. Вопросы без ответов. Ответы на вопросы, которые она не задавала, но он сделал это за нее. Мейлы, посланные с компьютеров во Вроцлаве, Нью-Йорке, Бостоне, Лондоне, Дублине. Но чаще всего из Мюнхена.

Письма женщине, которая их не читает. Полные нежности и заботы. Захватывающие истории, рассказанные человеку, который важнее всех на свете. Ни претензий, ни жалоб. Лишь иногда что-нибудь наподобие завуалированной просьбы или, верней, мольбы. Как в том письме из Вроцлава, отправленном накануне Рождества с компьютера его брата: Запаковал подарок для тебя. Положу его вместе с другими под елку. Так страшно хочется, чтобы ты смогла его развернуть, а я – видеть, как ты радуешься ему.

Последнее послание шло под номером 294. Оно было отправлено 30 января с компьютера в Мюнхене. И было оно, как крик о помощи. Якуб писал:

Почему все покидают меня? Почему?

Найди меня.

Как нашла год назад.

Прошу тебя, найди меня. Спаси!

Она оставила на экране открытым этот последний e-mail. Сидела, опершись локтями на стол, и всматривалась в эти несколько строк. Думала, кого ей больше жаль. Она встала. На соседнем столе нашла дискету. Проверила, пустая ли она. Скопировала на нее все письма от него, а оригиналы стерла из памяти компьютера.

Было уже очень поздно. Она заказала по телефону такси. Закрывает дверь и в лифте спустилась вниз. Такси подъехало буквально через минуту. По радио Гепперт пела «Ландринки». Таксист позволил зажечь свет. Она смыла черные пятна от слез и поправила косметику.

Глядя подушечками пальцев дискету в сумке, она подумала, что если бы не было так поздно и если бы она не боялась темноты, то обязательно поехала бы в парк к «ее дереву».

Завтра утром она, как и обещала, позвонит. Скажет, что Якуб простил. Так будет лучше всего. И к тому же это правда. Но правда – очень общее понятие.

Вопросы:

1. Это отрывок из романа. О чем этот роман, какова его тема?
2. Могла ли история - подобная этой - «роман в письмах» - произойти в обществе с традиционной культурой. Чем бы эти истории различались?
3. Как изменились культурные практики людей в связи с виртуализацией, развитием сетей?
4. Как изменились чувства, эмоции людей в связи с виртуализацией, развитием сетей?

Познански У. Эреб*

<...> Ник даже не посмотрел ей вслед. Все его внимание было приковано к таинственному предмету, лежавшему в руке, который оказался DVD-диском в футляре без надписей. Одолеваемый любопытством, Ник достал диск.

Сюда, вниз, свет почти не попадал, и он поднес диск к окну, чтобы лучше рассмотреть, что Бринна написала на нем своим игривым почерком.

Одно-единственное слово, совершенно незнакомое Нику.

ЭРЕБ.

Школьный день тянулся мучительно долго. Ник едва мог сосредоточиться, его внимание снова и снова обращалось к невзрачному предмету, спрятанному в куртке. Тот чувствовался даже сквозь три слоя ткани. Тяжесть. Острые края.

Когда Ник вернулся домой, квартира была пустой и очень холодной. Должно быть, матушка опять умчалась, оставив окно открытым. Он не стал снимать куртку, плотно закрыл все двери и окна и включил обогреватель в своей комнате на полную мощность. Затем выудил из сумки диск и вытащил его из футляра.

ЭРЕБ.

Ник поморщился. Странное слово вызывало у него стойкие ассоциации со словом «Эрос». А если на диске порнография по полной программе?

Он включил компьютер; пока тот запускался, принес из комнаты шерстяное одеяло и накинул его на плечи. Впереди по меньшей мере четыре спокойных часа, никто не будет мешать. Скорее по привычке, но, впрочем, и для того, чтобы попусту не отвлекаться, Ник сразу же отключил почту (три рекламы, четыре рассылки и раздраженное послание от Беттани, который грозил применить самые ужасные наказания ко всем, кто еще раз пропустит тренировку).

* Познански У. Эреб. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/312169?FFub6hk3> (дата обращения: 23.03. 2019).

В первый момент Ник не понял, почему он так расстроился. Вероятно, потому, что в воображении уже представлял, как через две недели они с Финном пойдут на концерт, оба в футболках НФО с зеленовато-голубой, словно обледеневшей, головой дьявола на груди, как вместе будут орать «Down the Line».

Его внутренний голос советовал сначала заняться сочинением по английскому, прежде чем погружаться в Эреб. Но у голоса не было никаких шансов: любопытство Ника оказалось слишком велико. Не фильм, не музыка. Игра.

Фон у этого окна оказался на редкость мрачным. На заднем плане среди выжженного пейзажа виднелась рушащаяся башня. Прямо перед ней в голую землю был воткнут меч с привязанным к рукоятке красным платком. Этот платок развевался на ветру как последнее напоминание о жизни в теперь уже мертвом мире. А сверху, вся залитая кроваво-алым, изгибалась надпись.

ЭРЕБ

У Ника засосало под ложечкой. Он прибавил громкость, но никакой музыки не было, только глухие раскаты, как при приближении бури.

Ник подвел курсор к кнопке *Установить*. Его охватило смутное ощущение, будто он что-то позабыл... ну конечно, сканировать диск на вирусы. Он проверил файлы в двух разных программах и облегченно вздохнул, когда оба раза никакой угрозы не обнаружилось. Ну, поехали.

Синяя полоска, указывавшая, что установка игры идет, ползла мучительно медленно. Крохотными, ничтожными рывками. Несколько раз, когда долго ничего не менялось, ему начинало казаться, что компьютер завис. Он пробовал водить мышкой - курсор все-таки двигался, правда, тоже рывками и еле-еле.

Ник нетерпеливо крутанулся на стуле. Двадцать пять процентов. Да быть не может! С тем же успехом можно сходить на кухню и взять что-нибудь попить.

Когда через несколько минут он вернулся, полоска доползла до тридцати одного процента. Чертыхаясь, он плюхнулся на стул и принялся тереть глаза. Что за дрянь!

Все сто процентов установились чуть ли не час спустя. Ник уже ликовал в душе, как вдруг экран стал черным. И остался черным. Ничего не помогало: ни постукивание по корпусу, ни разные комбинации клавиш, ни приступы ярости. Дисплей ничего не показывал - лишь крошечную тьму.

Ник уже готов был сдаться и нажать кнопку Reset, но тут кое-что произошло. Из темноты проступили красные буквы, сложились в слова; они пульсировали, будто незримое сердце питало их кровью, вдыхало в них жизнь.

Войди.

Или поверни обратно.

Это Эреб.

Ну наконец-то! Охваченный волнующим предвкушением, он выбрал «Войди».

Дисплей снова стал черным, и Ник откинулся на спинку стула. Оставалось надеяться, что игра такой тягостной не окажется. Дело тут не в компьютере - он ничем не уступал самым последним моделям, процессор и видеокарта превосходные, и во всем, что касалось игр, проблем никогда не возникало.

Постепенно экран осветился, открывая взору очень реалистично выглядящую лесную чащу; в небе над ней висела луна. Посреди чащи сидел на корточках какой-то человек в разорванной рубашке и изношенных брюках. Без оружия, с одной только палкой в руке. По-видимому, это и был виртуальный персонаж Ника.

Из любопытства Ник кликнул мышкой справа от него, и человек вскочил и перешел точно на указанное место. О'кей, с управлением любой дурак сладит, да и с остальным Ник быстренько разберется. В конце концов, это не первая его игра.

Что ж, вперед. Только куда? Никакого пути или подсказок не было. Может, существует какая-то карта? Ник безуспешно пытался вызвать игровое меню или что-нибудь подобное. Никаких намеков на цели игры, на то, что нужно отыскать или получить; других персонажей тоже не видно. Лишь красная полоска - знак того, что герой жив, и под ней голубая - она, видимо, указывала запас его сил. Ник попробовал нажимать различные комбинации клавиш, которые действовали в других играх, но ничего не помогало.

Вероятно, в игре куча ошибок, допущенных при программировании, уныло подумал он, но на всякий случай щелкнул мышкой прямо по убогому персонажу. Над головой человека появилась надпись «Безымянный».

- Ну хоть что-то, - пробормотал Ник. - Итак, таинственный Безымянный.

Для начала он попытался заставить этого оборванца пробежать немного вперед, потом двинуться налево, а затем направо. Похоже, тут можно плутать сколько угодно, а спросить не у кого.

- «Это безумно круто, честное слово», - передразнил он Бринну. С другой стороны... Колин тоже, кажется, был увлечен игрой. А он не дурак.

Тогда Ник решил: пусть его персонаж все время бежит вперед. Он и сам сделал бы то же самое, если бы заблудился. Надо двигаться в одном направлении. Как-нибудь он пробьется, любой лес рано или поздно кончается.

Он сосредоточил внимание на Безымянном, который ловко огибал деревья, палкой - своеобразным посохом - отводя в сторону мешавшие ему ветки. Каждый его шаг был отчетливо слышен: трещал подлесок, шуршали увядшие листья. Когда Безымянный карабкался на скалу, с ее склона срывались и катились вниз камешки.

Позади скалы почва была топкой, Безымянный уже не мог так быстро идти вперед, поскольку то и дело увязал по щиколотки. Ник был поражен. Все выглядело чрезвычайно реалистично, не обошлось даже без чавкающих звуков, которые раздавались, когда его герой двигался по болоту.

Безымянный продолжал поход, уже начиная немного задыхаться. Голубая полоска стала на треть короче. Когда появилась следующая скала, Ник позволил своему персонажу немного передохнуть. Тот уперся ладонями в бедра и свесил голову - очевидно, пытаясь отдышаться.

Где-то здесь должна быть речка, Ник слышал, как струилась вода. По его команде человек двинулся вправо, где и впрямь обнаружился небольшой ручей. Все еще тяжело дыша, Безымянный остановился над ним.

- Ну подойди же, попей, - сказал Ник. Он нажал на клавишу курсора со стрелкой «вниз» и с восхищением увидел, как Безымянный и впрямь наклонился, ладонями зачерпнул воду из ручья и выпил.

Теперь дело пошло быстрее. Почва стала не такой топкой, как раньше, да и деревья уже не стояли стеной на его пути. Однако никаких ориентиров по-прежнему не появлялось, и Ник понемногу начал опасаться, что выбранная им тактика - двигаться всегда по прямой - была ошибочной. Если бы он лучше осмотрелся, если бы нашлась карта или...

Осмотреться! Ник скорчил гримасу. Точно, надо посмотреть, что там. Что, если его виртуальный персонаж умеет не только наклоняться, но и лазить по деревьям? Ник выбрал громадное дерево, ветви которого свисали до самой земли, подвел к нему своего героя и нажал на клавишу, указывающую движение вверх.

Безымянный аккуратно прислонил посох к стволу и полез по ветвям. Он останавливался, как только Ник отпускал клавишу, и карабкался дальше, стоило снова ее нажать. Ник заставил его подняться на самую верхушку, туда, где крона стала совсем редкой и человек едва мог держаться, чтобы не соскользнуть вниз. Когда он расположился поудобнее, Ник рискнул и позволил ему осмотреть окрестности. Перед ним открылась фантастическая картина.

Высоко на небосводе стояла полная луна, разливая свет на бесконечное серебристо-зеленое море деревьев. Слева виднелись отроги горной цепи, справа до самого горизонта - равнина; впереди расстилалась холмистая местность. То тут, то там, как крохотные яркие стежки на темной ткани, угадывались селения.

Вот так-то, ликовал Ник. Путь вперед - самый верный.

Он уже занес палец над клавишей «вниз», как вдруг заметил среди деревьев, совсем рядом, желтый огонек. Тот словно манил к себе. Если пойти немного левее, то через несколько минут будет видно, что же там светится. Может быть, это дом? Охваченный нетерпением, Ник вернул Безымянного на землю, где его персонаж взял посох и двинулся вперед. Закусив губу, Ник надеялся, что задал верное направление.

Вскоре ему стало казаться, что среди деревьев уже пробиваются первые робкие проблески света. И практически в тот же момент Безымянный натолкнулся на препятствие - расщелину в земле, гораздо более широкую, чем сам мог перепрыгнуть. Вот же засада! Он повертел головой - направо, налево: расщелина уходила куда-то вдаль, теряясь во тьме среди деревьев. Если бы пришлось ее обходить, он потерял бы уйму времени и вдобавок мог бы сбиться с пути.

Поваленное дерево Ник обнаружил только после того, как уже несколько минут просидел, мысленно чертыхаясь. Еще бы сдвинуть его да точненько положить...

Залогом успеха оказалась клавиша пробела. Виртуальный двойник поднатужился, потянул и перетащил ствол в заданном курсором направлении. Когда дерево легло поперек расщелины, Безымянный тяжело вздохнул, и красная полоска, отмерявшая срок его жизни, стала чуть-чуть короче.

Со всей осторожностью Ник заставил его, балансируя, пройти по стволу, который оказался очень ненадежным мостом, поскольку на пятом шаге немного перекатился вправо, и Нику едва удалось уберечь своего героя, вынудив того совершить отчаянный прыжок.

Теперь свет виднелся отчетливее, чем прежде, мерцал среди деревьев. Вот наконец впереди показалась узенькая просека. Посреди нее пылал костер, а возле огня, оцепенело уставясь в него, сидел какой-то человек. Ник отпустил кнопку мыши, и Безымянный тотчас замер.

Человек у костра не шевелился. У него, похоже, не было никакого оружия, но это ровным счетом ничего не значило. Он мог оказаться волшебником; об этом свидетельствовала длинная черная мантия, в которую он был облачен. Интересно, если щелкнуть по нему мышкой, можно узнать что-нибудь более определенное?

Но стоило его курсору приблизиться к незнакомцу, как тот поднял голову, открыв узкое лицо с очень маленьким ртом. В ту же секунду у нижнего края экрана замаячило диалоговое окно.

«Приветствую тебя, Безымянный». Серо-серебристые буквы отчетливо выделялись на черном фоне. «Ты быстро пришел».

Ник подвел своего персонажа почти вплотную к огню, но незнакомец словно и не заметил этого, все так же неторопливо сгребая длинной вет-

кой горевшие в костре сучья. Ник был разочарован; в кои-то веки встретил хоть кого-то в этом заброшенном лесу, а тот ограничился сухим приветствием.

Лишь заметив в окошке мигающий на следующей строке курсор, он понял, что от него ожидают ответ.

«Приветствую и тебя», - набрал он.

Человек в черной мантии кивнул.

«Залезть на дерево - отлично придумано. Не многие безымянные странники были так находчивы. Эреб возлагает на тебя особые надежды».

«Спасибо», - ответил Ник.

«Думаю, ты хочешь идти дальше?» - маленький рот незнакомца скривился в странной нетерпеливой улыбке.

Ник хотел напечатать «Верно», но собеседник еще не закончил фразу:

«Ты сможешь помериться с Эребом силой, только если свяжешь себя с ним. Тебе это должно быть известно».

«Я в курсе», - ответил Ник.

Человек опустил голову, разворошил палкой сучья, пылавшие в костре. Взметнулись искры. *Совсем как настоящие. Страшно настоящие.*

Ник ждал, но незнакомец не выказывал никаких намерений продолжать разговор. Видимо, весь заготовленный текст он уже произнес.

Сгорая от любопытства, Ник решил поэкспериментировать и набрал в текстовом поле «р#434<3ххq0jolk<fi0e8r». Похоже, его «слова» развеселили виртуального собеседника: он быстро поднял голову и улыбнулся Нику.

Он же смотрит мне прямо в глаза, подумал Ник, с трудом подавляя раздражение. Он всматривается так, словно может разглядеть меня через экран.

Наконец человек в черной мантии снова отвернулся к костру.

Только сейчас Ник услышал доносящуюся откуда-то тихую музыку: изысканная, проникновенная мелодия как-то по-особому взволновала его.

«Кто ты?» - набрал он в текстовом поле.

Разумеется, никакого ответа не последовало. Незнакомец лишь склонил голову набок, словно о чем-то задумавшись. Однако через несколько секунд, к изумлению Ника, в окошке появились слова:

«Я - Мертвец».

Он снова вперился в Ника, словно хотел проверить, какое произвел впечатление.

«Всего лишь Мертвец. Ты, наоборот, живой. Безымянный, правда, но долго это не продлится. Скоро ты выберешь имя, занятие и совершенно новую жизнь».

Пальцы Ника соскользнули с клавиатуры. Странно было слышать такое, но совсем не страшно. Похоже, в этой игре на любой вопрос следовал вполне разумный ответ.

Может быть, это просто случайность.

«Мертвые обычно не разговаривают».

Он напечатал фразу и откинулся на спинку стула. Вряд ли это можно расценить как вопрос, скорее как возражение. Похоже, человек, сидевший у костра, не запрограммирован подбирать подходящие к его словам ответы. Или запрограммирован?

«Ты не прав. Это во власти Эреба».

Незнакомец подержал ветку в огне, а затем достал ее, пылавшую как факел.

Немного встревоженный, хоть и не желая отдавать себе в этом отчета, Ник принялся проверять, действительно ли, компьютер работает в автономном режиме или кто-то решил устроить непонятный розыгрыш. Да нет, к интернету он точно не подключен. Ветка в руках Мертвеца еще пылала, и отблески света плясали в его глазах.

Следующую фразу пальцы Ника набрали будто бы сами собой:

«Каково это - быть мертвым?»

Человек у костра коротко, язвительно усмехнулся:

«Ты - первый Безымянный, который меня об этом спрашивает!»

Небрежным движением он отправил остаток ветки в огонь.

«Очень одиноко. Словно живешь среди призраков. Вряд ли кто-то может описать точно». Мертвец провел рукой по лбу. «Если бы я спросил тебя: каково это - быть живым? Что бы ты мне ответил? Каждый живет сам по себе. И у каждого своя смерть».

Словно стремясь подчеркнуть сказанное, он натянул капюшон мантии на голову. Тень легла на его глаза и нос, только маленький рот все еще оставался виден.

«И ты, без сомнения, однажды это узнаешь».

Без сомнения. Ник вытер вспотевшие руки о штаны. Разговор переставал ему нравиться.

«Куда мне идти дальше?» - отстучал он еще одну фразу и улыбнулся, словно давая понять, что рассчитывает на разумный ответ.

«Ты все же хочешь идти дальше? Послушайся моего предупреждения: лучше не делай этого».

«Я хочу».

«Ну, тогда поверни налево и беги вдоль ручья, пока не доберешься до ущелья. Пересеки его. Потом... Впрочем, сам увидишь».

Мертвец посильнее закутался в мантию, словно борясь с холодом.

«И следи за Вестником с желтыми глазами».

4.

Вдоль ручья - его гортанное журчание все время доносилось слева, - вперед, трусцой, не слишком напрягавшей тело. Выносливость, как уже догадался Ник, точно не являлась сильной стороной его безымянного двойника. Взобравшись даже на небольшой холмик, он уже уставал и был вынужден то и дело останавливаться, отдыхая до тех пор, пока полоска в правом нижнем углу экрана вновь не оказывалась полностью голубой. Дальше, дальше, карабкаясь по камням, перепрыгивая через препятствия, высматривая ущелье. И нигде не видно Вестника с желтыми глазами.

Вершины холмов, обступивших ручей с обеих сторон, постепенно возносились все выше и выше, их склоны становились все круче. Темная лесная почва сменилась каменистым грунтом, и на пути у Безымянного то и дело возникали галечные осыпи, преодолевать которые было все труднее; несколько раз он падал. Когда же холмы справа и слева стали вдвое выше виртуального двойника, Ник понял, что это и есть ущелье.

А еще он заметил, что уже не один. В густом сухом кустарнике у дороги слышалось какое-то шуршание, что-то там двигалось, а потом - словно по беззвучной команде - из кустов стали выпрыгивать маленькие, похожие на жаб существа. Кроме перепонки, на лапках у них были еще и когти, ими эти создания пытались вцепиться в Безымянного. Ник пережил несколько ужасных секунд, пока не вспомнил о палке, которую его герой сжимал в руках, и не пустил ее в ход.

Две жабы обратились в бегство, еще одна свалилась на землю, сраженная метким ударом.

- Есть, - пробормотал Ник.

Но последняя жаба повисла на левой ноге Безымянного, и пятно крови под ее когтями становилось все больше. Ник встревоженно заметил, что красная полоска, отмерявшая срок жизни его двойника, уже едва переваливала за половину. Он нажал на пробел, заставив того подпрыгнуть, но когтистую тварь это не спугнуло.

Лишь клавиша Escape принесла желанный успех. Безымянный резко повернулся, стряхнул с себя это жабье отродье и по команде Ника пришиб его посохом.

Между тем большая часть жизни, отпущенной ему, уже была растрочена. Ник удостоверился, что поблизости нет других врагов, и подвел курсор к тельцу жабы. Всплыла справка: «4 единицы мяса».

- Хотя бы так, - пробурчал он, поднял измученного двойника и заставил его собрать тушки этих созданий, прежде чем продолжить путь по ущелью. Теперь он держался начеку, готовый заехать посохом по любой неожиданно выпрыгнувшей когтистой жабе. Однако новых противников не появлялось. Зато где-то вдалеке раздался шум; странные звуки, повторяясь снова и снова, отражались от стен ущелья. Топот копыт.

Он приказал двойнику, чтобы тот шел помедленнее и, соблюдая крайнюю осторожность, прокрался за ближайший поворот, за которым, впрочем, не оказалось ничего, кроме все тех же отвесных скал и вездесущего галечника.

Несколько мгновений спустя топот смолк. Ник велел Безымянному пробираться вдоль скалы, прижимаясь к ней вплотную, чтобы миновать заросли высокого, в рост человека, колючего кустарника, и двигаться дальше, туда, где выростала новая отвесная скала. Прямо над ущельем, довольно высоко над головой двойника, там нависал массивный каменный выступ, а позади него виднелся узкий вход в пещеру.

Перед пещерой, верхом на громадном коне, облаченном в доспехи, восседал странный худой человек в сером плаще. Жестом он подозвал к себе обоих: и Ника, и Безымянного. Ник заметил и лысый заостренный череп, и необычайно длинные, костистые пальцы всадника, но тут его внимание привлекли бледно-желтые глаза.

«Ты весьма ловко справился».

«Спасибо».

«Но жизненной силы у тебя осталось не так уж много».

«Я знаю».

«В будущем тебе надо за этим следить».

Деловая манера говорить, присущая Вестнику, причудливо контрастировала с его жутким видом.

«Пришло время тебе получить имя, - продолжал тот. - Время первого обряда».

Неторопливым движением он указал на пещеру за своей спиной:

«Желаю тебе счастья. Пусть решения, которые ты принимаешь, окажутся правильными. Мы еще увидимся».

Он повернул лошадь и умчался прочь.

Ник подождал, пока топот копыт не смолк, и лишь тогда подвел своего двойника к отвесной скале. Высеченная в камне крутая лестница вела вверх, на выступ. «Время первого обряда». Почему у него снова вспотели руки? Он кликнул мышкой на тьму, окутавшую вход в пещеру. Безымянный прошагал в проем и исчез. В следующее мгновение экран монитора стал непроницаемо черным.

Мрак. Тишина. Ник ерзал на стуле. Почему это длится так долго? Из любопытства он немного постучал по клавиатуре, но так ничегошеньки и не изменилось.

- Ну давай же, - воскликнул он и ударил по корпусу компьютера. - Не зависать!

Тьма не рассеивалась, и нервозность Ника нарастала. Можно достать DVD из дисковода и вставить заново или нажать клавишу Reset, но это рискованно. А вдруг придется все начинать сначала? Или игра вообще больше никогда не запустится?

Внезапно откуда-то донесся звук. Тук-тук! Он напоминал биение сердца. Ник открыл верхний ящик письменного стола, вытащил наушники и подключил их к компьютеру. Теперь он слышал все гораздо отчетливее и, кроме странного стука, подумалось Нику, различал что-то еще. Звуки рогов, которые трубили какие-то короткие сигналы. Наверное, охотничьи - уж очень призывно они звучали. Такое ощущение, что где-то там, в глубине, игра идет полным ходом, но без него.

Ник прибавил громкость, досадуя, что не догадался раньше взять наушники. Может быть, он упустил что-то важное, какие-нибудь предо-

стережения, указания! Может, прослушал ценный совет, как продолжить игру!

Скорее из нетерпения, чем в надежде ускорить ход событий, Ник забарабанил по клавише Enter.

Стук вдруг стих, и на черном фоне экрана проступили красные буквы: «Это Эреб. Кто ты?»

Ник раздумывал недолго. Он выбрал то же имя, которое уже использовал в других компьютерных играх:

«Я - Гаргул».

«Назови свое имя».

«Гаргул!»

«Твое настоящее имя».

Ник насторожился. Для чего это? Хорошо, он сообщит имя и фамилию, лишь бы игра продолжилась.

«Саймон Уайт».

Слова повисли посреди экрана, красные на черном, и пару секунд ничего не происходило, лишь мигал курсор.

«Я сказал: твое настоящее имя».

Ник недоверчиво уставился на экран. Сейчас он сильнее, чем когда-либо, чувствовал, что кто-то в него внимательно, испытующе всматривается. Ладно, глубокий вздох и еще одна попытка.

«Томас Мартинсон».

Вновь на дисплее несколько секунд мигали буквы, пока игра наконец не ответила:

«Томас Мартинсон - ложь. Если ты собираешься играть, назови настоящее имя».

Надпись исчезла, остался лишь мерцающий красным цветом курсор. Никакого разумного объяснения этому не было. Возможно, все дело в ошибке программного кода, и Эреб вообще не может принять ничье имя. Ник вдруг ужаснулся, вообразив, что игра может закрыться или будет заблокирована при очередном неправильном ответе, как это случается, если трижды ввести неверный PIN-код в мобильном телефоне.

«Ник Данмор», - набрал он, втайне ожидая, что имя снова будет отвергнуто.

Но в ответ услышал шепот:

- Ник Данмор. Ник Данмор. Ник. Данмор.

Вновь и вновь эти слова, как пароль, передавались от одного шептавшего их существа к другому - приветствие незримого сообщества.

Его опять царапнуло ощущение, что за ним кто-то наблюдает, и Ник даже дотронулся до наушников, чтобы снять их. Однако надпись уже исчезла, так же, как и голоса, а вместо них зазвучала манящая мелодия, словно обещающая нечто увлекательное и таинственное.

«Добро пожаловать, Ник. Добро пожаловать в мир Эреба. Прежде чем ты начнешь, ознакомься с правилами. Если они тебе не устраивают, ты можешь в любое время прервать игру, хорошо?»

Ник уставился на экран монитора. Игра уже уличила его во лжи. Игра знала, как звучит его настоящее имя. Теперь, казалось, она с нетерпением ждет ответа - курсор мигал все быстрее и быстрее.

«Хорошо», - торопливо набрал Ник: какое-то неопределенное предчувствие подсказывало ему, что, если слишком медлить с ответом, все снова скроется во мраке. Позже, он подумает об этом позже.

«Прекрасно. Первое правило: у тебя есть только один шанс сыграть. Если упустишь его, ты распрощаешься с Эребом. Если твой герой умрет, ты распрощаешься с Эребом. Если ты нарушишь правила, ты распрощаешься с Эребом. Идет?»

«Идет».

«Второе правило: когда играешь, следи, чтобы никого не было рядом с тобой. Никогда не упоминай в игре своего настоящего имени. Никогда не упоминай где-либо имени своего виртуального двойника».

Как это так? Но Ник тут же вспомнил, что даже Бринна, которая никогда не отличалась умением держать язык за зубами, ничего об Эребе не сказала. Все, что он услышал, - «это безумно круто, честное слово».

«Ладно».

«Отлично. Третье правило: содержание игры хранится в секрете. Ни с кем о ней не разговаривай, особенно с теми, кто не зарегистрирован. Во время игры можно обмениваться мнениями с другими игроками, сидя у костра. Но не распространяй никаких сведений об Эребе ни в кругу своих друзей, ни среди семьи. Интернета это тоже касается».

Как будто ты об этом знаешь.

«О'кей».

«Четвертое правило: надежно храни DVD с игрой. Диск нужен тебе, чтобы запустить Эреб. Ни в коем случае не копируй его, если только Вестник этого не потребует».

«Хорошо»...

Вопросы

1. Каких мифологических персонажей, какие архетипы напоминают Вам перечисленные герои: Безымянный, Мертвец, Вестник, страна Эреб.

2. Какие черты современной массовой культуры проявились в этом отрывке?

3. Какие основные проблемы молодых людей в современном мире продемонстрированы в тексте?

4. Попробуйте написать продолжение этой истории. Что случится с героем?

5. Борис Гройс считает, что у «... интернета нет центра. Он как бог, согласно классическому средневековому определению, – его центр отсутствует, а границы везде». Как Вы понимаете это высказывание?

Тема 10. Экономическая форма современной культуры

Шмелев И. С. Лето господне*

Глава «Именины. Преддверие»

Осень - самая у нас именинная пора: на Ивана Богослова - мои, на мучеников Сергия и Вакха, 7 октября, - отца.

Рабочие сидят в мастерской, надумывают, чего поднести хозяину. По случаю именин, Василь-Василич уж воротился из деревни, Покров справил. Сидит с нами. Тут и другой Василь-Василич, скорняк, который все священные книги прочитал, и у него хорошие мысли в голове, и Домна Панферовна, - из бань прислали пообдумать, обстоятельная она, умный совет подаст. Горкин и Ондрейку кликнул, который по художеству умеет, святого голубка-то на сень приделал из лучиков, когда Царицу Небесную принимали, святили на лето двор. Ну, и меня позвал, только велел таиться, ни слова никому, папашенька чтобы не узнал до времени. Скорняк икону советовал, а икону уж подносили. Домна Панферовна про Четьи-Минеи помянула, а Четьи-Минеи от прабабушки остались. Василь-Василич при-советовал такую флягу-бутылочку из серебра, - часто, мол, хозяин по делам верхом отлучается в леса-рощи, - для дорожки-то хорошо. Горкин на смех его - «кто-что, а ты все свое... «на дорожку»!» Да отец и в рот не берет по этой части. Горкин лоб потирал, а не мог ничего придумать. И я не мог. Придумал - золотое бы портмоне, а сказать побоялся, стыдно, Ондрейка тут всех и подивил:

- А я, говорит, знаю, чего надо... Вся улица подивится, как понесем, все хозяева позавиствуют, какая слава! Надо, говорит, огромный крендель заказать, чтобы невидано никогда такого, и понесем все на головах, на щите, парадно. Угольком на белой стенке и выписал огромный крендель, и с миндалями. Все и возвеселились, как хорошо придумал-то. Василь-Василич аршинчиком прикинул: под два пуда, пожалуй, говорит, будет. А он горячий, весь так и возгорелся: сам поедет к Филиппову, на Пятницкую, старик-то Филиппов всегда ходит в наши бани, уважительно его парят банщики, не откажет, для славы сделает... - хоть и печь, может,

* Шмелев И. С. Лето господне. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/371156/read?eK7A3zvJ> (дата обращения: 23.03.2019).

разобрать придется, а то и не влезет крендель, таких никогда еще не выпекали. Горкин так и решил, чтобы крендель, будто хлеб-соль подносим. И чтобы ни словечка никому: вот папашеньке по душе-то будет, диковинки он любит, и гости подивятся, какое уважение ему, и слава такая на виду, всем в пример.

Так и порешили - крендель. Только Домна Панферовна что-то недовольна стала, не по ее все вышло. Ну, она все-таки женщина почтенная, богомольная, Горкин ее совета попросил, может, придумает чего для кренделя. Обошлась она, придумала: сахаром полить - написать на кренделе: «на День Ангела - хозяину благому», и еще имя-отчество и фамилию прописать.

А это скорняк придумал - «благому»-то, священным словом украсить крендель, для торжества: священное торжество, ангельское. И все весёлые стали, как хорошо придумали. Никогда не видано - по улице понесут, в дар! Все лавочники и хозяева поглядят, как людей-то хороших уважают.

А уж и поздравители стали притекать, все беднота-простота, какие у нас работали, а теперь «месячное» им идет. Это отец им дает, только ни одна душа не знает, мы только с Горкиным. Это Христос так велел, чтобы правая рука не знала, чего дает. Человек двадцать уж набралось...

Отец и не ожидает, какое ему торжество-празднование завтра будет. Горкин щит две ночи мастерил, в украдку. Ондрейка тонкую резьбу вывел, как кружево. Увезли щит-поднос в бани, когда стемнело. Завтра, ранним-рано поутру, после ранней обедни, все выборные пойдут к Филиппову. Погода бы только задалась, кренделя не попортила... - ну, в случае дождя, прикроем. Понесут на головах, по Пятницкой, по Ордынке, по Житной, а на Калужском рынке завернут к Казанской, батюшка выйдет - благословит молитвой и покропит. Все лавочники выбегут, - чего такое несут, кому? А вот, скажут, - «хозяину благому», на именины крендель! И позабывают. А вот заслужи, скажут, как наш хозяин, и тебе, может, поднесут... это от души дар такой придуман, никого силой не заставишь на такое.

Глава «Именины. Празднование»

Хоть и День Ангела, а отец сам засветил все лампадки, напевая мое любимое - «Кресту-у Тво-е-му-у..» - слышал еще вприсонках, до песенки. И скворца с соловьями выкупал, как всегда, и все клетки почистил, и корму задал нашим любимым птичкам. Осень глухая стала, а канарейки в столовой так вот и заливаются, - пожалуй, знают, что именины хозяина. Все может чувствовать Божья тварь, Горкин говорит.

В новом, золотисто-коричневом, костюмчике, со шнурочками и золотистыми стеклянными пуговками, я вбегаю в столовую и поздравляю отца со Днем Ангела. Он вкушает румяную просвирку и запивает сладкой-душистой «теплотцою» - кагорчиком с кипятком: сегодня он причащался. Он весь душистый, новый какой-то даже: в голубом бархатном жилете с розанами, в белоснежной крахмальной рубашке, без пиджака, и опрыскан-ся новым флердоранжем, - радостно пахнет праздничным от него.

И вдруг, закричали с улицы - «парадное отворяй, несут!..». А это крендель несут...

Глядим в окошко, а на улице на-роду!!! - столько народу, из лавок и со дворов бегут, будто икону принимаем, а огромный румяный крендель будто плывет над всеми. Такой чудесный, невиданный, вкусный-вкусный, издали даже вкусный.

- И что такое они придумали, чудачье!.. - вскрикивает отец и бежит на парадное крыльцо.

Мы глядим из сеней в окошко, как крендель вносят в ворота и останавливаются перед парадным. Нам сверху видно сахарные слова на подрумянке:

«ХОЗЯИНУ БЛАГОМУ»

А на вощенной дощечке сияет золотцем - «...на день А н г е л а».

Отец обнимает Горкина, Василь-Василича, всех... и утирает глаза платочком. И Горкин, вижу я, утирает, и Василь-Василич, и мне самому хочется от радости заплакать.

Крендель вносят по лестнице в большую залу и приставляют полого на рояле, к стенке. Глядим - и не можем наглядеться, - такая-то красота румяная! и по всем комнатам разливается сдобный, сладко-миндальный дух. Отец всплескивает руками и все говорит:

- Вот это дак уважили... ах, ребята... уважили!..

Целуется со всеми молодцами, будто христосуются. Все праздничные, в новеньких синих чуйках, в начищенных сапогах, головы умаслены до блеска. Отец подталкивает молодцов к закускам, а они что-то упираются - стыдятся словно. «Горка» уже уставлена, и такое на ней богатство, всего и не перечесть: глаза разбегаются смотреть. И всякие колбасы, и сыры разные, и паюсная, и зернистая икра, сардины, кильки, копченые, рыбы всякие, и семга красная, и лососинка розовая, и белорыбица, и королевские жирные селедки в узеньких разноцветных «лодочках», посыпанные лучком зеленым, с пучком петрушечьей зелени во рту; и сиг аршинный, сливочно-розоватый, с коричневыми полосками, с отблесками жирка... Все диву, прямо, даются, - как же парадно принимают! - царское, прямо, угощение.

Отец не уходит из передней, принимает народ. Из кухни поднимаются по крутой лестнице рабочие и служащие наши, и «всякие народы», старенькие, убогие, подносят копеечные просвирки-храмики, обернутые в чистую бумажку, желают здоровьица и благоденствия.

В детской накрывают официанты стол с мисками, для людей попроще. Звонки за звонками на парадном. Приехали важные монахи из Донского монастыря: настоятель и казначей, большую просфору привезли, в писчей, за печатями, бумаге, - «здравную». Им подают в зале расстегаи и заливную осетрину, наливают в стаканчики мадерцы, - «для затравки».

От Страстного монастыря, от Зачатьевского, от Вознесенского из Кремля - матушки-казначейши привезли шитые подзоры под иконы, разные коврики, шитые бисером подушечки. Их угощает матушка кофеем и слоеными пирожками с белужинкой. Прибывают и с Афонского подворья, - отец всегда посылает на Афон страховые пакеты с деньгами, - поют величание мученику Сергию, закусывают и колбаской, и ветчинкой: по ихнему уставу и мясное разрешается вкушать; очень лососинку одобряют.

В летней мастерской кормят обедом нищих и убогих - студнем, похлебкой и белой кашей. В зимней, где живет Горкин, обедают свои и пришлые, работавшие у нас раньше, и обед им погуще и посытней: солонинка с соленым огурцом, лапша с гусиным потрохом, с пирогами, жареный гусь с картошкой, яблочный пирог, - «царский обед», так и говорят, пива и меду вволю.

Вопросы

1. Почему при обсуждении подарка для отца сын хозяина Иван постеснялся предложить свой вариант – золотое портмоне?
2. Опишите образ жизни и ценности, которых придерживается Сергей Иванович.
3. Для какой культуры характерен такой тип бизнесмена?
4. Возможен ли такой тип предпринимателя в наши дни?

Лесков Н. С. Расточитель*

<...> Вздор! Не может быть, чтоб человек с умом не сделал в России того, что хочет... Все это выдумка! Да, наконец, и граф Александр Андреевич этого не может допустить. На него на полмиллиона векселей при таком суде представят, а он платить долгов не поважен. Пустое, вздор, мечтанье, форма... Нет, меня не запугаете, и пока этот лоб наруже, на Фирса Князева узды вам не накинуть.

Слышен стук в двери.

Кто там?

ЯВЛЕНИЕ 2

Минутка (*входя*). Не беспокойтесь: это я.

Князев. Что ты там пропадал столько времени? Велики, знать, очень секретарские разносолы.

Минутка (*усаживаясь*). Нет, какие там наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видал... да ей и нездоровится.

Князев. Ну что там нездоровится... псовая болезнь до поля, бабья до постели: выспится и здорова будет.

Минутка (*подобострастно улыбаясь*). Это так, так... они как кошки: переволоки на другое место, и опять живут... Ну ах, чтоб вы знали только зато, как я разбился... Кажется, за ничто на свете теперь бы с постели не встал. Ведь шутка ли, в самом деле, в восемь дней в Петербург и назад. Хороша дорога, слова нет, особенно от Питера до Владимира по чунке, как в комнате сидишь; но уж от Владимира...

Князев (*перебивая*). Да, от Владимира многим не нравится... Ну да к черту это! Расскажи ты мне теперь, братец, что же ты сделал в Петербурге по моему приказанию? Письмо ты мне от стряпчего привез столь глупое, что я этого человека после этого сумасшедшим считаю.

Минутка (*ослабляясь*). Нет, большого ума, большого ума человек, Фирс Григорьевич! Не дети, а мужи, самые настоящие мужи, дельцы и те приуныли. Одно слово, как стряпчий сказал, нечего и рецептов писать, когда наши аптеки все закрыты. (*Разводит руками.*)

* Лесков Н. С. Расточитель. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/32811/read?HiC1pNJ> (дата обращения: 23.03.2019).

Князев. Как же это, - стало быть, и ты уже без взяток жить собираешься?

Минутка. А что ж поделаешь!

Князев (*встает и начинает ходить*). А вытерпеть надеешься?

Минутка. Представьте, Фирс Григорьич... чтоб вы знали, ни денег дать, ни упросить его, ни подкупить... Как вам это нравится?

Князев. А обмануть?

Минутка (*смотрит на Князева с изумлением и растерянно повторяет*). Обмануть...

Князев. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтоб вы знали, и обмануть я, Фирс Григорьич, не в надежде.

Князев. Ну обойти, коли не обмануть?

Минутка молча разводит у себя под носом руками.

(*Про себя.*) Однако и у пиявки брюшко залубенело. (*Громко.*) Нет, пан Вонифатий, вижу я, что двадцать лет назад, когда тебя только что прислали из Польши на смирение, ты смелей был. Помню я, как ты, первый раз, как я тебя у полицеймейстера за завтраком увидел, рассуждал, что «в России невозможности нет». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбил, и на службу принял, и секретарем в Думе сделал, и двадцать лет нам с тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лет назад ведь говорил я, Фирс Григорьич.

Князев. Да, в эти двадцать лет ты понажился, а я... а я прожился.

Минутка. Кто ж этому причиной, Фирс Григорьич? Не я тому причиной: я жил по средствам, вы же...

Князев (*перебивая*). Молчи, сморчок!.. В тебе сидит один польский черт, а во мне семь русских чертей с дьяволом, так не тебе про то судить, кто виноват. Когда б не эти черти, я и теперь бы дома не сидел и не послал бы тебя в Питер. (*Успокаиваясь.*) Говори, велико ли время еще дадут мне на передышку?

Минутка (*пожав плечами*). Сказали так, что дело об отчете два месяца, не более могут продержат и тогда потребуют остатки.

Князев. Сколько?

Минутка. Насчету будет тысяч двести.

Князев. Двести тысяч!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мне врать.

Князев. На что?.. А ты соври себе, чтоб легче было отвечать.

Минутка (*вскакивая и дрожа*). Да я-то что же здесь? Я здесь при чем же, Фирс Григорьич?

Князев. Агу, дружочек! Ты здесь при чем? А не знаешь ли ты того подьячего, что нам с Мякишевым двадцать лет отчеты по молчановской опеке выводил? Что, голубь! Я ведь бумажки прячу.

Минутка, потерявшись, не знает, что сказать.

А! Ишь как дрожит! Вот тем-то вы, ляшки, и скверны. На каверзу вот тут вас взять, а если где придется стать лицом к лицу с бедою, так тут вы уж и жидки на расправу. (*Грозит пальцем.*) Эй, пан, со мною не финти! (*Смело.*) Я крепко кован! Я знаю, куда ступаю. Я сел опекуном, так из всех должностей высел, а тебя, дурака, в Думу посадил, и... придет к тому, так... я же тебя и в тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Ведь новый суд над нами еще не начался, а до тех пор держись... вот тут вот... за полу мою держись, покуда... (*с омерзением*) покуда в нос сапогом не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирс Григорьич! Я, что ль, за новый суд! Да за ничто на свете! Тпфу! вот ему что от меня, новому суду. Я, чтоб вы знали, я всем чем угодно готов служить вам, Фирс Григорьич.

Князев. Ну, всем - где тебе всем служить? Я тебя посылаю каверзить - слышишь, каверзить. Больше вы, паны, ни на что не способны.

Минутка. Да нуте, бог з вами, какой я пан: я такой же, как и вы, русский человек.

Князев (*презрительно*). Ну врешь - такой же! - что у тебя на русской службе польская кость собачьим мясом обросла, так уж ты от этого и русским сделался! Впрочем, не русись: ты мне такой и нужен, какой ты есть! Где ума потребуется, там мы своего поищем; а ты ступай повсюду... бунтуй народ, мещан, особенно фабричных... Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили, что Фирс Григорьич их отец, что он застоя их; он благодетель их и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, мол, в прошлом году совсем было быть набору... а как министерский чиновник через наш город проехал да с Князевым повидался, - и набору, мол, конец. Ты все это должен помнить: сам ведь распускал. Теперь опять все это им напеть, да растолковать им, канальям, что я все могу сделать.

Минутка. Это... это что и толковать! Этому, чтоб вы знали, они и так все верят.

Князев. Знаю! И то... да! скажи, что опять в Петербурге про набор слышал... Это старо, да еще не изъездилося... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь от молчановской опеки, не откажусь быть головою и... «его, мол, выберут». Это ничего, что не ты, а они выбирать будут - ты прямо говори, что выберут.

Минутка (*смеясь*). Быдло!.. Скот, скот... бараны... я про народ-то говорю: бараны!

Князев. Да, ступай и действуй смело, а я здесь кое о чем подумаю.

Минутка. Одно только, как бы это так получше, Фирс Григорьич, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князев. Ну, об этом ты не заботься: у нас правда молчком лежит, а брехню пусти с уха на ухо, она пролетит с угла на угол. Ступай.

Минутка (*порываясь к двери*). Прощайте, до свиданья.

Князев. Да то еще... Да! Если что-нибудь тебе случится разузнать, что Ванюшка Молчанов неспокоен, что что-нибудь затевает...

Минутка. Та дать вам знать?

Князев. Да, ту ж минуту; ту ж секунду... Слышишь: ту ж секунду. Беги сюда хоть ночь, хоть за полночь... да не ломись двором, где люди видят, а оттуда, знаешь, с выгона подергай за веревку. Я сам тебя впусти в садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князев. Не дай зевка. Мне кажется, что он недаром что-то очень тих. (*Про себя.*) Черт знает... я бойких людей не люблю и очень тихих не люблю тоже. Не верю я тихим. (*Минутке.*) Не верю я тихим!

Минутка. Фирс Григорьич, не беспокойтесь! Кто тихо ходит, того чох выдаст... чох выдаст... хе-хе-хе, чох...

Князев. Ступай.

Князев (*один, медленно и с усталостью*). Проклятая самая вещь чужие миллионы в руках держать: ладони сами словно клеем приклеиваются - все так и пристаёт к ним, так и пристаёт; а потом вот как поналипнет - и трудно приходится рассчитывать. Две недели! Что тут можно сделать из ничего в две недели? А не сделай, - бубновый туз тебе на спину и в каторгу. Гм! Но и еще и не в том дело, что в две недели, и не в том, что

из «ничего»; а когда это? в какое время? когда я уязвлен, когда я умом помрачен и только мечтаю о сласти, когда все, наконец, уж так доведено, что Марине шагу ступить без меня невозможно... Сегодня ей уж последний удар нанесен: я вчера велел Дросиде, чтоб нынче выгнать их - и ее и мать, - если Марина еще ломаться будет. Теперь ей один выбор - идти со слепую матерью питаться желудями или... прийти ко мне. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый час в исходе... Непременно должна бы сейчас быть... Небось закутается... идет, словно земля под ней проваливается, и все плачет. Гм! *(Подумав.)* А я очень люблю иногда плачущих женщин... *(Страстно.)* У них в это время, когда они плачут, губы такие... жаркие и всё, как бабочка на булавке, трепещутся... Давно уж, давно я не целовал такой! *(Задумывается.)* Изучились все, все уж и здешние-то приучились, как рыбы холодные на блессточку ходят, только блессточек заготовливай... Ах, эти блесточки, блесточки!.. Вот, черт возьми, вертись, как жид перед жолнером: то баба, то свое спасенье. *(Садится к столу, на котором стоят книги законов.)* Неужто же в самом деле ни ум, ни закон, ничто не поможет? Нет! чтоб выгонять вон из головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а ныне на закон!

Вопросы

1. Каковы основные культурные и моральные принципы реализованы в жизни Ф.Г. Князева?
2. Как эти жизненные принципы связаны с предпринимательской политикой Ф.Г. Князева.
3. Составьте социокультурный портрет Ф.Г. Князева, если бы он жил в наши дни.

Гоголь Н.В. Мертвые души. Том 2*

Наконец показалась деревня. Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. «Да, - подумал Чичиков, - видно, что живет хозяин-туз». Избы всё крепкие, улицы торные; стояла ли где телега - телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой. Не было тут аглицких парков и газонов со всякими затеями, но, по старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы все было видно барину, что ни делается вокруг его; и в довершение - поверх дома фонарь обозревал на пятнадцать верст кругом всю окольность. У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хотя на них и не было фраков, а казацкие чекмени синего домашнего сукна.

Хозяйка дома выбежала сама на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как Божий день; походила как две капли на Платонова, с той разницей только, что не была вяла, как он, но разговорлива и весела.

- Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал. А Константина нет дома; но он скоро будет.

- Где ж он?

- У него есть дело на деревне с какими-то покупателями, - говорила она, вводя гостей в комнату.

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал двести тысяч, думая по нем отыскать свойства самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей свое впечатление. Но нельзя было вывести никакого заключения. Комнаты все просты, даже пусты: ни фресков, ни картин, ни бронз, ни цветов, ни этажерок с фарфором, ни даже книг. Словом, все показывало, что главная жизнь существа,

* Гоголь Н. В. Мертвые души. Т. 2. URL: <https://flibusta.appspot.com/b/284542/read?GKiNbyrk> (дата обращения: 23.03.2019).

здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и самые мысли не обдумывались заблаговременно сибаритским образом, у огня пред камином, в покойных креслах, но там же, на месте дела, приходили в голову, и там же, где приходили, там и претворялись в дело. В комнатах мог только заметить Чичиков следы женского домоводства: на столах и стульях были поставлены чистые липовые доски и на них лепестки каких-то цветков, приготовленные к сушке.

- Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена? - сказал Платонов.

- Как дрянь! - сказала хозяйка. - Это лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый год всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы всё смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете.

А! вот он! идет! идет! - сказал Платонов.

Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет сорока человек, живой, смуглой наружности, в сертуке верблюжьего сукна. О наряде своем он не думал. На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли два человека нижнего сословия, - шли, разговаривая и о чем-то с ним толкуя. Один - простой мужик, другой - какой-то заезжий кулак и пройдоха, в синей сибирке. Так как остановились они все около крыльца, то и разговор их был слышен в комнатах.

- Вы вот что лучше сделайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вам, пожалуй, дам взаймы: вы после мне отработаете.

- Нет, Константин Федорович, что уж откупаться? Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься. Уж эдакого умного человека нигде во всем свете нельзя сыскать. А ведь теперь беда та, что себя никак не убережешь. Целовальники такие завели теперь настойки, что с одной рюмки так те живот станет драть, что воды ведро бы выпил. Не успеешь опомниться, как все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, миром ворочает, ей-Богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку мужиков: и табак, и всякие такие <...> Что ж делать, Константин Федорович? Человек - не удержишься.

- Послушай, да ведь вот в чем дело. Ведь у меня все-таки неволя. Это правда, что с первого разу все получишь - и корову и лошадь; да ведь дело в том, что я так требую с мужиков, как нигде. У меня работай - первое; мне ли, или себе, но уж я не дам никому залежаться Я и сам работаю как вол, и мужики у меня; потому что испытал, брат: вся дрянь лезет в голову

оттого, что не работаешь. Так вы об этом все подумайте миром и потолкуйте между собою.

<...> - Да ведь и у тебя же есть фабрики, - заметил Платонов.

- А кто их заводил? Сами завелись! накопилось шерсти, сбыть некуда - я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые - по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, - мужику надобные, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, - ну куды ее девать? Я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так. Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Голодный год, и все по милости этих фабрикантов, упустивших посева. Эдаких фабрик у меня, брат, наберется много. Всякий год другая фабрика, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков. Рассмотрю только попристальнее свое хозяйство - всякая дрянь даст доход, так что отталкиваешь, говоришь: не нужно. Ведь я не строю для этого дворцов с колоннами да с фронтонами.

- Это изумительно... Изумительнее же всего то, что всякая дрянь даст доход! - сказал Чичиков.

<...> - Думают, как просветить мужика! Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти щелкоперы! Пустит какой-нибудь молокосос книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: «Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья...» Что сами благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди, и болезней черт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, как пузырь, - так хотят теперь и этих заразить. Да слава Богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями! За это мы просто должны благодарить Бога. Да хлебопашцы для меня всех почтеннее - что вы его трогаете? Дай Бог, чтобы все были хлебопашцы.

- Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей заниматься? - спросил Чичиков.

- Законнее, а не то что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственной, чище, благородней, выше. Не говорю - не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество - вот что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики - того, что нужно здесь, под рукой человеку, на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом для поддержки и для сбыту употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки! Пусть я буду перед Богом прав... Я двадцать лет живу с народом; я знаю, какие от этого следствия.

<...> - Как вообще люди способны к злословию! - сказал Чичиков.

- А уж как в нашей губернии - не можете себе представить! Меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупцом первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я, говорит, конечно, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, мошенников то есть, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло».

- Желал бы я быть этакой свиньей! - сказал Чичиков.

- И все это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книжки хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится картами да пьянством. И все оттого, что не задаю обедов да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило; я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, - милости просим. Не даю денег займы - это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, - я тебе не откажу и не возьму даже процентов.

- И никогда не откажу, - продолжал Костанжогло. - Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Черт побери! он затевает там какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебелью дом, или с распутницей в маскарад, юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром прожил, а ему давай деньги займы!..

Здесь Костанжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной ипохондрии омрачила его лицо. Вдоль лба и впоперек его собрались морщины, обличители гневного движенья взволнованной желчи.

- Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора, — сказал Чичиков, выпивая еще рюмку малиновки, которая действительно была отличная. - Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени...

- Если вы хотите, - подхватил сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенья духа, - разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о времени, то разбогатеете скоро.

- Вот оно как, сказал Чичиков.

- Да, - сказал Костанжогло отрывисто, точно как бы он сердился на самого Чичикова, - надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска, - да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки дурачье, ослиное поколенье! Хозяину нельзя, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты - все полнота. Одно это разнообразье занятий, и притом каких занятий! - занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как еще прежде, чем наступит весна, всё уж настороже и ждет ее; подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установление новых тягол. Весь год обсматривается вперед и все рассчитывается вначале. А как взломает лед, да пройдут реки, да просохнет все и пойдет взрываться земля - по огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны: садка, севы и посевы. Понимаете ли, что это? Безделица! грядущий урожай сеют! Блаженство всей земли сеют! Пропитанье миллионов сеют! Наступило лето... А тут покосы, покосы... И вот закипела вдруг жатва; за рожью пошла рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овес. Все кипит; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глаз имей - всем им работа. А как отпразднуется все да пойдет свозиться на

гумны, складываться в клады, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов и в то же время все бабьи работы, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, - да ведь это... А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он там на себя колышется. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, что все это с какой целью творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плод да доход, - да я и рассказать не могу, что тогда в тебе делается. И не потому, что растут деньги, - деньги деньгами, - но потому, что все это дело рук твоих; потому что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на всё. Да где вы найдете мне равное наслажденье? - сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. - Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья! Здесь, именно здесь подражает Богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее всех наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называют скучным делом!..

Вопросы

1. Опишите принципы политики предпринимательства Константина Федоровича Констанжогло.
2. Как бы Вы сформулировали девиз этого предпринимателя?
3. Какие принципы в управлении хозяйством говорят о том, что К. Ф. Констанжогло социально ответственный бизнесмен?
4. Какие качества объединяют К. Ф. Констанжогло и протестантов, описанных М. Вебером в книге «Протестантская этика и дух капитализма»?
5. Составьте таблицу условных положительных и отрицательных характеристик предпринимательской деятельности С. И. Шмелева, Ф.Г. Князева и К. К. Констанжогло.
6. Какой из этих типов предпринимателя более характерен для современной нам России? Напишите эссе.

Содержание

Пояснительная записка к учебному пособию	3
Тема 1. Культурология в системе гуманитарного знания	5
Феофраст. Характеры	5
Иванов А. Псоглавцы	14
Мериме П. Маттео Фальконе	16
Гришковец Е. Прощание с бумагой	21
Тема 2. Теоретические концепции культуры	25
Парадигма «культура как репрессия»	25
Андерсен Г. Х. Снежная королева. Рассказ пятый «Маленькая разбойница»	25
Петрушевская Л. Через поля	30
Водолазкин Е. Брисбен	33
Парадигма высокой культуры	35
Кристи А. Автобиография. Глава четвертая	35
Зощенко М. Аристократка	40
Парадигма «культура как образ жизни»	43
Кристи А. Автобиография	43
Чехов А. П. Толстый и тонкий	47
Тема 3. Культура и общество	50
Бунин И. А. Лапти	50
Успенский Э. Н. Дядя Федор, пес и кот	52
Тема 4. Динамика культуры	54
Сомерсет У.М. Дождь	54
Толстая Т.Н. Кысь	58
Тема 5. Архаичная культура	66
Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате	66
Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский камень	74
Тема 6. Культура традиционного общества	78
Афанасьев М. Лихо одноглазое (сказка)	78
Гримм Я. и В. Легенда о Гамельнском крысолове	81
Гоголь Н.В. Портрет	89

Тема 7. Культура индустриального общества	91
Оруэлл Дж. 1984	91
Содерберг М.Т. Хюгге. Датское искусство счастья	93
Саган Ф. Здравствуй, грусть!.....	95
Славникова О. А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки.....	97
Тема 8. Понятие массовой культуры	100
Заппа Ф. Настоящая книжка Фрэнка Заппы.....	100
Чижова Е. С. Терракотовая старуха.....	102
Тема 9. Множественность форм современной культуры	110
Вишневский Я. Одиночество в сети	110
Познански У. Эреб	117
Тема 10. Экономическая форма современной культуры	131
Шмелев И. С. Лето господне	131
Лесков Н. С. Расточитель	136
Гоголь Н.В. Мертвые души. Том 2.	141

Учебное издание

Ветошкина Юлия Владимировна

Культурология

Хрестоматия

Редактор *Е. А. Огиенко*

Компьютерная верстка: *Ю. В. Ветошкина*

Объем данных 1,67 Мб

Подписано к использованию 17.06.2019

Размещено в открытом доступе

на сайте www.psu.ru

в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр

Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15